

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY – JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2021

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею филологического факультета МГУ

- Оболенская Ю.Л.* Жизнь и деятельность Марии–Луисы Гонсалес Родригес и ее роль в создании московской школы испанистики 9
Синёва О.В. Балтийская филология в МГУ имени М.В. Ломоносова . . 21

Статьи

- Солопова О.А., Чудинов А.П.* Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации. Опыт практического анализа. 32
Скрипка В.К. Функции указательного местоимения *сь* в деловой письменности XIV–XV вв. 44
Левитская А.А. Особенности видения аспектуальных характеристиккратно повторяющегося действия в осетинской языковой картине мира в сравнении с русским языком 54
Пахсарьян Н.Т. Экспериментальный роман в эпоху «рефлективного традиционализма»: «Карета, увязшая в грязи» П.К. де Мариво. . . 64
Спиваковский П.Е. Трагический герой и пространство тернарной этики в романе Татьяны Толстой «Кысь». 76
Белавина Е.М. «Старые куклы, вытщенные из шкафа», или Автобиографизм и вымысел в избранных сказках Марселины Деборд-Вальмор 90
Гугнин А.А. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича: Некоторые размышления о перспективах андричеведения после прочтения хорошей монографии 101
Козлов А.Е. К вопросу о прагматике статьи Н.Д. Ахшарумова «О порабощении искусства». 114
Алпатов С.В. «Папа Римский умер»: игровой сюжет и словесная формула в детском фольклоре 127

Материалы и сообщения

- Беляева Т.Р.* Подходы к изучению общенаучной (академической) лексики в лингвистической традиции школы англистики МГУ имени М.В. Ломоносова 138
Цзян Ино. Акустические характеристики русских гласных после мягких согласных в сопоставлении с китайскими дифтонгами 149
Микеладзе Н.Э. Кому «свой меч вручает Бог»? (Шекспир и епископ Билсон). 161

Рецензии

- Константинова А.А.* Bastrakova K.D., Philippova M.M. Political Euphemism as a Linguistic “Nuclear Weapon”. Moscow: Moscow University Press, 2021 172
Капырина Т.А., Мироненко С.Н. Денисов А.Е. Пильняковские чтения в Коломне. Посвящается памяти А.П. Ауэра. Коломна: Серебро Слов, 2019 177

<i>Балдина Е.В.</i> Воропаев В.А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019	180
<i>Сорокина Н.В.</i> Голубков М.М. Юрий Поляков: Контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: Изд-во АСТ, 2020	184

Научная жизнь

<i>Онипенко Н.К.</i> ЛII Виноградовские чтения	188
<i>Мухачёва И.В.</i> Чтения к 100-летию со дня рождения Клавдии Васильевны Горшковой	194
<i>Ковригина Е.А.</i> Чтения к 90-летию со дня рождения Г.А. Хабургаева ..	201
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Конференция «Жизнь, творчество и философско-эстетические взгляды А.А. Григорьева. Прошлое и современность» на филологическом факультете МГУ	208
<i>Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.</i> Ломоносовские чтения — 2020 на филологическом факультете Московского университета	212

Памяти...

<i>Клюева Е.В., Амеличева В.М.</i> Ирина Николаевна Кузнецова	231
<i>Князев С.В.</i> София Константиновна Пожарицкая	236

CONTENTS

Celebrating the Anniversary of Moscow University Philology School

<i>Obolenskaya Yu.</i> The life and work of Maria Luisa Gonzalez Rodriguez and her role in the foundation of the Moscow School of Spanish Studies	9
<i>Siniova O.</i> The Centre for Baltic Studies at Lomonosov Moscow State University	21

Articles

<i>Solopova O., Chudinov A.</i> Methodology of Diachronic Metaphor Research in The Digital Age: Practical Experience	32
<i>Skripka V.</i> Functions of the Russian Demonstrative Pronoun <i>S'</i> in 14th–15th Century Official Documents	44
<i>Levitskaya A.</i> Aspectual Characteristics of a Multiple Repetitive Action in Ossetian and Russian Pictures of the World	54
<i>Pakhsarian N.</i> Experimental Novel in the Age of the “Reflective Traditionalism”: “La Voiture Embourbée” by Marivaux	64
<i>Spivakovsky P.</i> The Tragic Hero and the Space of Ternary Ethics in Tatjana Tolstaya’s <i>Slynx</i>	76
<i>Belavina E.</i> “Old Dolls Pulled out of the Wardrobe”, Or Autobiography-ism and Welcomes in Selected Stories by Marceline Desbordes-Valmore	90
<i>Gugin A.</i> Cultural Frontier in Ivo Andric’s works	101
<i>Kozlov A.</i> The Pragmatics of Nikolay Aksharumov’s Article ‘The Enslavement of Art’	114
<i>Alpatov S.</i> ‘Pope Is Dead’: Children’s Game Plot and the Verbal Topos . .	127

Communications

<i>Beliaeva T.</i> Approaches to Studying General Scientific Vocabulary in Lomonosov Moscow University’s School of Anglistics	138
<i>Jiang YINUO</i> Acoustic Characteristics of Russian Vowels after Soft Consonants and Chinese Diphthongs	149
<i>Mikeladze N.</i> Shakespeare and Bishop Bilson: “He Who the Sword of Heaven Will Bear?”	161

Book Reviews

<i>Konstantinova A.</i> Bastrakova K.D., Philippova M.M. Political Euphemism as a Linguistic “Nuclear Weapon”. Moscow: Moscow University Press, 2021	172
<i>Kapyrina T., Mironenko S.</i> Denisov A. E. Pilnyak Readings in Kolomna. In Memory of A.P. Auer. Kolomna: Serebro Slov, 2019	177
<i>Baldina E.</i> Voropaev V. A. No Other Door... About Gogol and Not Only Him. M.: Bely Gorod Publ., 2019	180
<i>Sorokina N.</i> Golubkov M. M. Yuri Polyakov: Context, Subtext, Intertext and Other “Adventures” of the Text. A Few Notes from a Seminar. M.: AST Edition, 2020	184

Scientific Life

<i>Onipenko N.</i> LII Vinogradov Readings	188
<i>Mukhachyova I.</i> Celebrating Professor Klavdiya Gorshkova (1921–2002)	194
<i>Kovrigina E.</i> Celebrating Professor Georgy Khaburgaev (1931–1991)	201
<i>Trakhtenberg L.</i> The Conference “The life, works and aesthetic views of A.A. Grigoriev. Past and present” (MSU, Faculty of Philology)	208
<i>Aleksandrova O., Remneva M., Strelets I.</i> The 2020 Lomonosov Readings at Moscow University’s Faculty of Philology	212

In Memoriam

<i>Klyueva E., Amelicheva V.</i> Irina Kuznetsova	231
<i>Knyazev S.</i> Sofia Pozharitskaya	236

К ЮБИЛЕЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Ю.Л. Оболенская

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРИИ-ЛУИСЫ ГОНСАЛЕС РОДРИГЕС И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ИСПАНИСТИКИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена 120-летию со дня рождения одной из основательниц испанского отделения филологического факультета — М.-Л. Гонсалес Родригес, и в ней рассматриваются факты ее удивительной биографии, обстоятельства ее жизни в четырех странах, знакомства и дружбы с выдающимися деятелями культуры XX в., кроме того, в ней анализируется ее педагогическая деятельность в МГУ.

Ключевые слова: испанистика; 120-летний юбилей; жизнь и деятельность М.-Л. Гонсалес; Х. Висенс; испанская эмиграция.

Жизнь этой удивительной испанки, стоявшей у истоков московской школы испанистики, — легендарной основательницы кафедр испанского языка в МГУ имени М.В. Ломоносова и МГИМО, а также Высшей дипломатической школе — могла бы стать сюжетом исторического приключенческого романа или фильма, биографической мелодрамы, в которой трагические события жизни героини сопрягаются с самыми драматичными для Испании и России испытаниями...

Ей выпало прожить почти целый век — с 1900 по 1998 г., познакомиться и дружить с выдающимися личностями XX в., избежать смерти в 36 лет, в долгие годы вынужденной эмиграции одной поднимать и спасать своих сыновей, голодать, ломать себя и свою жизнь, начинать все заново в четырех странах, оставаясь сильным и цельным Человеком, и стать Учителем для нескольких поколений ее испанских и русских учеников, в числе которых выдающиеся российские испанисты.

Она родилась 24 августа 1900 г. в Медина де Помар (Бургос, Испания), в семье фармацевта — обладателя прекрасной библиотеки.

Оболенская Юлия Леонардовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: obolens7@yandex.ru).

Ее детство прошло в столице Арагона Сарагосе — городе-символе воинской славы и прославленного старейшего в Испании университета, городе, где прошла юность двух сыгравших в ее жизни очень важную роль людей — Луиса Бунюэля и ее будущего мужа Хуана Висенса. Мария-Луиса рано осиротела: ее отец умер, когда ей было шесть лет, а спустя четыре года умирает и ее мать, наследница удивительного рода: имя ее деда — маршала, прославившегося во время карлистских войн XIX в. — Гонсало Гонсалес де ла Гонсалера. Ее старшие сестры берут на себя заботу о четверых младших, а конкурсное распределение сестры Фелисы на работу в колледж *Escuela Normal* в Саламанке предопределило дальнейшую судьбу Марии-Луисы: после завершения ее учебы в Политехническом институте г. Сории и получения диплома бакалавра в Альбасете было решено, что она должна учиться в университете Саламанки. Знаменитый университет Саламанки (самый древний в Испании, основан в 1218 г.) к тому времени уже вышел из подчинения церкви, и женщины имели право учиться, а с 1910 г. даже преподавать в нем. Но священники по-прежнему играют первую скрипку в руководстве университета и категорически возражают против ее приема. Ценой невероятных усилий при активной поддержке Мигеля де Унамуно¹ (который в 1901 становится ректором университета) Фелиса Гонсалес добилась зачисления Марии-Луисы в университет Саламанки. Однако для получения стипендии потребовалась еще и поддержка очень известной писательницы Эмилии Пардо Басан (1851–1921), которая, в свою очередь, стала в этом университете первой женщиной — преподавателем, заведующей кафедрой литературы, причем в те годы именно по этой причине ее лекции бойкотировались студентами. Э. Пардо Басан обратилась за поддержкой к министру через газету ABC — и так 16-летняя Мария-Луиса по королевскому декрету получила и стипендию, а затем стала первой в Испании женщиной, закончившей в 1921 г. факультет философии и литературы этого университета. Она часто рассказывала, какими тяжелыми для нее были первые годы учебы: юноши-студенты не давали ей войти в здание, освистывали, оскорбляли. Когда такую сцену увидел Унамуно, он взял ее за руку и отвел к себе, и в его доме среди его детей — почти ее ровесников, в теплой семейной атмосфере она прожила два года, а беседы с этим выдающимся философом о литературе и жизни сформировали ее как личность. Доверие Мигеля де Унамуно к ней было столь велико, что незадолго до своей смерти в 1936 г. именно ей он передает свое письмо, об-

¹ Мигель де Унамуно (1864–1936) — выдающийся испанский философ, писатель и политический деятель.

личающее «установление империи варварства и убийство культуры» режимом Франсиско Франко для публикации во Франции. Письмо нельзя было ни опубликовать, ни вывезти из Испании, ей пришлось выучить его наизусть, а потом чудом (или обманом) она избежала ареста и с огромным риском для жизни добралась до Франции, где это письмо сразу же опубликовали.

Итак, по окончании учебы в университете Саламанке *лиценциат* Мария-Луиса переезжает в Мадрид для подготовки к конкурсу на должность библиотекаря-архивариуса² и продолжает учебу в знаменитой *Студенческой Резиденции* для девушек. Здесь, во-первых, следует пояснить, что это за явление — *la Residencia de Estudiantes*. Это был действительно уникальный учебный центр, созданный по модели английских университетов, и в нем, собственно, протекала насыщенная интеллектуальная и творческая жизнь жаждущей перемен Испании первой трети XX в. В этом центре на практике осуществлялась та самая модель интердисциплинарного обучения — гармонии точных и гуманитарных наук и искусств, о котором стало модно говорить в XXI в. В нем обучались и жили одновременно 150 студентов (за все годы их было около 900), а в их распоряжении были прекрасная библиотека и научные лаборатории для экспериментов, одной из них, например, руководил известный физиолог Хуан Негрин, будущий премьер министр республиканского правительства. Лучшие ученые с мировым именем читали им лекции и проводили с ними семинары, среди приглашенных лекторов были, например, А. Эйнштейн (причем переводил его лекции и представлял аудитории не кто иной как философ Х. Ортега-и-Гассет), Мария Кюри, Г. Уэльс, Г.К. Честертон, Л. Арагон, Ф.Т. Маринетти, Р. Тагор, А. Бергсон и Ле Корбюзье, Рафаэль Альберти и Х. Рамон Хименес, свои концерты там давали М. Равель, Ф. Пуленк, И. Стравинский, Мануэль де Фалья, сами учащиеся занимались всевозможными видами художественного творчества и спортом. Этот *Свободный институт Образования* просуществовал с 1910 по 1936 г., и его общественную и культурную роль в жизни Испании трудно переоценить.

И вот в Мадриде, в Студенческой Резиденции, в 1921–1925 гг. пересекаются пути будущих друзей: старожилов Луиса Бунюэля, который живет там с 1917 г., и приехавших в 1919 г. Федерико Гарсия Лорки и Хосе Бельо Ласьеррра (по прозвищу Пепин Бельо — человека, воплотившего в жизнь уникальный архетип художника без произведений, студента без единого сданного экзамена и самого верного

² Эта должность была в то время почти единственной должностью с высоким статусом «государственного служащего», которую с 1910 г. могли занимать по конкурсу женщины.

друга). А чуть позже — в 1922 г. к ним присоединяются Сальвадор Дали, Санчес Вентура, Хуан Висенс де ла Льяве и в 1920—1921 сестры Гонсалес — Эрнестина (она была на год старше своей сестры) и Мария-Луиса. Вся компания разделяет общие взгляды на искусство, увлечена модными социалистическими идеями, общей любовью к путешествиям и приключениям, воскресным поездкам в горы и пешим походам. Луис Бунюэль инициировал создание нового «Ордена Толедо» в 1923 г., став его магистром, а члены Ордена представляли цвет поэтов и художников *поколения 27 г.*³, рыцарями ордена стали и две сестры Гонсалес — Эрнестина и Мария-Луиса. В 1926 г. в Париже Дали вспоминал об этом Ордене на встречах-тертулиях в «Испанской книжной лавке», а испанский режиссер К. Саура много позже снимет об этом периоде жизни великих испанцев — Дали, Лорки и Бунюэля — фильм, исполненный поэзии и мистической тайны творчества, «Луис Бунюэль и стол царя Соломона».

Близким другом Луиса Бунюэля (эта дружба началась еще во время их учебы в Сарагосе и длилась до последних дней жизни ушедшего первым Хуана) был рано осиротевший и унаследовавший значительный капитал Х. Висенс, в Мадриде именно он «кредитовал» хронического должника Федерико Лорку. Хуан занимался фотографией⁴ и прививал всей компании английскую моду одежды, курения трубки, питания и довольно экзотического для тех лет питья чая, хотя чаще пили не только чай. Обильного питья требовал от рыцарей и устав Ордена Толедо, по *уставу* же все они беззаветно любили Толедо, открывая в нем все новые тайны. Поэзия, живопись, музыка были для них всех естественной средой обитания, ближе всех для Марии-Луисы сразу же стал Федерико Лорка, до конца своих дней она хранила его рисунки и записки (и мне посчастливилось держать их в руках!), но... в 1926 г. она выходит замуж за Х. Висенса⁵.

³ Орден Толедо принимал новых членов вплоть до захвата франкистами Толедо в 1936 г., объединял испанцев и французов, включая и предствителей сюрреализма, и был по сути ассоциацией писателей и художников авангардистов. Магистром ордена был Бунюэль, секретарем — Пепин Бельо, а штаб-квартирой толедская таверна Вента де Айрес. Рыцарями-основателями Педро Гарфиас, Аугусто Сентено, Хосе Уседай, Р. Санчес Вентура, Ф. Гарсиа Лорка, Франсиско Лорка, Эрнестина Гонсалес; рыцарями стали Мария-Луиса, Рафаэль Альберти, Густаво Дуран, Эдуардо Угарте, Сальвадор Дали, Х.М. Инохоса, Мария Тереса Леон, Рене Кревер и многие другие. Рангом ниже были оруженосцы и гости ордена. Устав Ордена предписывал как можно чаще посещать Толедо и много курьезных требований и ритуалов.

⁴ Именно благодаря этим сохранившимся в архивах (в том числе и Марии-Луисы) фото Висенса мы можем сегодня увидеть студенческий быт и то, какими они сами были в то время.

⁵ Супруги уезжают на длительный медовый месяц на Майорку и активно переписываются с Федерико Гарсиа Лоркой, эта переписка Марии-Луисы хранится в Фонде Гарсиа Лорки.

Молодые супруги решают воплотить в жизнь социалистические принципы хозяйствования на приобретенной Х. Висенсом мельнице, это хозяйство быстро прогорает, и вместе со своим другом Леоном Санчесом Куэста Хуан Висенс приобретает «Испанскую книжную лавку» в Париже, куда семья переезжает в 1928 г. и живет там до 1932 г. Вот что рассказала в одном из последних интервью сама Мария-Луиса: «У нас была книжная лавка на улице Гей-Люсак очень близко от всего — от Сорбонны, от издательств и т.п. В ней бывали Бретон, Луи Арагон (мы очень дружили с ним и его женой), Поль Элюар... все сюрреалисты были нашими друзьями и бывали там...»⁶ В 1930 г. они отмечают премьеру фильма «Золотой век» Бунюэля и Дали, на которую Бунюэль опоздал, и его представлял Висенс...

Во время II испанской республики (с 1931 г.) Х. Висенс занимает важные посты в республиканском правительстве, отвечая за библиотеки и народное образование, а Мария-Луиса работает сначала в Центральном Университете Мадрида, затем архивариусом в Алкала-де-Энарес, становится секретарем организации «Лиги атеистов» и издателем журнала «Без бога», а еще принимает участие в деятельности передвижного театра Ф. Гарсиа Лорки — «Ла Баракка». В 1936 г. семья вынуждена эмигрировать во Францию, где Хуан Висенс получает пост советника по культуре республиканского посольства, а «*Librairie espangole*» (Испанская книжная лавка) становится центром притяжения не только старых друзей семьи, но и всей испанской диаспоры, а также французских интеллектуалов и художников. В 1938 г. в Париже на французском была издана книга Висенса «Живая Испания», в которой он пишет о воспитательной роли библиотек и культуры в целом, описывает достижения республики в деле просвещения народа.

В 1937 г. Мария-Луиса с детьми пытается переехать в Москву для лечения тяжелобольного сына, а в охваченной войной Париже в 1940 г. семья расстается: Висенс выбирает Мексику, а Мария-Луиса — СССР. Сначала у нее нет работы и жилья, и она впервые переживает мучительный голод и страх потерять детей. Затем она получает должность учительницы испанского в группах *испанских детей*⁷ в детских домах (работала в *интердомах* в Подмоскowie, Башкирии и Сталинграде), которых в СССР к тому моменту было создано

⁶ Подробнее см.: Blanco Calvo. María Luisa González, una mujer para un siglo. Pardo Lancina V. Moscú, exilios y México, ausencias Pekín... // Trébede № 43, oct. 2000. P. 25–46.

⁷ *Испанские дети* — это название закрепилось за вывезенными из Испании в 1936–1939 гг. детьми испанских республиканцев и коммунистов, которые получали в интердомах среднее образование, затем учились в советских университетах и институтах, обзаводились семьями, часть из них в 1950–1970 гг. вернулась в Испанию, а часть по-прежнему живет в России. В Испании их называют «дети войны».

15 (10 на территории РФ и 5 — на Украине), и в них было примерно три тысячи детей от 2 до 17 лет. Отмечу, что советское правительство приняло мудрое решение: не *ассимилировать* детей в советских семьях, а дать им возможность сохранить и изучить родной язык и культуру. Кстати сказать, в 2019 г. на конференции в Институте Сервантеса, посвященной 80-летию испанской эмиграции в СССР, выступил один из выпускников детского интердома, где испанскому его учила Мария-Луиса, он по памяти цитировал монологи Дон Кихота, отмечая, что ни один из его получивших образование в Испании родственников не знает испанскую литературу так хорошо, как он. В 1945–1946 гг. Мария-Луиса создает кафедры испанского языка на Высших дипломатических курсах и в Институте международных отношений при МГУ. Она довольно жестко отстаивает перед руководителями и вождами испанской эмиграции в Москве — Д. Ибаррури и С. Карильо — свои принципы преподавания: преподавателями как у испанцев, так и у советских учащихся должны быть не политически грамотные испанские рабочие, а подготовленные специалисты, и учебным материалом должны стать не политические манифесты и периодика, а лучшие произведения испанской литературы. Она приглашает для преподавания выпускников (или бывших студентов) испанских университетов, так у нее начинает работать будущий выдающийся переводчик русской литературы в Испании Аугусто Видаль, а при участии приглашенных Марией-Луисой испанцев создаются первые учебники и словари (Родригес-Данилевской, например). Хуан Висенс в 1954 г. наконец получил разрешение испанского посольства и приехал из Мехико в Москву, а в 1956 г. Д. Ибаррури принимает решение отправить супругов в составе группы испанцев в Пекин для налаживания радиовещания «Радио Пекин» на испанском языке для Испании и Латинской Америки, а также для преподавания. Мария-Луиса продержалась там год и вернулась в СССР. Но затем тяжело заболел Хуан Висенс, и она возвращается в Китай и до его смерти в 1959 г. ухаживает за ним, а затем окончательно переезжает в Москву. Эмиграция М.-Л. Гонсалес длится почти сорок лет, и в это трагическое время постоянных переездов, болезней и потери близких ей удалось сохранить архивы семьи, фото и рисунки Гарсиа Лорки, которые по ее завещанию сейчас хранятся в архивном фонде Студенческой Резиденции.

Итак, с 1945 г. деятельность Марии-Луисы связана с Московским университетом, где она сначала организует преподавание испанского в Институте международных отношений при МГУ (сейчас Университет МГИМО), и, наверное, филологический факультет так ее и не увидел бы, если бы она не осмелилась *завалить* на экзамене

приемную дочь Молотова, в те годы министра иностранных дел, и дочь Кагановича, премьера сталинского правительства. В результате с конца 1947 г. она приходит на филологический факультет, где через полгода была создана кафедра испанского языка, которую возглавили Э.И. Левинтова (1903–1993) и М.-Л. Гонсалес-Родригес. А в 1948 г. на филологическом факультете МГУ проведен первый набор на испанское отделение. На кафедре в то время работали преподаватели из числа испанских эмигрантов — упомянутый А. Видаль, М. Месингер. Студентам испанского отделения филфака завидовали, слава о необычных занятиях, на которые приходили даже выпускники других отделений факультета, жива до сих пор. На фоне блестящих профессоров того послевоенного филфака выделялись и вызывали восхищение две *пассионарии*, преподававшие на отделении: во-первых, шумная и темпераментная Мария-Луиса, и конечно же — Э.И. Левинтова — автор первой в нашей стране монографии об испанском языке в серии «Языки мира» и уникального «Испанско-русского фразеологического словаря». Она была выпускницей первого набора испанского цикла Ленинградского государственного университета 1935 г. и сторонницей классической русской (петербургской) методики преподавания иностранных языков: от сложной теории к иллюстративному материалу и закрепляющей практике на материале, главным образом классических текстов XVII в. и грамматик. А Мария-Луиса интуитивно придерживалась неведомого в ту пору коммуникативного метода обучения языку на широкой интердисциплинарной основе: экскурсии в испанскую, культуру, историю и искусство на ее занятиях дополняли и расширяли поистине герменевтический анализ текстов XX в., а споры и дискуссии, иногда далекие от заданной темы, были важной частью практических занятий. Еще она занималась переводами рассказов А.П. Чехова и предлагала, например, в качестве задания на 3 курсе переводить рассказы А.П. Чехова и даже стихи А.С. Пушкина.

Восторженная оценка этого эмоционально насыщенного процесса обучения принадлежит выдающемуся русскому лингвисту, студенту первого набора на испанское отделение 1948 г. академику РАН Ю.С. Степанову, посвятившему прежде всего ей (в числе других преподавателей филфака) свою последнюю работу «Работы по испанской филологии», написанную совместно с женой, Л.Н. Степановой, учившейся с ним в той же испанской группе:

«Самыми замечательными занятиями, шедеврами уроков были, конечно, занятия испанским языком. Для тех, кто уже знал испанский... на факультете образовали особую группу, которую вела Мария Луиса Гонсалес <...>, ставшая для студентов символом Ис-

паний. Она была кладезем испанской народной речи: классические испанские обороты, народные поговорки и прибаутки, сочные комментарии к текстам и при всем этом — экспансивная требовательность. А к концу курса требования были такими: Мария Луиса распахивала наугад “Дон Кихота” и в бешеном мадридском темпе <...>, не останавливаясь, пять минут читала текст, а затем студенту без передышки и подготовки нужно было по-русски максимально точно изложить содержание прочитанного и особо отметить и передать встретившиеся в тексте трудные обороты»⁸.

А еще Мария-Луиса с первых же лет работы в МГУ создает студенческий испанский театр, который был не только средством популяризации испанской культуры или эстетического воздействия на участников и зрителей, но и неотъемлемой частью воспитательного и образовательного процесса — этот опыт она приобрела еще во время театральных постановок в созданном Ф. Гарсиа Лоркой передвижном театре «Ла Баррака». Репетиции испанского театра и ее суфлирование во время премьер всегда были отдельным спектаклем одного актера: в паузы все слышали исполненную ее басом реплику персонажа, сдобренную ненормативной лексикой. Такими же яркими спектаклями становились ее занятия по испанскому языку и режиссируемые ею экзамены⁹.

Как же учили испанский язык в середине XX в. при отсутствии учебников и испанских текстов? Испанские грамматики, которыми располагали преподаватели, это «Грамматика Королевской Академии языка» 1931 г., грамматика Хили-и-Гайя, французские грамматики, иногда школьные учебники, иногда материалы, привезенные из Ленинграда преподавателем Ленинградского университета О. Васильевой-Шведе, в те годы работавшей над созданием первых грамматик испанского языка. Испанские эмигранты участвовали в написании новых учебников и создании русско-испанских словарей, например, О.Н. Филиппова и М. Родригес-Ирьондо в 1948 г. были редакторами первого «Русско-испанского словаря» (около

⁸ См.: *Степанова Л.Н.* 50 лет испанистике в МГУ: как это начиналось // Вопросы иберо-романской филологии: Сб. Вып. 4. М., 2001. С. 14; *Кубрякова Е.А.* Краткий очерк научной деятельности // Юрий Сергеевич Степанов. Библиография ученых. М., 2000. С. 8.

⁹ Студенты, по обыкновению, оправдывали невыполненные задания отсутствием большинства слов в словарях, а она, ругаясь, начинала «показывать» их значение: взлетала на стул, воздев руку, объясняя значение глагола “ergir” (воздвигнуть), ныряла под стол, показывая, что значит “de cuclillas” (сидеть на корточках) ... Этот показ, ее комментарии к экзаменационным текстам и характеристика их авторов, пословицы на все случаи жизни, смелые шутки и хохот — все это и было для нас настоящей, живой Испанией.

40000 слов, составитель Ю.С. Ясельман). А еще в 1946 г. Аугусто Видаль — тогда преподаватель испанского отделения в МГУ вошел в состав авторского коллектива, создавшего один из первых учебников испанского языка для вузов (ч. 1, М., 1948; ч. 2, М., 1960). А тексты для чтения и анализа из привезенных из Испании книг преподаватели распечатывали (тогда ксероксов не было!) на тоненькой папиросной бумаге по 8—10 экз., причем их количество зависело от качества пишущей машинки и силы удара конкретного преподавателя. Еще в начале 1970-х годов мы получали от Марии-Луисы эти полуслепые тексты испанских классиков и современных писателей!¹⁰

Благодаря двум уникальным личностям основательниц кафедры с первых же лет на испанском отделении создается уникальная *испанская* атмосфера: студенты пели испанские песни и читали стихи, ставили пьесы, *испанские дети* приводили учиться своих детей, несколько поколений ведущих испанистов России считают именно Марию-Луису человеком, давшим им *путевку в жизнь*.

В названии статьи неслучайно выделена ее роль в создании московской школы испанистики. Сложившиеся на базе Московского и Санкт-петербургского университетов научные и преподавательские школы испанистики всегда различались. Хотя обе эти школы традиционно уделяли и уделяют большое значение исследованиям литературы, для петербургской школы всегда был характерен бóльший интерес к изучению истории языка и классической испанской литературы (и особенно литературы Золотого века), а для московской уже с 1940-х годов характерно внимание к изучению современной литературы Испании и Латинской Америки, а также к литературе, созданной на языках народов Испании. Именно благодаря традиции, заложенной Марией-Луисой¹¹, в центре внимания всегда был *живой* разговорный испанский язык, его диалекты, а в последние десятилетия активно развиваются и исследования национальных

¹⁰ Новый этап развития испанистики в МГУ связан с победой кубинской революции в 1959 г. и большой востребованностью испанских преподавателей и переводчиков в 1960-е годы. Именно в 1960—1970-е годы публикуются первые советские издания: словари, учебники и грамматики, завозятся кубинские издания. И как мы радовались прекрасно выполненным изданиям книг на испанском языке издательства «Прогресс» (потом «Радуга») и кубинским изданиям испанских классиков, которые продавались в книжном магазине «Дружба».

¹¹ М.-Л. Гонсалес, к сожалению, не написала научных статей или монографий, Впрочем, иногда рецензировала пособия и некоторые переводы, ведь она и русским языком владела в степени «коммуникативной достаточности», все 40 лет предпочитая говорить по-испански. Но русский язык она понимала очень тонко, при переводе находила стилистические эквиваленты для тропов или русских пословиц, а по интонации и жестам говорящего по-русски легко «считывала» подтексты и затекстовую информацию.

вариантов испанского, к приоритетным направлениям кафедры относится социолингвистика, теория и практика перевода.

На филологическом факультете М.-Л. Гонсалес работала до 1977 г., и здесь в полной мере раскрылся не только ее талант преподавателя и наставника. Не менее важно и то, что даже в непростые годы *борьбы с космополитизмом* она была примером кристально честного, принципиального, порядочного до щепетильности Человека с большой буквы, наделенного обостренным видением прекрасного в языке, искусстве и в человеке. Мария-Луиса обладала огромной эрудицией, острым умом и жизнелюбием. С ней мы впервые в жизни услышали выдающихся исполнителей фламенко, пели испанские народные песни и песни республиканцев, читали стихи Гарсиа Лорки и Мачадо, а у нее дома, замерев от восторга, разглядывали карандашные рисунки Лорки, смешные пляжные фотографии с Дали и Бунюэлем, которые она сохранила со времен их учебы в Мадриде...

Мне посчастливилось и учиться у нее и год работать с ней на кафедре. Это была женщина мудрая и проницательная, сохранявшая оптимизм наперекор всему, ее всегда отличала жесткость суждений и оценок, а бурный темперамент превращал каждый ее урок в представление, которое нельзя было пропустить. Язык мимики и жеста разряжал кризисную атмосферу экзамена, а анекдот, комментарий или воспоминания о *бестолковости* Дали или *прозорливости* Унамуно — погружали нас в другое измерение, ее испанский мир оказывался непознаваемой вселенной...

А в 1977 г. мы провожали ее на родину — и как забыть ее басовитый хохот до слез, когда она смотрела студенческую пародию на нее саму, и как забыть ее слова о том, что все годы, проведенные в СССР, она надеялась и ждала возвращения на родину, но расставаясь со своей второй родиной, поняла, что: «При таких расставаниях всегда умирает часть нашей жизни и большая часть нас самих».

Мария Луиса вернулась в новую *Испанию без Франко* сорок лет спустя, и заполнив квартиру сестры *русской* библиотекой, начала все сначала: объездила и исходила дорогие ей места, путешествовала по Европе, осуществляя многолетнюю мечту, каталась на горных лыжах в Альпах... Когда в 1996 г. я в последний раз видела ее на вечере, посвященном памяти Федерико Гарсиа Лорки в той самой Студенческой Резиденции, в момент, когда исполняли любимую песню Лорки “De los cuatro muleros...”, она, увидев меня в зале, крикнула: «Помнишь, как мы это пели?» Оказалось, что после 20 лет жизни в Испании в свои 96 лет она не только помнила песни, которые мы пели вместе с ней, наши театральные постановки и московские посиделки у нее дома, анекдоты и споры, но еще важнее было то, что она

по-прежнему поражала той особой теплотой и детской открытостью чувств, которые дарила нам, русским студентам, в холодной, так и не ставшей ей домом Москве. И это тепло, и радость встреч с ней, восторг и радость открытия подлинной Испании навсегда останутся в наших душах¹².

Мария-Луиса скончалась в Мадриде на 99-м году жизни 2 ноября 1998 г., но благодаря памяти ее учеников она превратилась в легенду университетской испанистики, которая передается все новым и новым поколениям студентов, *живет* в созданном ею студенческом «Испанском театре».

Список литературы

1. *Степанова Л.Н., Степанов Ю.С.* Работы по испанской филологии. М., 2012.
2. *Степанова Л.Н.* 50 лет испанистике в МГУ: как это начиналось // Вопросы иберо-романской филологии: Сб. Вып. 4. М., 2001. С. 14.
3. *Blanco C. María Luisa González, una mujer para un siglo...* // Trébede. № 43, oct. 2000. P. 36–46.
4. *Fernandez C.E.* Del exilio al destierro: la soledad de un gran librero comunista // Trébede. № 43, oct. 2000. P. 33–35.
5. *Pardo L.V.* Moscú, exilios y México, ausencias Pekín... // Trébede. № 43, oct. 2000. P. 25–32.
6. *Salaberria La larga marcha de Juan Vicéns (Zaragoza, 1895–1959).* en: Vicéns Juan. España viva. Madrid, 2002. P. 7–30.
7. *Vicéns J.* España viva. *El pueblo a conquista de la cultura.* Madrid, 2002.

Yulia Obolenskaya

THE LIFE AND WORK OF MARIA LUISA GONZALEZ RODRIGUEZ AND HER ROLE IN THE FOUNDATION OF THE MOSCOW SCHOOL OF SPANISH STUDIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the 120th anniversary of Maria Luisa Gonzalez, the founder of the Department of Spanish Philology at Lomonosov Moscow State University and discusses her life, pedagogical activity, and friendship with outstanding cultural figures of the 20th century.

¹² Об этом я написала в посвящении моему Учителю — Марии-Луисе Гонсалес — своей книги «Мир испанского языка и культуры» (М., 2018), эта книга и все мои работы без сомнения были бы другими без нее.

Key words: Spanish studies; 120th anniversary; life and work of Maria Luisa Gonzalez; J. Vicens; Spanish emigration.

About author: *Yulia Obolenskaya* — Prof. Dr., Head of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: obolens7@yandex.ru).

References

1. Stepanova L., Stepanov Yu. *Raboty po ispanskoi filologii*. Moskva, 2012, 168 p.
2. Stepanova L. *50 let ispanistiki v MGU: kak eto nachinalos*. In: *Voprosi iberoromanskoi filologii*. 4. Moskva, 2001, p. 14.
3. Blanco Calvo. *María Luisa González, una mujer para un siglo ...* In: *Trébede*. № 43, oct. 2000, pp. 36–46.
4. Fernandez Clemente E. *Del exilio al destierro: la soledad de un gran librero comunista*. In: *Trébede*. № 43, oct. 2000, pp. 33–35.
5. Pardo Lancina V. *Moscú, exilios y México, ausencias Pekín...* In: *Trébede*. № 43, oct. 2000, pp. 25–32.
6. Salaberria. *La larga marcha de Juan Vicéns (Zaragoza, 1895–1959)*. In: *Vicéns Juan. España viva*. Madrid, 2002, pp. 7–30.
7. Vicéns Juan. *España viva. El pueblo a conquista de la cultura*. Madrid, 2002. 146 p.

О.В. Синёва

**БАЛТИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991,
Москва, Ленинские горы, 1*

Направление баллистики на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова возникло в первом десятилетии XXI в. в целях развития модели классического университета. Центр баллистики филологического факультета как административная единица действует на межфакультетском, межфакультетском (исторический, философский и юридический факультеты), а также на межвузовском уровнях. В продолжение научных традиций изучения литовского языка как одного из направлений сравнительно-исторического языкознания в Центре баллистики также развивается преподавание латышского и латгальского языков, проводятся исследования речевого поведения как проявления самоидентичности представителей литовской и латышской диаспор г. Москвы, уделяется внимание vitality балтийских языков как родных на территории РФ, исследуются новейшие литературные процессы Литвы и Латвии.

Ключевые слова: модель классического университета; литовский язык; латышский язык; латгальский язык; речевое поведение; балтийская филология; традиции; инновации.

В Московском университете лингвисты во все времена, начиная с М.В. Ломоносова, проявляли интерес к исследованию литовского языка, но направление баллистики на филологическом факультете возникло в первом десятилетии XXI в. в целях развития модели классического университета [Александрова, Ремнева, Стрелец, 2018: 237–251; 2019: 198–214].

Научные традиции изучения литовского языка как одного из направлений сравнительно-исторического языкознания в МГУ имени М.В. Ломоносова заложены во второй половине XIX в. П.Я. Петровым, Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматовым. Активными ис-

Синёва Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, руководитель Центра баллистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: balstika-mgu@yandex.ru).

следователями в области литуанистики стали их последователи, проявлявшие научный интерес к грамматике литовского языка, его диалектам, этнографии, — Г.К. Ульянов (1859–1912), В.К. Поржезинский (1870–1929), Н.Н. Дурново (1876–1937), Д.Н. Ушаков (1873–1942), М.М. Покровский (1868–1942), Г.О. Винокур (1896–1947), М.Н. Петерсон (1885–1962) и др.

По инициативе декана филологического факультета, профессора М.Л. Ремнёвой в 2008/2009 учебном году открыт Центр баллистики, действующий на межкафедральном, межфакультетском (исторический, философский и юридический факультеты), а также на межвузовском уровнях. Это событие активно освещалось в СМИ: «Дельфи» (“Delfi”), «Лиетувос Ритас» (“Lietuvos rytas” ‘утро Литвы’), «Лиетувямс» (“Lietuviams” ‘литовцам’) и др. Заключены соглашения о сотрудничестве между МГУ имени М.В. Ломоносова и Вильнюсским педагогическим университетом (в 2013 г. реорганизован в Литовский эдукологический университет (ЛЭУ), Вильнюсским, Даугавпилским и Латвийским университетами (далее — ВУ, ДУ, ЛУ). Активно поддержали открытие и деятельность Центра баллистики атташе по культуре посольства Литовской Республики Ю. Будрайтис, А. Баршевскис (ректор ДУ), А. Сметона (декан ВУ), Г. Кундротас, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета и его ректор, академик А. Гайжутис, Б. Клаас (проректор Тартуского университета), Р. Рауд (ректор Таллиннского университета).

Признание роли филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в этом событии выразилось в словах ректора В.А. Садовничего во время приема 26 марта 2010 г. литовской делегации во главе с премьер-министром Литвы А. Кубілюсом: «Это первое посещение Московского университета столь высокопоставленным литовским политиком... Тем не менее, оно закономерно: в 2008 году на филологическом факультете был создан Центр баллистики, который открыл новые возможности в изучении литуанистики и в частности литовского языка как первого иностранного» <http://www.msu.ru/news/details/2010/20100326-2.jpg> [Литовская делегация в Москве, 2010].

Открытие такой структуры, как учебно-научный Центр баллистики — непростая задача. Привычное состояние для ученых — погрузиться в мир научных исканий, и немногие решаются тратить время и силы на организацию административных структур. Катализатором организации Центра баллистики в МГУ имени М.В. Ломоносова явились события в странах Балтии в противоречивые

1990-е годы — годы ощущения свободы, годы новых возможностей самостоятельно принимать решения вместе с ответственностью за всё, что строится как новое и в то же время в условиях разрушения многих ценностей. Политические, экономические проблемы, вопросы реформы системы образования в странах постсоветского пространства — всё совместилось, каждая новая задача становилась первоочередной. В вузах и школах Литвы и Латвии происходило сокращение учебных часов и даже отказ от преподавания русского языка. Началось активное изучение иностранных языков, русский язык в литовских и латвийских школах стал изучаться как третий иностранный, следовательно, не осваивался молодежью в должной мере. Открывались новые структуры по преподаванию литовского и латышского как иностранных языков на основе коммуникативного подхода. Австралия, Америка, Индия, Япония, Китай, страны Восточной и Западной Европы... — во всём мире открывались центры баллистики. И дело не только в том, что граждане государств Балтии, получив свободу передвижения в западные страны, стали искать возможности самореализации, опираясь на интерес к литовскому языку со стороны литовских эмигрантов... Доступность различных курсов литовского и латышского языков позволила реализовать интерес к ним лингвистов, филологов, историков, политологов. Литуанистика и латтонистика стали бурно развиваться.

Здесь сделаем экскурс в историю баллистики. Важно подчеркнуть, что если в XIX в. интерес к литовскому языку у лингвистов зародился с учением А. Шлейхера, особенно после его путешествия по Литве в 1852 г. и создания им “*Handbuch der litauischen Sprache*”, то совершенствованию методологической базы литуанистики и латтонистики более 150 лет назад способствовало российское языкознание, активно, но разумно учитывающее прогрессивные научные достижения зарубежной лингвистики. Научный и практический опыт, объективное и субъективное в истории развития баллистики переплелись...

В самой Литве в XIX в. литовский язык в школах преподавался не чаще двух академических часов в неделю, и это были уроки знакомства с текстами зарождающейся литовской литературы, грамматике дети не обучались. Так, Йонас Яблонскис (1860–1930), поступивший в 1881 г. после окончания Марьямпольской гимназии в Императорский Московский университет, систему литовского языка освоил на семинарах профессора Ф.Ф. Фортунатова, ознакомившись с научным сравнительно-историческим методом. Это было взаимовыгодное общение. Ф.Ф. Фортунатов бывал в

Литве: летом 1871 г. он, собирая фольклорный материал на юге от г. Мариямполь этнографического региона Сувалькия, исследовал говоры литовского западно-аукштайтского диалекта, те самые говоры, в которых сохранилось ударное акутовое окончание — одна из главных черт архаичности литовского языка. Й. Яблѳнскис же родился и вырос в Сувалькии, и нетрудно предположить, что на Фортунатовских семинарах оказался своеобразным информантом и экспертом в анализе текстов и примеров. Он долгое время сохранял конспекты лекций, на полях которых записывал свои примеры из литовского языка, что свидетельствует о формировании ценностного отношения к родному языку. Важно, что это отношение связано не только с идеей освободительного движения литовцев, но и с осознанием научной и культурной ценности самого архаичного из живых индоевропейских языков. Позже Й. Яблѳнскис утверждает, что общенациональный язык — это объединяющий народ фактор, а уровень владения им отражает степень сохранения национальной идентичности [Sabaliauskas, 2000: 174–182].

Другим учителем Й. Яблѳнскиса был профессор Ф.Е. Корш (1845–1915), также сильно повлиявший на формирование научных взглядов литовского лингвиста. С опорой на методологию Московской научной школы строилась вся дальнейшая деятельность Й. Яблѳнскиса-лексикографа, грамматиста, ученого, заложившего основы нормирования литовского общенационального языка на всех его уровнях — фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, — а также в области орфографии.

Еще один известный ученый-литуанист Казѳмиерас Буга (1879–1924) учился в Петербургском университете, его учителем, вдохновителем и соратником был Ян Игнаций Бодуэн де Куртене (в России его именовали — Иван Александрович). Под руководством Бодуэна де Куртене К. Буга занимается исследованиями славянских заимствований в литовский язык, собирает материал для словаря литовского языка. На руководимой Бодуэном де Куртене кафедре сравнительно-исторического языкознания К. Буга работает после окончания университета в 1912 г., а в 1917 г. он вместе с другими профессорами СПб переведен в только что учрежденный Пермский университет, где преподает сравнительно-историческое языкознание, санскрит, польский язык. В 1919 г. К. Буга оказывается в Томском университете, а в 1920 г. возвращается в Литву с богатым научным лексикографическим материалом для литовского словаря и продолжает работать как историк языка, исследуя балто-славянские связи, как лексикограф уделяет особое внимание функционально-

стилевой характеристике лексем, в вопросах кодификации литовского языка придерживается принципов, сформулированных Й. Яблónским.

Латышский лингвист Ян Эндзелин также следовал научной методологии Московской школы. Литуанисты активно сотрудничали с латышскими коллегами, оказали значительное влияние в становлении латтонистики [Sabaliauskas, 2000: 164–173].

После Второй мировой войны в МГУ имени М.В. Ломоносова и других вузах Москвы литовский язык преподавал М.Н. Петерсон. Он воспитал новое поколение ученых, посвящающих многие свои исследования литовскому языку, — это В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Т.В. Булыгина. В советские годы балтистика развивалась в единой научной академической системе: Т.В. Булыгина — один из авторов академической «Грамматики литовского языка» (1980); широко известны труды В.В. Иванова, В.Н. Топорова по компаративистике, балтийской гидронимии, многих балто-славянских исследований [Языки мира. Балтийские языки, 2006]. До 1996 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова теоретические курсы по литовскому языку на филологическом факультете преподавал академик, почетный профессор ВУ Ю.С. Степанов, а также доцент М.Г. Нецецкая, с 1996 г. — доцент О.В. Синёва и ее ученица в области литуанистики Л.В. Корнюхина.

В 2000-е годы молодые ученые стран Балтии активно изучают в вузах языки Западной Европы. Они обращаются к западным стандартам систематизации научных данных, осмысления гипотез, интерпретации фактов. Инновации еще не закрепились в практике исследований, а традиции стали забываться, стал забываться русский язык, к трудам российских ученых обращаются все меньше. Подобные процессы происходят во всех областях культуры Балтии. Так, писатель Л. Каткус в своем интервью директору Института литературы Литовской АН М. Кветкаускасу отметил: «<...> у людей, в дате рождения которых присутствует цифра семь, а то и восемь, было намного больше возможностей непосредственно познакомиться с Западной Европой, Америкой, а предыдущее поколение лучше разбирается в русской культуре. Думается, эти различительные черты очень важны, и они станут еще более осязаемыми в будущем. <...>» [Молодые писатели: сходство и различия, 2006: 76]. Тем не менее и в годы всеобщего практицизма в странах Балтии остались мудрые специалисты, которых как ученых сформировала российская академическая наука и которые могут разумно объединить достижения различных научных систем знаний. Да и есть ли терри-

ториальные и политические границы у научного знания? 17 ноября 2008 г. представители МИД Литвы отметили, что открытие Центра баллистики МГУ — новый шаг в истории изучения литуанистики за рубежом [Кальченко, 2008]. В очередной раз история доказала, что воздвижение политических границ бессмысленно, лишь силы и время теряются.

Вот поэтому в новых политических, экономических, социологических условиях учреждение в МГУ имени М.В. Ломоносова учебно-научного Центра баллистики, именно как центра, стало государственно важным решением, и это решение смело и вовремя принимает декан филологического факультета, профессор М.Л. Ремнёва. Дело в том, что в задачи центра входит не только научная, но также культурно-просветительская деятельность, активная работа с молодежью России и стран Балтии. Открывается курс литовского языка в Школе юного филолога; осуществляется сотрудничество с ГБОУ «Школа № 1247 имени Юргиса Балтрушайтиса», в которой также работают выпускники Центра баллистики (выпуск литуанистов состоялся в 2013 г.). На Фестивалях науки МГУ имени М.В. Ломоносова в разные годы научно-популярные лекции читают гости из стран Балтии, например, директор Академической библиотеки Латвийского университета В. Кóцере выступила с лекцией «Научное книгоиздание в Латвии (1991–2010)», исследователи Б. Шувцане и Л. Райтере — о «Ливах в латвийской истории культуры», втором коренном народе Латвии, и о «Вентспилском диалекте». Организуются выставки картин и фото молодых художников стран Балтии и России. Так, в мае 2013 г. Центр баллистики МГУ совместно с Музеем образования Московского института открытого образования и посольством Латвии организовал выставку детского рисунка. Представленная в Московском музее образования выставка «Латвия глазами юных художников», создающих полотна под руководством Я. Анманиса, переключалась с творениями юных талантов г. Москвы и Московской области; в 2014–2019 гг. на филологическом факультете при активном участии посольства Латвии и Даугавпилсского университета организуются выставки латвийских художников.

Преподаватели и студенты Центра баллистики занимаются активной переводческой деятельностью, О.В. Синёва в качестве синхронного переводчика неоднократно приглашается на Международные фестивали спектаклей в Театральном центре СТД РФ «На Страстном», кинофестивали и др. культурные мероприятия Москвы.

Подсекция «Балтийские языки и литературы» ежегодной Международной конференции молодых ученых «Ломоносов» привлекает

к участию начинающих исследователей из Литвы, Латвии и РФ. В фокусе их внимания находится сопоставительное и типологическое исследование балтийских языков, межкультурные контакты, социолингвистические аспекты бытования балтийских языков, литовский и латышский языки массовой коммуникации.

Центр балтистики развивает плодотворные академические и научные контакты с литовскими и латвийскими университетами. В рамках международных соглашений работа ведется по нескольким направлениям. 1. **Программы академической мобильности** действуют особенно активно в рамках Летних и Зимних курсов литовского и латышского языков, диалектологических экспедиций. 2. **Обмен научными публикациями и организация совместных конференций**, создание в соавторстве учебных пособий [Синёва, Кундротас, 2014]. В рамках регулярно проводимого Международного симпозиума «Славянские языки и культуры» проходит круглый стол «Балтия — центр межкультурных и межъязыковых контактов».

В ноябре 2013 г. состоялась первая в истории МГУ имени М.В. Ломоносова Международная научная конференция «Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире». На конференции, посвященной пятилетию создания Центра балтистики, обсуждались языковые, культурные, исторические и литературные связи Литвы, Латвии и других стран, проблема национального самоопределения литовцев и латышей в международном пространстве, а также языковые процессы, происходящие в современных балтийских странах и в мире. Участников конференции приветствовали проректор-начальник Управления международного сотрудничества Н.В. Сёмин и Чрезвычайные и Полномочные послы Латвии и Литвы госпожа А. Курме и господин Р. Норкус, обсуждались реализованные планы работы и были намечены перспективы дальнейшего развития международного сотрудничества в области образования. По материалам Международной конференции издан сборник докладов «Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире». В 2014–2017 гг. также проводились международные конференции в г. Вильнюсе, Вроцлове, Минске, организованные совместно с Вроцловским, Белорусским и Литовским эдукологическим университетами (последний с 2019 г. вошел в состав Университета Витовта Великого). Организационную инициативу во всех этих конференциях проявил верный друг факультета д.ф.н., профессор Г. Кундротас, в 1980-е годы обучавшийся в аспирантуре на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Балтийские языки и литературы в истории и современном мире, 2013].

Изданы сборник научных трудов «Теория и практика звучащей речи», посвященный юбилею доцента филологического факультета МГУ Е.А. Брызгуновой (2007), ряд статей лингвистов и литературоведов МГУ имени М.В. Ломоносова опубликованы в литовском журнале “Žmogus ir žodis” («Человек и слово»). Во время презентации учебника «Литовское произношение: звук, слово, интонация», воодушевившись рассказом профессора О.В. Александровой о множестве изучаемых на филологическом факультете языках, Чрезвычайный и Полномочный посол Литвы Р. Мотузас увлекательно рассказал участникам мероприятия о говорах Литвы [Синёва, Кундротас, 2014]. 3. Совместные **исследовательские научные проекты** 2010–2013 гг., в частности «Речевое поведение выходцев из Литвы и Латвии, проживающих в г. Москве», осуществлялись с учеными ВУ и ЛЭУ. В 2010–2017 гг. — проводилась инициативная НИР «Речевое поведение мигрантов г. Москвы». Исследование речевого поведения литовской и латвийской диаспор — в рамках совместного с Институтом языкознания РАН проекта «Языковое разнообразие г. Москвы» [Синёва, Раскладкина, Саукане, 2017]. 4. Для бакалавров и магистрантов **разработаны программы и читаются курсы лекций** «Литовский язык: структурно-системные особенности в аспекте индоевропеистики», «Введение в баллистику», спецкурсы и спецсеминары «Лексика и лексикология литовского языка», «Теоретическая грамматика литовского языка» и др. (автор программ и курсов к.ф.н., доцент О.В. Синёва), для бакалавров и магистрантов исторического и других факультетов — литовский и латышский языки как иностранные. Латышский и латгальский языки с 2012 г. преподает лектор ДУ университета И. Саукане, с 2009 по 2013 г. практический курс литовского языка и литературы также вела лектор ВУ В. Каладите. Для чтения лекций по различным аспектам развития современной баллистики приглашаются ученые из Литвы и Латвии. 5. Внимание также уделяется **изучению литературных процессов стран Балтии**. В разные годы на факультете выступали литературоведы из Литвы и Латвии: проф. М. Бурима и доц. Г. Озолинс (Латвия), проф. Ж. Колевинскиене (Литва). В 2021 г. О.В. Синёва разработала «балтийский модуль» программы и курса лекций «Современная литература на русском языке в инокультурном пространстве», инициированного кафедрой истории новейшей литературы и современного литературного процесса (руководитель проекта — доцент И.В. Монисова). Литература на русском языке в Литве и Латвии рассматривается в свете особых условий культурного и временного пограничья.

Тесные профессиональные контакты способствуют эффективной работе Центра баллистики, и личностный фактор играет в этом

немаловажную роль. Известные во всем мире деятели балтийской культуры Ю. Будрайтис и Я. Стрейчс, также почетный член Академии наук Латвии, ведущие ученые АН Латвии и ЛУ выступали на факультете с интересными докладами об историко-культурных процессах. Это Г. Земитис, директор Института истории ЛУ; М. Куле, директор Института философии и социологии ЛУ; В. Хаусманис, профессор Института литературы, фольклора и искусства ЛУ; Т. Юндзис, вице-президент АН Латвии, министр образования Латвийской Республики В. Дамбровскис. За значительный вклад в поддержку и популяризацию латвийской культуры в 2013 г. декан филологического факультета МГУ профессор М.Л. Ремнёва была награждена Почетной грамотой Министерства образования Латвийской Республики.

Направление балтийской филологии продолжает развиваться, все больше привлекает внимание молодых исследователей и студентов. Важно, чтобы научная деятельность могла опираться на универсальные ценности и как можно меньше зависела от переменчивых явлений эпохи.

Список литературы

1. *Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.* Ломоносовские чтения — 2018 на филологическом факультете Московского университета // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2018. № 6. С. 237–251.
2. *Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.* Ломоносовские чтения — 2019 на филологическом факультете Московского университета // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2019. № 6. С. 198–214.
3. *Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире* // Сборник тезисов Международной конференции балтистов. МГУ имени М.В. Ломоносова 7–8 ноября 2013 г. М.; Вильнюс, 2013.
4. *Балтийские языки* // *Языки мира.* М., 2006.
5. Литовская делегация в Москве // *Новости МГУ* 30.03.2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.msu.ru/news/?2010-03-30_11-00.b1cd0c3 (дата обращения: 15.01.2021).
6. *Кальченко Д.* В МГУ открылся Центр баллистики // *MSUNews* 17.11.2008 [Электронный ресурс] URL: www.msunews.ru/forum/read/1/10232/ (дата обращения: 12.02.2021).
7. *Молодые писатели: сходство и различия* // *Вильнюс.* 2006. № 171. С. 75–87.
8. *Синёва О.В., Раскладкина М.К., Саукане И.* Балтийские языки в языковом многообразии г. Москвы // *Родной язык.* 2017. № 2 (17). С. 142–157.
9. *Синёва О., Кундротас Г.* Литовское произношение: звуки, слово интонация. Вильнюс, 2014.
10. *Sabaliauskas A.* Žodžiai atgyja. Vilnius, 2000. P. 164–182.

Olga Siniova

**THE CENTRE FOR BALTIC STUDIES
AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper briefly outlines the history of the Centre for Baltic Studies at the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University. It describes Baltic studies at Moscow University over the past two hundred years and specifies contributions of the Centre for Baltic Studies to the Faculty of Philology, including the Department of General and Comparative Historical Linguistics, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, the Department of Russian language, and the Department of Contemporary Literature, and to the Faculty of History. The article hails the main scientific works in Baltic studies written at Moscow University. Currently, the Centre is largely engaged in comparative studies of Latvian and Lithuanian, and research into modern Baltic literatures.

Key words: Baltic studies at Moscow University; traditions; innovations; Centre for Baltic Studies.

About the author: *Olga Siniova* — PhD, Assistant Professor, Department of General and Comparative Historical Linguistics, Director of the Centre for Baltic Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: baltistika-mgu@yandex.ru).

References

1. Aleksandrova O.V., Remneva M.L., Strelets I.E. Lomonosovskiye chteniya — 2019 na filologicheskom fakultete Moskovskogo universiteta. [Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology] *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2019. № 6, pp. 198–214. (In Russ.)
2. Aleksandrova O.V., Remneva M.L., Strelets I.E. Lomonosovskiye chteniya — 2018 na filologicheskom fakultete Moskovskogo universiteta. [Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2018. № 6, pp. 237–251. (In Russ.)
3. *Baltijskyje jazyki i literatury v istorii i v sovremennom mire. Sbornik tezisev mezhdunorodnoj konferencii baltistov. MGU imeni M.V. Lomonosova 7–8 nojabrja 2013.* [Baltic languages and literature in history and modernity. Collection of abstracts of the international conference of baltists. MSU November 7–8, 2013]. M.; Vilnius, 2013 (In Russ.)
4. Jazyki mira. *Baltijskyje jazyki* [Languages of the world. Baltic languages]. M., 2006. (In Russ.)
5. Litovskaja delegacija v Moskve [Lithuanian delegation in Moscow]. *Novosti MGU 30.03.2010* [News of MSU 30.03.2010] URL: http://www.msu.ru/news/?2010-03-30_11-00.b1cd0c3 (accessed: 15.01.2021) (In Russ.)

6. Kalchenko D. V MGU otkryt centr baltistiki [MSU has opened Baltic center]. *MSUNews* 17.11.2008. URL: <https://www.msunews.ru/forum/read/1/10232/> (accessed:12.02.2021). (In Russ.)
7. Siniova O.V., Raskladkina M.K., Saukane I. *Baltijskyje jazyki v jazykovom mnogoobrazii g. Moskvy* [The Baltic languages in the linguistic panorama of Moscow]. *Rodnoy Yazyk* [Mother Tongue]. 2017, № 2 (17), pp. 142–157. (In Russ.)
8. Siniova O., Kundrotas G. *Litovskoje proiznoshenyje: zvuki, slovo, intonacija*. Siniova O., Kundrotas G. *Lietuvių kalbos tartis: garsai žodis, intonacija* [Lithuanian pronunciation: the sound, the word, the intonation]. Vilnius, 2014. (In Russ. and Lithuanian)
9. *Molodyje pisateli: schodstvo i razlitchija* [Young writers: similarities and differences]. Vilnius, 2006. № 171. C. 75–87. (In Russ.)
10. Sabaliauskas A. *Zhodzhiai atgyja* [Words come to life]. Vilnius, 2000, pp. 164–182. (In Lithuanian)

СТАТЬИ

О.А. Солопова, А.П. Чудинов

МЕТОДОЛОГИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

«Южно-Уральский государственный университет

(Национальный исследовательский университет)»

454080, Челябинск, пр-т Ленина, 76

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Уральский государственный педагогический университет»

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

В статье представлены результаты практического применения методологии диахронического анализа политической метафоры. Цель исследования состоит в изучении закономерностей изменения метафоры с течением времени и в объяснении того, как развивалась национальная метафорическая система в политическом дискурсе. Для иллюстрации основных положений приводятся данные количественного и качественного анализа британского политического дискурса о будущем России (XIX, XX и XXI вв.). Источником материала для анализа послужил архив оцифрованных изданий the British Newspaper Archive. При анализе метафор, метафорических моделей и систем применяется метод метафорического моделирования. Для объяснения исторических изменений на всех этапах исследования применяются когнитивно-дискурсивный анализ и лингвокультурологический анализ. При диахроническом изучении и сопоставлении данных трех хронологических срезов особое внимание уделяется составу метафорических систем в политическом дискурсе в динамике и анализу структуры метафорических

Солопова Ольга Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)» (e-mail: solopovaoa@susu.ru).

Чудинов Анатолий Прокопьевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (e-mail: ar_chudinov@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192.

моделей: как эволюционирует состав метафорических систем в количественных показателях в целом, какие метафоры претерпевают изменения в частотности употребления; какими новыми моделями пополнен состав метафорической системы последующего среза, какие метафорические модели уходят на периферию и перестают использоваться в дискурсе, какие метафоры остаются доминантными во всех хронологических срезах, какие из них являются архетипическими, основанными на универсальных образах и паттернах; как изменяется структура каждой метафорической модели от периода к периоду, увеличивается или уменьшается число фреймов, какие фреймы являются и / или остаются доминантными, а какие уходят на периферию модели.

Ключевые слова: политическая метафора; диахронический подход; оцифрованный архив; метафорическое моделирование; британский политический дискурс.

В настоящий момент в лингвистике и смежных дисциплинах четко обозначилась тенденция, ориентированная на диахронические исследования языковых, концептуальных и дискурсивных феноменов, одним из которых является метафора. Проблематика диахронических исследований политической метафоры многообразна: эволюция метафор в политическом дискурсе страны на протяжении веков или в определенный промежуток времени (внутриязыковое / внутридискурсивное исследование); сравнительный анализ эволюции систем национальных метафор, функционирующих в политических дискурсах нескольких стран (межязыковое / междискурсивное сопоставление); эволюция метафор, репрезентирующих одно и то же событие, личность, образ и т.д. в различные периоды времени; изменение во времени структуры метафорических моделей в политическом дискурсе. Диахронические исследования стремятся выйти за рамки фиксации и ранжирования метафор и объяснить изменения в метафорических системах, причины и следствия использования и доминирования тех или иных метафор и метафорических моделей как в отдельный период времени, так и на протяжении нескольких столетий.

В статье для иллюстрации основных положений методологии диахронического анализа политической метафоры, изложенной в предшествующей работе [Солопова, Чудинов, 2021], кратко приведены некоторые данные обработки материала британского политического дискурса трех хронологических срезов XIX, XX и XXI вв. Цель исследования — изучение закономерностей изменения метафор, продуцирующих будущее России.

Материалом диахронических исследований политической метафоры являются тексты минувших лет, поэтому необходимо тщательно выбирать корпус документов, принципы и методы его

компиляции, которые обеспечат репрезентативность полученных результатов. Ученые отмечают, что использование инструментов корпусной лингвистики в работах по метафорологии вносит объективность в исследовательский процесс, обеспечивая репрезентативность данных и достоверность результатов [Deignan, 2008; Ferraira, 2010; Patterson, 2018; Semino, 2017; Shutova, Teufel, Korhonen, 2013; Tissari, 2016], и указывают, что новым источником материала, который может быть эффективно использован в исследованиях по диахроническому анализу метафор в политическом дискурсе являются оцифрованные коллекции, существующие на базе государственных стационарных фондов, архивов, библиотек [Солопова, Салтыкова, 2019; Чудинов, Будаев, Солопова, 2020].

Источником материала для анализа послужил архив оцифрованных изданий the British Newspaper Archive (BNA), созданный на основе документальной базы Национальной Библиотеки Великобритании. В архиве представлены выпуски исторических газет регионального и национального значения (Англии, Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса) с 1700 года по настоящее время [The British Newspaper Archive].

При работе с текстами трех исторических периодов используются элементы источниковедческого анализа [Солопова, Чудинов, 2021]. Для анализа метафор, метафорических моделей и систем применяется метод метафорического моделирования. Когнитивно-дискурсивный анализ и лингвокультурологический анализ дают возможность выявить факторы, влияющие на активизацию и динамику метафор в политическом дискурсе, объяснить устойчивость некоторых метафорических паттернов в политическом дискурсе, вариативность метафорических систем в пределах одного дискурса [Kozlovskaya, Rastyagaev, Slozhenikina, 2020].

В случае анализа материала британского политического дискурса авторами была применена методика фокусной фрагментации [Солопова, Чудинов, 2021]. В качестве хронологических срезов, выбранных для сопоставления метафорического образа будущего России, выступают периоды фактической войны и современной информационной войны, поскольку периоды социальных потрясений характеризуются повышенной активностью метафор при репрезентации событий окружающей действительности. Текстовый материал распределен по следующим временным отрезкам: XIX в. — 1853–1856 гг.; XX в. — 1942–1945 гг.; XXI в. — 2016–2020 гг.

В случае анализа британского политического дискурса выбранных хронологических срезов одно из решающих значений для анализа и интерпретации метафор, продуцирующих образы будущего Рос-

сии, является экстралингвистический контекст, поскольку именно интралингвистические и экстралингвистические отношения и связи детерминируют содержание дискурса [Малюга, 2020]. Логика фокусной фрагментации состоит в следующем: в качестве срезов выбраны периоды фактической войны: Крымская война (5 октября 1853 г. — 30 марта 1856 г.), в которой Российская империя вела войну против коалиции Британской империи, Османской империи, Франции и Сардинского королевства; период Второй мировой войны, намеренно суженный до хронологических рамок союзничества Великобритании и Советского Союза в войне против Германии и ее сателлитов (26 мая 1942 г. — 2 сентября 1945 г.); период современной информационно-психологической войны, рассматриваемой как новая форма военной экспансии. Так как ретроспективные периоды включают четыре года, представляется логичным ограничить анализируемый современный синхронный срез периодом с 2016 г. по 2020 г. включительно.

Пользовательский интерфейс цифровой коллекции включают поисковый инструментарий, который помогает идентифицировать документ по ключевому слову, дате, названию издания, автору, жанру, объему публикации и т.д. (рисунок).

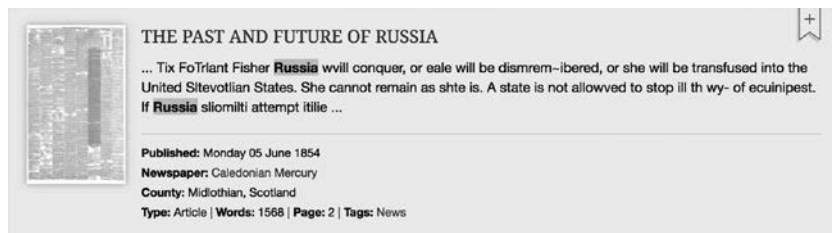

Рисунок. Фрагмент выдачи данных корпусным менеджером BNA

Для формирования исследовательского массива материала британского политического дискурса для каждого из периодов были заданы: 1) ключевые слова “future”, “Russia” с условием встречаемости словоформ в пределах одного контекста; 2) хронологические рамки (первый период — 1853–1856 гг.; второй период — 1942–1945 гг.; третий период — 2016–2020 гг.); тип документа — (иллюстрированная) статья. Результаты автоматизированной выборки материала включают 74 947 текстов первого ретроспективного среза (XIX в.), 25 329 текстов второго ретроспективного среза (XX в.); 17 635 текстов современного среза (XXI в.).

Показательно, что уже на уровне результатов автоматизированной обработки материала можно сделать вывод о том, что обращение к

образу будущего России в британском политическом дискурсе наиболее частотно в хронологическом срезе XIX в., когда Российская империя выступала фактическим противником Великобритании во время ведения активных боевых действий (74 947 текстов). Почти в три раза меньше объем выборки в период союзничества двух государств во Второй мировой войне (25 329 текстов) и более чем в четыре раза — в современном срезе (17 635 текстов). Полученные данные свидетельствуют о том, что, во-первых, для периодов активных военных действий характерно большее количество обращений к образу будущего государства по сравнению с современным срезом, во-вторых, во время войны образу будущего противодействующей стороны уделяется значительно больше внимания по сравнению с репрезентацией образа будущего союзной силы.

Кратко приведем некоторые заключения, полученные в ходе анализа данных британского политического дискурса трех хронологических срезов. В массив для ручной обработки [Солопова, Чудинов, 2021] были включены первые 3000 текстов каждого среза, отсортированных по релевантности в результате автоматизированной обработки данных. Равный объем выборок позволяет сделать вывод о том, что метафоричность дискурса периода Крымской войны (XIX в.) выше, чем в последующих периодах: количество зафиксированных метафорических единиц составило 1345 (табл. 1, полужирным шрифтом выделены пять доминантных для каждого периода моделей).

Таблица 1

Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «будущее России» в трех хронологических срезах

№	Название метафорической модели (ММ)	срез XIX в. (100% – 1345)	срез XX в. (100% – 1154)	срез XXI в. (100% – 1267)
1	ММ пути	16,6	12,7	7,5
2	ММ преступности	13,0	0,5	15,7
3	ММ животного мира	11,6	4,1	6,6
4	ММ болезни	11,1	2,5	9,5
5	ММ игры	9,3	0,9	4,0
6	ММ войны	8,0	3,9	15,9
7	ММ организма	6,2	8,6	3,2
8	ММ неживой природы	5,4	14,0	3,6
9	ММ механизма	4,9	8,0	2,4
10	ММ театра	3,0	0,6	6,4
11	ММ религии	2,5	1,3	1,6
12	ММ растительного мира	2,4	1,3	1,8
13	Педагогическая ММ	2,3	2,7	0,3

№	Название метафорической модели (ММ)	срез XIX в. (100% – 1345)	срез XX в. (100% – 1154)	срез XXI в. (100% – 1267)
14	ММ инструмента	1,3	0,5	1,9
15	ММ спорта	0,9	1,2	3,9
16	ММ родства	0,7	11,3	2,6
17	ММ дома	0,1	12,5	0,1
18	ММ строительства	0,7	9,7	2,8
19	ММ монархии	–	2,4	9,7
20	Экономическая ММ	–	1,3	0,4
21	Гастрономическая ММ	–	–	0,1

Как отмечают исследователи, в языке и дискурсе метафоры с негативной оценочностью преобладают над метафорическими единицами, транслирующими положительный прагматический потенциал [Скляревская, 1993; Lakoff, Wehling, 2016], что превращает метафору в удобный инструмент для создания негативных образов других государств в целом и в частности – образа врага. Отметим также, что в период ведения боевых действий значительно расширяется «арсенал» приемов информационной войны. Кроме того, чем выше агональность международных отношений и, как следствие, политического дискурса, тем больше негативных значений втягивается в конструкт будущего, тем сложнее и многограннее его «мрачная» альтернатива [Солопова, 2015].

Состав метафорических моделей увеличивается от периода к периоду и пополняется новыми метафорами, задействованными в моделировании будущего России (табл. 1): к примеру, система метафор второго синхронного среза (XX в.) расширилась на две позиции, насчитывает 20 моделей и включает монархическую и экономическую метафоры, не представленные в предыдущем срезе (XIX в.).

Показательно, что к числу доминантных метафорических моделей в период открытого военного противостояния Российской и Британской империй и современной информационной войны (XIX и XXI вв. соответственно) неизменно относятся метафоры преступности и болезни, которые находятся на периферии моделирования образа будущего России в период союзничества двух государств (XX в.) (табл. 1). Востребованность морбиальной и криминальной метафористики связана с тем, что единицы моделей активно используются для концептуализации тех событий, явлений и персоналий, которые представляют серьезные проблемы и трудности для общества. Эмоциональные состояния, вызываемые метафорами, – опасность, страх, тревожность, т.е. эмотивный настрой морбиальной и криминальной метафористики, как правило, способствует моделированию

ярко выраженных отрицательных образов, что обуславливает их особенную активность в агональных жанрах и, следовательно, при репрезентации политического оппонента и его будущего.

С выявленной тенденцией контрастируют данные анализа системы метафорических моделей второго среза (XX в.): к числу доминантных относятся метафоры неживой природы, дома, родства и строительства, периферийные для метафорических систем двух других срезов (табл. 1). Отметим, что при моделировании будущего единицы трех моделей (дома, родства и строительства), как правило, концептуально ориентированы на репрезентацию его светлой альтернативы, причем, особенно активны в представлении светлого будущего собственного государства. Данный факт объясняется геополитическим союзничеством двух держав в рассматриваемом историческом периоде, нарочитым сближением двух отличных друг от друга систем, включением СССР в лагерь «своих».

Показательно, что наиболее частотной для современного британского политического дискурса о будущем России является милитарная метафора, занимающая шестое и девятое место на шкале частотности в двух других срезах (XIX и XX вв. соответственно), экстралингвистическим контекстом которых является явное вооруженное противостояние. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в условиях информационной войны милитарная метафора становится настоящим оружием: транслируя смыслы агрессивности, угрозы, опасности, она естественным образом вызывает страх и тревогу, приводит к погружению в информационный конфликт, к его эскалации и усилению политической поляризации.

Для трех хронологических срезов общей доминантной моделью является метафора пути (табл. 1). Универсальность рассматриваемой модели связана с «прозрачностью» сферы-источника, которая интуитивно понятна носителям различных языков и культур. Восребованность метафоры в политическом дискурсе определяется возможностью интерпретировать абстрактную область «будущее», используя эмпирическую информацию, предлагаемую исходной областью, коренящуюся в физическом, телесном опыте каждого человека. Активность метафоры в моделировании будущего детерминирована неразрывной связью временной триады прошлое — настоящее — будущее, представленной как траектория движения и развития, где будущее — это конечный результат, ключевой компонент, рассматриваемый как достижение пункта назначения в рамках развития метафоры пути.

В каждом из проанализированных периодов метафора пути представляет собой структурированное образование (табл. 2, фреймы

модели в каждом из срезов ранжированы по шкале частотности; два доминантных фрейма, представленные наибольшим количеством метафорических употреблений, выделены полужирным шрифтом; в круглых скобках указано количество метафорических единиц).

Таблица 2

**Фреймовая структура метафорической модели
«Будущее России – это движение по пути» в трех хронологических срезах**

срез XIX в. (всего – 223)	срез XX в. (всего – 147)	срез XXI в. (всего – 95)
Путь, дорога (89)	Путь, дорога (51)	Препятствия (31)
Препятствия (80)	Скорость передвижения (38)	Путь, дорога (21)
Скорость передвижения (44)	Конечный пункт (30)	Участники движения (17)
Способы передвижения (10)	Способы передвижения (19)	Скорость передвижения (14)
	Препятствия (9)	Способы передвижения (7)
		Конечный пункт (5)

Как показывают данные таблицы, структура модели развивается с течением времени; в число доминантных фреймов неизменно включен фрейм «Путь, дорога»; доминантные фреймы в дискурсах XIX и XXI вв., экстралингвистическим контекстом которых является противостояние (вооруженное и информационное соответственно), идентичны («Путь, дорога», «Препятствия»), но различны по количественной представленности метафорических единиц: *We must eventually <...> raise a barrier to Russia out of the foreign domination and despotism that now exists* (August I., *The Balance of Power* (article), p. 1, *Evening Mail*, № 13364, 17–20 August 1855, Unknown publisher, London, England). *More than a year after Skripal poisoning, obstacles remain to key diplomatic step* (P. Wintour, UK and Russia consider May-Putin meeting to thaw relations (article), *the Guardian*, 16 June 2019, the Guardian Foundation, UK, Europe and rest of the world).

В хронологическом срезе XX в. к числу доминантных отнесен фрейм «Скорость передвижения», показательное появление в структуре модели фрейма «Конечный пункт», являющегося третьим по частотности, и смещение фрейма «Препятствия» на периферию модели: *The Russians are our natural Allies. <...> This alliance is not only the best, but the only really effective way of erecting a barrier against the German lust for conquest* (F. Touhy, *From Vladivostok to Brest* (illustrated article), p. 8, *The Sphere*, vol. CLXXVII, № 2314, 27 May 1944, Illustrated London News Group, London, England).

Потенциал, заложенный в метафоре пути как движения из прошлого через настоящее в будущее, ее ресурсы в моделировании светлого будущего (достижение пункта назначения и реализация цели) и мрачного будущего (остановка в развитии, его замедление, наличие непреодолимых препятствий на пути, «увязание» в настоящем и возврат к прошлому) обуславливают ее востребованность в прогностических экскурсах. К примеру, анализ фрейма «Препятствие» показывает, что метафорические единицы, зафиксированные в первом и третьем хронологических срезах, продуцируют образы мрачного будущего России, транслируя смыслы необходимости создать барьеры и заслоны на пути геополитического оппонента либо наличия серьезных преград, затрудняющих его продвижение вперед. В хронологическом срезе периода Второй мировой войны, напротив, те же единицы используются для моделирования будущего в светлом ключе – само государство, его союз с Великобританией будут служить препонами на пути достижения противником цели, что напрямую соотносится с существовавшей геополитической ситуацией и объясняется экстралингвистическим контекстом.

Проведенный анализ британского политического дискурса позволяет определить в ряду сопоставляемых срезов период повышенного интереса к будущему России (срез XIX в.), сделать заключения об относительной стабильности метафорических систем, в рамках которых моделируется будущее России (18 общих моделей), об их развитии (состав пополняется от периода к периоду); о влиянии экстрадискурсивных факторов на активизацию определенных метафор (данные 1 и 3 срезов в сопоставлении с данными 2 среза, данные анализа фрейма «Препятствие»), о наличии универсальной метафорической модели в репрезентации будущего (метафора пути), о доминировании одних и тех же или однотипных по прагматическому потенциалу моделей в период конфликтов (вооруженного и информационного),

Список литературы

1. *Малюга Е.Н.* Функции юмора в устном англоязычном экономическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 6. С. 31–43.
2. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
3. *Солопова О.А.* Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. М., 2015.
4. *Солопова О.А., Салтыкова М.С.* Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 3. С. 762–783.

5. Солопова О.А., Чудинов А.П. Методология диахронического исследования метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 2. С. 49–59.
6. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М., 2020.
7. Deignan A. Corpus Linguistic Data and Conceptual Metaphor Theory: An Applied Linguistic Approach // *Confronting Metaphor in Use*. Amsterdam; Philadelphia, 2008. P. 149–162.
8. Ferraira L.C. Applying corpus linguistics methodology to psycholinguistics research // *DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada*. 2010. Vol. 26. Special Issue. P. 545–569.
9. Kozlovskaya N.V., Rastyagaev A.V., Slozhenikina J.V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // *Training, Language and Culture*, 2020. № 4 (4). P. 78–90.
10. Lakoff G., Wehling E. *Auf leisen Sohlen ins Gehirn: Politische Sprache und ihre heimliche Macht*. Heidelberg, 2016.
11. Patterson K.J. *Understanding Metaphor Through Corpora: A case study of metaphors nineteenth century writing*. N.Y., 2018.
12. Semino E. Corpus linguistics and metaphor. *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 463–476.
13. Shutova E., Teufel S., Korhonen A. *Statistical Metaphor Processing // Computational Linguistics*. 2013. 39 (2). P. 1–92.
14. The British Newspaper Archive. URL: www.britishnewspaperarchive.co.uk (accessed: 12.07.2020).
15. Tissari H. Corpus-linguistic approaches to metaphor analysis // *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. L., 2016. P. 117–130.

Olga Solopova, Anatoly Chudinov

METHODOLOGY OF DIACHRONIC METAPHOR RESEARCH IN THE DIGITAL AGE: PRACTICAL EXPERIENCE

*South Ural State University (National Research University)
76, Lenina Avenue, Chelyabinsk, 454080*

*Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Avenue, Ekaterinburg, 620017*

The article discusses methods of diachronic political metaphor research. Elements of the quantitative and qualitative data analysis into the British political discourse of the 19th, 20th and 21st centuries are used to illustrate the key points of the methods, with Russia's future being a target domain. The objective of the present diachronic research is to study the change in political metaphor over time and to explain how the national metaphorical system developed. The source of

the material is the British Newspaper Archive, an on-line digital collection. The sample is investigated through the methods of metaphorical modeling, cognitive and discourse analysis, culture-specific analysis, and source study. Special attention is paid to comparing the number of metaphor models used in the historical time spans, detecting metaphors that undergo changes in the frequency of use in time; identifying novel or fading metaphors, making conclusions about either stability or variability of metaphorical systems, factors involved in metaphor variation (trend analysis); fixing universal metaphors, regularities, dependencies; analyzing how the structure of metaphor models developed and evolved throughout time, whether the number of their frames increased or reduced, what frames were dominant (metaphor structure analysis), how they were restructured.

Key words: political metaphor; diachrony; digitalized archive; metaphor modeling; British political discourse.

About the authors: *Olga Solopova* – Prof. Dr., Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (e-mail: solopovaoa@susu.ru); *Anatoly Chudinov* – Prof. Dr., Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (e-mail: ap_chudinov@mail.ru).

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project № 19-012-00192.

References

1. Malyuga E.N. Funktsii iumora v angloiazыchnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humor in the English-language economic discourse]. *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. 2020. N 6, pp. 31–43. (In Russ.)
2. Skljarevskaja G.N. Metafora v sisteme jazyka [Metaphor in the System of Language]. Sankt-Peterburg, *Nauka*, 1993. 150 p. (In Russ.)
3. Solopova O.A. Diahronicheskaja sopostavitel'naja metaforologija: issledovanie modelej budushhego v politicheskom diskurse [Diachronic Contrastive Metaphor Studies: Research on Models of the Future in Political Discourse]. Moscow, *Flinta*, 2015. 312 p. (In Russ.)
4. Solopova O.A., Saltykova M.S. Arhitektonika svetlogo budushhego v zarubezhnyh voenno-publicisticheskikh diskursah perioda Vtoroj mirovoj vojny [Constructing the Ideal Future in Foreign Military Media Discourses of the World War II Period]. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. 23 (3), pp. 762–783. (In Russ.) Doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783.
5. Solopova O.A., Chudinov A.P. Metodologija diahronicheskogo issledovanija metafory v jepohu cifrovizacii: teoreticheskoe obosnovanie [Methodology of Diachronic Metaphor Research in the Digital Age: Theoretical Foundations]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2021. N 2, pp. 49–59. (In Russ.)
6. Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. Politicheskaja metaforologija: diskursivnyj povorot [Political Metaphor Studies: Discursive Turn]. Moscow, *Flinta*, 2020. 234 p. (In Russ.)

7. Deignan A. Corpus Linguistic Data and Conceptual Metaphor Theory: An Applied Linguistic Approach. In: *Confronting Metaphor in Use*. Amsterdam; Philadelphia, 2008, pp. 149–162.
8. Ferraira L.C. Applying corpus linguistics methodology to psycholinguistics research // *DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada*. 2010. Vol. 26. Special Issue, pp. 545–569.
9. Kozlovskaya N.V., Rastyagaev A.V., Slozhenikina J.V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms. *Training, Language and Culture*. 2020. № 4 (4), pp. 78–90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90.
10. Lakoff G., Wehling E. *Aufleisen Sohlen ins Gehirn: Politische Sprache und ihre heimliche Macht*. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag und Verlagsbuchhandlung GmbH, 2016. 192 s.
11. Patterson K.J. *Understanding Metaphor Through Corpora: A case study of metaphors nineteenth century writing*. New York, 2018.
12. Semino E. Corpus linguistics and metaphor. *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 463–476.
13. Shutova E., Teufel S., Korhonen A. Statistical Metaphor Processing // *Computational Linguistics*. 2013. 39 (2), pp. 1–92.
14. *The British Newspaper Archive*. URL: www.britishnewspaperarchive.co.uk (accessed: 12.07.2020).
15. Tissari H. Corpus-linguistic approaches to metaphor analysis // *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. London, 2016, pp. 117–130.

В.К. Скрипка

ФУНКЦИИ УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ *СЬ* В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIV–XV вв.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

*«Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2*

В статье рассмотрены случаи употребления указательного местоимения *сь* на материале деловой письменности великорусского центра, Новгорода и Пскова XIV–XV вв. Примеры употреблений были сгруппированы по признаку того, какую функцию выполняют местоимения (дейксис, анафора). Полученные результаты сравниваются с системами указательных местоимений, построенными для позднепраславянского (А. Мейе) и древнерусского (Т.А. Сумникова) периодов. Подавляющее большинство примеров употребления местоимения *сь* в рассмотренных грамотах обладает дейктической функцией. Оно сохраняет свое древнее значение ‘ближний к говорящему или пишущему в пространственном или временном отношении’. Отдельные случаи могут быть трактованы как нейтрализация анафорической и дейктической функций. Контекстов, в которых значение местоимения *сь* было бы безусловно анафорическим, встречено не было.

Ключевые слова: указательные местоимения; дейксис; памятники русской деловой письменности.

Древнерусское местоимение *сь* восходит к индоевропейскому местоимению ближнего указания **kîs* [Фасмер, 2003: 591]. А. Мейе предположил, что еще в позднепраславянский период существовала тернарная, индоевропейская по происхождению дейктическая оппозиция указательных местоимений, в которой местоимения **sь*, **tь* и **onь* были противопоставлены друг другу по степени отношения к участникам речевого акта: **sь* означало объект в отношении к

Скрипка Вероника Константиновна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (e-mail: vkskripka@yandex.ru).

говорящему, **тѣ* — объект в отношении к лицу, с которым говорят, **онѣ* — объект вне отношений с говорящим и слушающим [Мейе, 1951: 351–354].

Т.А. Сумникова, исследуя употребление указательных местоимений в древнерусском языке XII–XIII вв., отмечала, что в дейктической функции «старые семантические отношения сохраняют в известных случаях лишь местоимения *сь* и *онѣ*», при этом «при противопоставлении субстантивов *се* — *оно* семантические различия местоимений нивелируются» [Сумникова, 1993: 364–366]. В анафорической же функции, по мнению исследователя, местоимения *сь*, *тѣ* и *онѣ* «в обычном повествовательном тексте теряли свои семантические различия и выступали как семантически нейтральная анафора» [там же: 372].

Какими же функциями могло обладать местоимение *сь* в более поздний период — в XIV–XV вв.? В этой статье будут проанализированы случаи употребления местоимения *сь* в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, грамотах Новгорода и Пскова. Примеры даются курсивом, в упрощенной орфографии (*а* йотированная заменяется на *я*, *е* йотированная — на *е*, лигатура *ук* — на *у*, *омега* — на *о*), выносные буквы отмечаются, буквы, добавленные издателями для лучшего понимания, сохраняются. После каждого примера указан источник: издание (Ц — грамоты великорусского центра [Черепнин, 1950], Н — новгородские грамоты [Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949: 9–315], П331–348 — псковские грамоты по [Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949: 317–338], П33 — псковская грамота, [Марасинова, 1969: 72–73]), затем номер грамоты в издании.

Оговорим используемую терминологию: местоимения понимаются как особая часть речи, объединяющая и местоимения-существительные (субстантивы), и местоименные прилагательные (атрибутивы). Указательная группа (термин Е.В. Падучевой) — это сочетание существительного и согласующегося с ним указательного местоимения-атрибутива [Падучева, 1985: 158].

1. Чаще всего местоимение *сь* употребляется в дейктической функции. Оно сохраняет древнее значение ‘ближний к говорящему или пишущему’.

К области **пространственного дейксиса** можно отнести самое частое словосочетание с этим местоимением — *си грамота*; например: *сю грамоту пи^{с(а)}ль есмь собѣ д(у)ш(е)вную... не[чл.]ть свою при[вѣсилъ] к сеи грамотѣ* Ц8, *послалѣ есмѣ к вамъ сю грамоту съ Олесьемъ* Н58. Вместо слова *грамота* может быть его синоним: *се рукописание* Н129,

230, 239, 256, П33, се слово Н176, Ц3, писаль сюю рядничю Н138, са докончалнаа Ц67, 70, написа¹... в сю душе^вную Ц71, запечата¹ сю д(у)х(о)^вную Ц71; сеи списо^к Ц80, сесь списо^к Ц80г, в се^м св.а^ску дес.а^т спи^ско^в з докончалны^х, съ съ^х писаны докончалные лѣта 80 дев.а^т Ц72 (приписка на связке копий грамот). Во всех этих случаях указательной группой с сь обозначается именно та грамота, в которой эти слова употреблены. Предыдущих упоминаний грамоты, которые могли бы дать основания подозревать в этом случае анафорическую функцию, нет.

Иногда встречаются контексты, в которых очевидно, что грамота, названная указательной группой с сь, противопоставлена прежним: жити нам по первой грамотѣ по докончалной и по сеи грамотѣ Ц16, правити ми им... по тѣм нашим грамотам по докончалным и по сеи грамотѣ Ц51в, черна куна имати ти по старымъ грамотамъ и по сеи крестной грамотѣ Н77, владѣти... по грамотамъ и по сеи по рядной и по делной грамотѣ Н221. Показателен пример, взятый из «приписной грамоты» — дополнения к основному тексту завещания: пишу сюю душевную приписную грамоту. Что есмь писа¹ бошую свою душевную грамоту... и че^г есмь в ту свою душевную грамоту не вписа¹, и яз в сю грамоту в приписную написа¹ Ц61б. Противопоставлены две грамоты: приписная, в которой находится этот текст, сразу же упоминается с использованием местоимения сь в дейктической функции (это первое упоминание грамоты в тексте); «большая», основная грамота сначала называется существительным без указательного местоимения, а затем, при необходимости повторно назвать ее, автор использует указательную группу с местоимением тѣ в анафорической функции.

Местоимение сь имеет значение пространственной близости и в некоторых контекстах, не связанных с самой грамотой. Например: которая дѣла оучин.а.т.с.а межи нами, и намъ отъслати своихъ бояръ, инѣ исправу оучин.а^т. А о чемъ сопрутъ.с.а, ини ъдутъ к митрополиту. А не буде^т митрополи^т в сеи земль, инѣ на третей Ц11. В это время (1389 г.) кафедра митрополита Киевского и всея Руси находилась в Москве, поэтому ѡдутъ к митрополиту можно трактовать как ‘пусть едут в основное место пребывания митрополита — в Москву’. Так, словосочетание в сеи земль означает ‘в ближней к нам земле’, т.е. ‘в Москве’.

В сочетании со словом сторона местоимение сь имеет значение ‘более близкий из двух к говорящему или пишущему’: А чт[о с.а.мнѣ] достали мѣ[ста Рязань] скаа на сеи сторонѣ Оки, ис ты^х мѣсть да¹ есмь кня³ Володи [меру] ... Новыи городокъ на Оустъ Поротли Ц4а.

Новый городок (Городец) действительно находился недалеко от впадения Протвы (Поротли) в Оку на северной, ближней к Москве стороне Оки. Другой пример: *а что г҃не Кубена на сеи сторонѣ, и противу г҃не половины Кубены вельти ти г҃не мнѣ о҃писати Заозерскихъ деревень... а о҃писати г҃не твоему писцю мнѣ та сторона, которая пришла к моеи отчинѣ к Бѣлу Озеру* Ц44. Кубена, или Заозерье, — это земли вокруг Кубенского озера в современной Вологодской области. Князь белозерский Михаил Андреевич просит великого князя вместо его половины Кубены, которая находится на *сеи сторонѣ*, дать ему земли на противоположной стороне, которая находится рядом с его вотчиной, Белоозером. Видимо, *си сторона* — это сторона, ближняя к Московскому княжеству, где заключали договор великий князь Василий II и князь Михаил Андреевич, а ей противопоставлена *та сторона, которая пришла к Бѣлу Озеру*, т.е. дальняя от Москвы.

Пример из новгородской грамоты («Нибурова мира»): *Се приѣхъ Иванъ Нибуръ из Люпка посольствомъ... ис Колываня Григорья Витѣ, и от всихъ купцовъ заморьскихъ и се сторонѣ поморья к посаднику... Иванъ Нибуръ люпскыи повѣстовале и его дружина Иньца Вландерь и Федоръ Куръ заморьскыи посоль, и на сомѣ поморьи Тилка из Риги, и Еремѣи и Винька изъ Юрьева, ис Колываня Григорья... Н46. Си сторона поморья, се поморье* противопоставляется другим землям как часть берега Балтийского моря, ближняя к Новгороду: на *сем* поморье оказываются послы из Риги, Нарвы (Юрьева) и Таллина (Колываня), но не из Любека и Готланда (который называется «заморьем»).

К пространственному дейксису можно отнести употребление в духовных грамотах указательной группы *сеи свѣтъ*, которая обозначает земной мир в противоположность иному, загробному: *отходя сего свѣта пишу рукописанье* Н239, *отходя сего света учиних радѣ* П33, *Б(о)гъ возмет с сего свѣта* Ц83, *зѣ сего света* Ц53.

Таким образом, в рамках пространственного дейксиса местоимение *сѣ* последовательно употребляется в грамотах в значении ‘близкий в пространстве к говорящему или пишущему’, при противопоставлении ‘ближний’ — ‘дальний’ или вне его.

2. К области **временного дейксиса** можно отнести многочисленные упоминания ситуации: актуального перемирия, договора, раздела (в зависимости от типа грамоты), результаты которого закреплялись в документе: *се dokonчание* Ц35, 38, 41, 42, 51, 56, 58, 63, *хрестъ целоваль по сому dokonьцанию* Н46, *у сего миру dokonчания* Н53, *в сем перемиріе* Ц46, *сии мирѣ* Н18, *сеи мирѣ* Н60, *сеи радѣ* Н122, 138, 251, *сеи дѣль* Н278, *на семѣ заимѣ* Н326. Лишь в одном случае «дейктич-

ности» самого местоимения *сь* не хватило и было использовано уточняющее прилагательное: *тому всему дерть по се наше нонешное докончание* Ц48.

Указательные группы с *сь* употребляются при обозначении ситуации, самой близкой к моменту написания грамоты среди всех прочих: *что сель или людии новгородскихъ в сю замятню* (т.е. во время этого военного столкновения) *заложилося за князя Н11, взяша перемирье... от сего сбору* (т.е. с момента этого съезда князей) *за мѣсяць по Рожествѣ святѣи богородици* Н72.

Часто указательные группы указывают на текущий временной промежуток, тот, в который грамота была написана: *что ма еси г^{не} пожалова^л... о^тда^л выхода на го^л, и того ти... не взати от Петрова дни до Петрова дни на се^с го^л* Ц41, *дахомъ черныи боръ на сеи годѣ великому князю Н21, соркоша срокъ быти създу... сего лѣта за двѣ недѣли по Ивани дни Н72, володѣти имъ на сеи годѣ... а доидеть сеи годѣ от Покрова до Покрова Святѣи Богородицы... ино володѣти игумену Варламу Н314; или на ближайший промежуток в будущем: *как пошлетъ Великии Новгородъ своего посла сеи зимѣ князю местерю, и князю местерю самому... крестъ человати* Н72.*

Указательная группа *сеи въкъ* обозначает жизнь до Страшного Суда, которая течет в момент составления грамоты, а *будущии въкъ* — существование после него: *судить ему Б (ог) ъ в семь въць и в будущемъ* Ц3, *на виновато^м не буде^т м(и)л(о)сти Бжѣеи ... в сеи въ^к* и в *будуци* Ц51а

Нужно отметить, что только из контекста (часто благодаря времени глагола) можно понять, отсылает ли указательная группа к ближайшему прошлому (*в сю замятню заложилося* Н11), настоящему (*взяша перемирье... от сего сбору* Н72) или будущему (*пошлетъ Великии Новгородъ своего посла сеи зимѣ* Н72). Общим семантическим компонентом во всех этих случаях является только близость момента, в который употреблено местоимение, к событию, названному указательной группой с *сь* (*сю замятню, сеи зимѣ*), или вхождение момента употребления в более длительный временной промежуток, названный указательной группой (*сеи годѣ, сеи сборѣ*).

В значении ‘текущий момент’, т.е. момент составления грамоты, употребляется и субстантив *се*: *что буде сонналося купцю с купцомъ с обѣ половинѣ или по семь соннется, а то знати исцю исца* Н46, *или кто по семь что кто прикупить...* Ц2. В сочетании с предлогами *наперед*, *перезе* субстантив *се* обозначает ‘до этого’: *напередъ сего* Ц9, 45, 56, 58, 78, *перезе сего* Ц7, 27, 48, 56, 58, 78, Н21, 50.

3. Помимо случаев очевидно дейктического употребления местоимения *сь*, в грамотах встречаются конструкции, которые могут быть

трактованы по-разному. В частности, в грамотах центра субстантив *се* в огромном количестве случаев употребляется в составе формул: на семь на всемъ целуи/целуите крестъ или целовали есмь крестъ. Формула с глаголом в прошедшем времени встречается в грамотах XIV века (М 2, 11, 14, 15, 18) и перестает употребляться в XV в.; видимо, писцы выбрали формулу с формой *целуи(те)* и механически повторяли ее в каждой грамоте. Эта формула встречается дважды почти во всех договорных грамотах: она начинает и заканчивает текст. Аналогичную функцию вне этих формул имеют субстантивы в предложениях все есмь се положилъ на Б(о)зъ и на своеи братьъ ЦЗ, о се^М о все^М поставили есмь на себѣ свидѣтеля Вседержителя Г(о)^С(под)а Б(о)га Ц51в.

Если *се* в этих контекстах отсылает к содержанию грамоты, то можно предположить, что оно обладает анафорической функцией. Но в таком случае оно выполняет эту функцию очень ограниченно: во-первых, антецедентом всегда является содержание всей грамоты, им не может быть любой предмет или пропозиция; во-вторых, местоимение относится не только к тому, что было упомянуто прежде, но и вообще ко всему, что написано в грамоте, до и после употребления местоимения. Местоимение в таком случае не отсылает читателя в узком смысле назад, то есть к прежнему тексту. Например, с предложения На семь... целуи ко мнѣ кр(е)^Стъ начинается грамота Ц13 и большинство договорных грамот XV в.

В подлинной грамоте Ц16 *се* в этой формуле дважды заменено на словосочетание с явным дейктическим значением *си грамота*. Другая единичная формула с субстантивом — а на се послуи Ц1 — заменяется формулой а на сю грамоту послуи Ц46, 8.

По всей видимости, в данном случае можно говорить о нейтрализации дейктической и анафорической функции. Можно предположить, что местоимение *сь*, ранее имевшее, по данным Т.А. Сумниковой, анафорическую функцию, находится в процессе ее утраты и сохраняется только в тех случаях, когда анафору поддерживает дейксис — указание на то, что близко к пишущему.

4. Интересно сравнить данные грамот великорусского центра новгородскими. Новгородские грамоты-договоры с князьями также имеют в начале грамоты и/или в конце формулу на семь... цѣлуи крѣсть Н5, схожие формулы в Н6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 20, 63, 70. Видимо, это была формула, которую, как и в случае с грамотами центра, писцы копировали из года в год, не меняя. Однако встречается та же формула с субстантивом *то*: например, в грамоте Н20 наряду с формулой с *се* есть предложение на томъ на всемъ, князь

великий Борисъ Александровичъ, челуи, господине, кръсть Н20. Формула на томъ на семь... есть в грамотах Н22, 23, 26, 45, 46, 60, 77.

Формула *a на то послухи* или *a на то рядци* встречается почти в каждой новгородской грамоте, связанной с земельными делами, местоимение *се* в этой формуле в новгородских грамотах, в отличие от грамоты Ц1, не зафиксировано. Видимо, в новгородской деловой письменности было принято не так строго придерживаться старой формулы, поэтому *се* заменилось на *то*, которое регулярно употребляется в анафорическом значении и, возможно, было в этом контексте более естественно для писцов, чем *се*.

К сожалению, формульность контекстов, представленных в разделах 3 и 4 настоящей статьи, их повторяемость во многих грамотах на протяжении почти двух веков не позволяет предположить, насколько естественным было такое употребление местоимения *сь* для носителей языка, не было ли это данью традиции.

5. Однако зафиксированы указательные группы с *сь*, которые отсылают к антецеденту в предыдущем тексте, т.е. являются средством анафоры. Эти словосочетания называют предмет договора — то, по поводу чего написана грамота. Таких примеров немного, они есть в подлинных грамотах, что исключает возможность ошибки при переписывании: *Исаия Ельнтеевиць Хмелковъ и жена его Ирinya... дали столь, сиречь скамью, в обитль свягаго святителя отца Николы... а сее данье при старощени Нестерове Боровниковъ... а кто наши братьи учнетъ сию скамью продавати или в поминки отдати, да будетъ проклять П337; Се приеха Иванъ Бьлыи изъ Любка, Адамъ с Гочкого берега... дахомъ имъ 3 пути... гости ехати бесъ накости... Оже будетъ не чистъ путь в рьчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость Н34; Се язъ... Феофиль даль есмь в домъ Свягаго Спаса... Бобровую гору... а в тую в Бобровую гору не вступатися никому же ... а дана имъ сiа Бобровая гора и в вьки Н99; Продадут ли или купятъ что с той лоды, а сiу есмя пошилини отдали въ домъ святъи Живоначалныи Троици в Сергиевъ монастырь на темьянь Н101; Се язъ Миня Васильевъ сынъ купил есмь себъ землю... а на то послухы: Василеи Григорьевъ... а докладную писалъ дьякъ Фетько земское. А сiу землю купилъ Миня на женни куны Н220. Аналогичный пример из списка XVII в. грамоты XV в.: *кто на сiу землю наступить, на дание свягаго Николы, Богъ на того и святъи Николае Н323*. В подавляющем большинстве случаев в аналогичных контекстах употреблена указательная группа с *тъ*. Возможно, эти случаи тоже можно охарактеризовать как нейтрализацию анафоры и дейксиса: важно не столько то, что предмет договора был уже упомянут в предыдущем тексте, сколько его представление говорящим в момент высказывания. Такое значение отличается*

от чистого дейктического или анафорического: К. Бюлер называл его «мысленным дейксисом», или «дейксисом представления», а Ч. Филмор — «символическим дейксисом» («указание на ненаблюдаемые элементы речевой ситуации») [Человеческий фактор в языке, 1992: 171].

6. Как было показано, в большинстве случаев местоимения-субстантивы *се* и указательные группы с *сь*-атрибутивами в деловой письменности XIV–XV вв. имеют дейктическую функцию, обладая значением ‘близкий в пространственном или временном отношении к говорящему или пишущему’. В некоторых случаях можно говорить о нейтрализации дейксиса и анафоры, когда между ними нельзя провести четкой границы. Контекстов, в которых значение местоимения было бы безусловно анафорическим, встречено не было. Наличие у указательного местоимения всего одной функции (только дейктической или только анафорической) не представлено в современном русском литературном языке, однако, например, в современных курских диалектах, как показала Е.А. Галинская, есть местоимение *тот-то*, которое употребляется «только анафорически» [Галинская, 2017: 75]; возможно, в случае с местоимением *сь* в деловой письменности XIV–XV вв. можно говорить о том, что оно было только или преимущественно дейктическим. Принципиальных различий в употреблении местоимения *сь* между грамотами разных территорий (великорусского центра, Пскова, Новгорода) нет, а некоторые особенности обусловлены скорее жанром грамот, чем значением самого местоимения.

Список литературы

1. Галинская Е.А. Указательное местоимение *тот-то* в курских говорах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / Под ред. А.М. Молдована. М., 2017. С. 73–87.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1949.
3. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
4. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
6. Сумникова Т.А. Местоимение // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Под ред. В.В. Иванова. М., 1995. С. 326–374.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 2003.
8. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1992.
9. Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950.

Veronika Skripka

**FUNCTIONS OF THE RUSSIAN DEMONSTRATIVE
PRONOUN S' IN 14TH–15TH CENTURY
OFFICIAL DOCUMENTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019*

The paper discusses functions of the demonstrative pronoun *s'* (*cb*) in 14th–15th century documents on the territories controlled by the Grand Duchy of Moscow, Novgorod, and Pskov. The aim is to discover the functions — anaphoric, deictic or other — the pronoun could perform at the time in that type of texts. These are compared with the functions of *s'* in the Common Slavic reconstructed by Antoine Meillet and the functions of *s'* in 12th–13th century Old East Slavic manuscripts as described by T.V. Sumnikova. It is concluded that *s'* is used as a means of deixis in most cases, with its old Indo-European meaning ‘close to the speaker in relation to time and space’. Some odd examples are explained as a kind of neutralisation of both anaphoric and deictic functions. Examples of *s'* with positively anaphoric function are not found in the material considered.

Key words: demonstrative pronouns; reference; deixis; history of the Russian language; Russian manuscripts.

About the author: *Veronika Skripka* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (e-mail: vkskripka@yandex.ru).

References

1. Galinskaya E.A. Ukazatel'noe mestoimenie tot-to v kurskikh govorakh [The demonstrative pronoun tot-to in the Kursk dialects of Russian]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. XII. Dialectology. Ed. A.M. Moldovan. Moscow, 2017, pp. 73–87. (In Russ.)
2. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Manuscripts of Veliky Novgorod and Pskov]. Ed. S.N. Valk. Moscow, Leningrad, 1949. (In Russ.)
3. Marasinova L.M. *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov* [New Pskov manuscripts of the 14th–15th centuries]. Moscow, 1966. (In Russ.)
4. Meillet A. *Obshchieslavjanskii yazyk* [The Common Slavic Language]. Moscow, 1951. (In Russ.)
5. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The utterance and its relation to the

- reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, 1985. (In Russ.)
6. Sumnikova T.A. Mestoimenie [Pronoun]. *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian grammar of the 12th–13th cent.]. Ed. V.V. Ivanov. Moscow, 1995, pp. 326–374. (In Russ.)
 7. Fasmer M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow, 2003. (In Russ.)
 8. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis* [Human factor in the language. Communication, modality, deixis]. Ed. T.V. Bulygina. Moscow, 1992. (In Russ.)
 9. Cherepnin L.V. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XV vv.* [Testaments and treaties of the great and appanage princes of the 14th–15th cent.]. Moscow, Leningrad, 1950. (In Russ.)

А.А. Левитская

**ОСОБЕННОСТИ ВИДЕНИЯ АСПЕКТУАЛЬНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК КРАТНО ПОВТОРЯЮЩЕГОСЯ
ДЕЙСТВИЯ В ОСЕТИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ
МИРА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ**

*Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории и археологии РСО-Алания»
362025, Владикавказ, Ватутина, 46*

В статье освещается тема расхождений в языковых картинах мира (осетинской и русской) при обозначении аспектуальных характеристик одной и той же ситуации внеязыковой действительности, что находит отражение в различиях потенциалов аспектуально-акциональных смыслов при описании, в частности, политемпорально повторяющихся действий. Дается краткое сопоставление строения ядра функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке и в русском языке. Особенностью функционально-семантического поля (ФЦП) аспектуальности в современном осетинском языке является его гетерогенное ядро, которое образуют две грамматические категории — вида и кратности, в отличие от целостного ядра ФЦП аспектуальности в современном русском языке, представленного категорией вида. Аналитический способ выражения политемпоральной кратности действия в современном осетинском языке конструкцией («глагол + частица *-иу*») снимает вопрос об ограничениях по лексическим или словообразовательным основаниям и позволяет сохранять обозначение всех особенностей действия при каждом его повторе, соединяя такие аспектуально-акциональные смыслы, которые выражаются в параллельных русских конструкциях только контекстуально, присутствуют имплицитно, определяются функционально. Важные с точки зрения коммуникации и познания мира значения, связанные с особенностями течения и распределения действия во времени, представлены в современном осетинском языке расчлененно, как комплекс позиционно структурированных смыслов. Каждый из смыслов может выражать в рамках единой грамматической формы как универсальные характеристики аспектуальной ситуации, так и идиоэтнические. При анализе языковых фактов использованы исследовательские приемы описательного, сопоставительного, типологического методов, метода компонентного анализа.

Левитская Алина Афаковна — кандидат филологических наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия Института истории и археологии РСО-Алания (e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com).

Ключевые слова: вид; политемпоральная кратность; акциональные смыслы; языковая картина мира; универсальное; идиоэтническое.

Постулаты современной общей и сопоставительной аспектологии об универсальности понятий аспектуальности и аспектуального поля [Маслов, 1978; Бондарко, 1983;] полностью подтверждаются данными современного осетинского языка, в котором характер протекания и распределения действия во времени обозначается разноуровневыми языковыми средствами, взаимодействующими в рамках функционально-семантического поля аспектуальности, ядро которого образует две грамматические категории — вида и кратности [Левитская, 2007]. Стрoение ядра ФСП аспектуальности в осетинском языке убеждает в том, что аспектуальные поля могут выступать не только как моноцентрические с целостным грамматическим ядром, опирающиеся на грамматическую категорию (например, в современном русском языке), но, по мнению А.В. Бондарко, и как «моноцентрические поля с комплексным (гетерогенным) ядром» [Теория функциональной грамматики, 2017: 34–35¹], с двумя универсальными семантическими признаками — отношение к пределу действия и кратность действия.

Семантической базой грамматического противопоставления совершенного/несовершенного вида в осетинском языке так же, как и в русском, является универсальный признак ограниченности/неограниченности развития действия во времени, однако конкретное отражение этого признака в семантической стороне грамматического строя осетинского и русского языков различно: в русском он выступает как обязательное указание на целостность/нецелостность действия [РГ-80, I: 583], в осетинском — на достигнутость/недостигнутость предела. Категориальное семантическое основание «направленности действия на достижение предела» представляется грамемой СВ как достигнутость предела, а грамемой НСВ — как достигнутость предела [Левитская, 2007: 90]. Осетинские приставочные глаголы (кроме глаголов с превербами *а-, ба-, ны-*)² с аффиксом *-цæй-* и те же глаголы без этого аффикса противопоставляются в качестве видовых форм одной и той же лексемы и отвечают требованию «эмансипированности от лексических различий» [Маслов, 1978: 28]. Например: *æрбацæйтұлын/прикаты-вать — æрбатулын/прикатить; рацæйцæун/выходить — рацæун/выйти; фæцæйфæлдæхын/опрокидываться — фафæлдæхын/опрокинуться; рацæйздæхын/возвращаться — раздæхын/вернуться и др.*

¹ Далее — ТФГ, 2017.

² О причинах видовой непарности этих глаголов см.: [Левитская, 2007: 104–105].

Русские глаголы НСВ наряду с конкретно-процессным значением могут выражать и значение неограниченной кратности действия [РГ— 80, I: 608—609; Бондарко, 1971: 31—32]³. С точки зрения функциональных соответствий можно сказать, что конкретно-процессному типу употребления русского НСВ соответствует сфера категории осетинского несовершенного вида, а неограниченно-кратному типу — сфера осетинской категории кратности. Для выражения значений политемпоральной кратности в осетинском языке используется аналитическая конструкция ‘глагол + частица -иу’.

Например:

1) *Йæ фыд-иу алы аз дæр тамако ныссагъта цæхæрадоны хуымты, афæдзы дæргъы-иу цалдæр хатты тыллæг æрæмбырд кодта, бахус-иу æй кодта, æмæ-иу æй, бахъуаджы сахаты, сæрдасæнхæй скарста йæ лулæйæн (336) //*

Отец каждый год высаживал его на гряды, снимал несколько урожаев в году, сушил и, по мере надобности, мелко крошил бритвой на трубку (267).

Аналитический способ выражения политемпоральной повторяемости действия исключает ограничения по семантическим или словообразовательным причинам и позволяет полностью сохранять все аспектуально-акциональные характеристики действия при каждом его воспроизведении, благодаря чему оказывается возможным совместить такие значения, которые в русском языке не могут быть выражены одной и той же синтетической грамматической формой. Например, комбинация **многократного и процессуального значений**: *Смаг-иу сæм æрбакалди, куыддæр-иу палатæйы гом дуары цурты фæцæйцыдысты, афтæ /166/ //* Тяжелый запах обдавал их всякий раз, когда они проходили мимо распахнутой двери в палату /131/.

Грамматическая форма «*фæцæйцыдысты-иу*» выражает одновременно и значение процессуальности (*фæцæйцыдысты*/букв. ‘находились в процессе движения’ — осетинская форма НСВ имеет конкретно-процессное значение) и значение политемпоральной многократности действия, на который указывает частица -иу (*проходили неоднократно*). Политемпоральное действие предстает как конкретный процесс в середине его течения (*intra terminos/ in medias res*) при каждом повторе. В русском примере действие, обозначенное

³ Позиция В.С. Храковского [Храковский, 2014] о том, что итеративность не только не является одним из основных значений НСВ, но и вообще отсутствует у граммы НСВ и выражается средствами контекста, для наших наблюдений и выводов не принципиальна, поскольку в статье анализируются способы передачи средствами осетинского языка аспектуально-акциональных характеристик политемпорально повторяющегося действия в сравнении именно с русским контекстом.

глаголом НСВ «*проходили*», предстает как повторяющееся благодаря общему смыслу повторяемости действия, заключенному в контексте всего высказывания — кратно-соотносительной конструкции (сложноподчиненного предложения с придаточным времени) и актуализированному обстоятельственным словосочетанием «*всякий раз*» и союзным словом «*когда*». В осетинском же примере усиливается значение «процессности», выраженное грамматической формой «*фæцæйцыдысты*», благодаря употреблению обстоятельства «*куыддæр/как только*», но это значение оказывается включенным в общий контекст политемпоральной кратности. Кроме того, русский вариант «*запах обдавал их всякий раз*» не эксплицирует перфективного значения, тогда как осетинская форма «*æрбакалди-у/внезапно обдал*» указывает именно на достигнутость предела действия при каждом его повторе, т.е. совмещаются значения перфективности, специально-результативного (моментального) способа действия (далее — СД) и политемпоральности.

Заметно расходятся объемы аспектуально-акциональной информации, содержащейся в русском предложении и соответствующем ему осетинском переводе, и в следующем примере: *Уыдон -у Ко-стиевичы фæрафæрс — бафæрс кодтой æмæ сæ-у куы смæсты кодта, уæд-у æй фæнадтой /414/ // Они допрашивали Костиевича и били его, когда он выводил их из себя /329/*. Русскому глаголу «*допрашивали*» соответствует осетинская конструкция «*фæрафæрс — бафæрс-у кодтой*». Глагол *фæрафæрс — бафæрс кодтой/допрашивали* — является глаголом повторно-возвратного способа действия, одного из осетинских мультипликативных способов действия [Левитская, 2019]. Глаголы многоактных способов действия в осетинском языке образуют микрополе мультипликативности [Левитская, 2020а; 2020b] и отличаются не только тем, что словообразовательно характеризованы в отличие от русских многоактных глаголов [Ремчукова, 1984: 53], но и тем, что кроме мультипликативности выражают различные дополнительные акциональные смыслы. В частности, глаголы повторно-возвратного способа действия, характеризованные словообразовательной моделью «составной глагол, первая часть которого — удвоенная глагольная основа, оформленная сложным префиксом *ра... -ба-*, а вторая часть — глагол *кæнын (далее: к.) /делать*», образованные от глаголов движения-перемещения, имеют значение неоднократно повторяющегося действия, направленного при каждом повторе в обратную сторону. Например: *рацу-бацу к./ходить туда-сюда; разгъор-базгъор к./бежать туда-сюда; рагæпп-багæпп к./прыгать с места на место; рахæсс-бахæсс к./носить вперед-*

назад; *рафæлдæх- бафæлдæх к./ переворачивать с одной стороны на другую и др.*

С глаголами других лексико-семантических разрядов данный осетинский СД выражает значения, близкие русским СД, выделяемым М.А. Шелякиным как итеративные — процессно-длительному СД (расхаживать, разгуливать, распевать и др.) и длительно-взаимному СД (перемигиваться, перестреливаться и др.)⁴. Сравним осетинские примеры с близкими им по значению глаголами русского процессно-длительного СД: *рабар-бабар к./ перевешивать; разар-базар к./ распевать; ралли-балли к./ разгуливать; раныхас-баныхас к./долго обсуждать одно и то же, «толочь воду в ступе»; рацагур-бацагур к./разыскивать и др.*, а также с глаголами русского длительно-взаимного СД: *райс-байс к./передавать из рук в руки; раскъæр-баскъæр к./выхватывать из одних рук и передавать в другие руки; рарвит-барвит к./переадресовывать; рафысс-бафысс к./ переписываться; радзур-бадзур к./переговариваться и др.* Осетинские глаголы повторно-возвратного СД отличает в сравнении с русскими глаголами вышеназванных итеративных СД именно эксплицирование значения возвратно-обратной направленности действия, основанное на пространственно-ориентационной семантике префиксов *ра-* и *ба-*. В осетинском языке, как и во многих иберийско-кавказских языках, превербы указывают не только на направление движения, но и на позицию условно наблюдающего за этим движением [Абаев, 1949: 106—107]. В частности, преверб *ра-* обозначает движение наружу с позиции наблюдателя, находящегося снаружи, а преверб *ба-* — движение внутрь с этой же позиции наблюдателя, находящегося снаружи, то есть префиксальный формант *ра-... -ба-* указывает на то, что действие, названное глаголом, происходит попеременно в прямо противоположных направлениях.

Итак, в рамках одной грамматической (аналитической) осетинской словоформы *фæрафæрс — бафæрс-уу кодтой/ букв. 'долго расспросили-переспросили неоднократно'* соединяются такие аспектуально-акциональные смыслы, которые в русском языке обозначаются глаголами разных СД: 1) мультипликативность-*imperfectiva tantum*; 2) процессная длительность- *imperfectiva tantum*; 3) пердуративность- *perfectiva tantum*, а также политемпоральная кратность. Отметим, что аспектуально-акциональный

⁴ «Процессно-длительный СД указывает на длительный и итеративный характер действия исходных глаголов. Длительно-взаимный СД передает итеративность действия, распределенную между несколькими (по крайней мере двумя) лицами» [ТФГ, 2017: 84].

потенциал и других осетинских глаголов в этом высказывании (*фæнадтой-у/букв. 'избили неоднократно'*; *смæсты -у кодта/букв. 'вывел из себя неоднократно'*), соответствующих русским глаголам НСВ (*били; выводил из себя*), отличает выражение с помощью приставок значений перфективности и значений общерезультативного СД, т.е. достижение результата при каждом повторе действия.

В анализируемых осетинских и русских высказываниях обозначается такой семантический тип неоднократности, когда обозначаются ситуации, входящие в итеративное множество и происходящие в разные периоды времени. Это значение выражается и в русском, и в осетинском языке сложноподчиненным предложением с придаточным условия. В русском языке временные, условные и уступительные сложноподчиненные предложения наряду с другими полипредикативными конструкциями (кратно-соотносительными конструкциями) используются именно для выражения политемпоральной итеративной неоднократности. По мнению В.С. Храковского, «специфическая особенность этих предложений заключается в том, что в них преимущественно употребляются глагольные формы НСВ, что подчеркивает относительную самостоятельность взаимообусловленных ситуаций, образующих единый цельный эпизод» [ТФГ, 2017: 149–150]. Заметим, что в осетинском эквиваленте относительная самостоятельность взаимообусловленных ситуаций еще более выражена: в главной части осетинского сложноподчиненного предложения содержится четкое указание на политемпоральную итеративность действий (грамматические конструкции с *-у*), в то время как в русском предложении невозможно только по грамматической форме глаголов главной части без учета аспектуального контекста придаточной части определить, какое из значений глаголов НСВ (конкретно-процессное или неограниченно-кратное) реализуется в главной части.

Таким образом, не вызывает сомнения, что 1) аспектуально-акциональный потенциал осетинского контекста при обозначении политемпорально повторяющихся действий значительно более объемный, чем потенциал соответствующего ему русского контекста; 2) отражение одной и той же ситуации объективной внеязыковой действительности в родственных языках (осетинском и русском) заметно отличается не только объемами информации, объемами аспектуально-акциональных смыслов, но и возможностями соединения этих смыслов в рамках одного высказывания и, более того, в рамках одной грамматической формы.

Бесспорный интерес представляют и другие комбинации аспектуально-акциональных смыслов, выражение которых отличает

осетинский язык от русского при обозначении политемпоральной кратности действия с помощью конструкции «глагол + частица -иу».

Примеры комбинаций, когда сохраняется указание на вид и способ действия при его политемпоральном воспроизведении:

1. *Æмæ-иу, æцæг, Улямæ куы сæмбæлд, ... уæд та-иу афтæ ныссырх, æмæ-иу кæцыфæнды чызджы дæр цæфсæрмы кæнын кодтаид /521/ // И, правда, когда он встречался с Улей..., то краснел так (в осет. букв.: так сильно краснел., что любую девочку вгонял в краску /42/.*

Ныссырх-иу/краснел; ныссырх/ сильно покраснел- СВ, интенсивно-результативный СД.

2. *Фæлæ ныр йæ зæрдыл æрбалæууыд, Олег-иу искуы иу хатт фæхицæн æмæ-иу Полинæ Георгиевнæимæ цæуылдæр сусу-бусу кæй кодтой, уый /753/ // Но теперь ему вспомнилось, что Олег иногда уединялся и перешепывался с Полиной Георгиевной /590/.*

Сусу-бусу кодтой-иу/ перешепывались (иногда); сусу-бусу кодтой/шептались — НСВ, дискретно-многоактный СД.

3. *Салдæттæ-иу машинæтæй рагæппытæ кодтой, сæ къæхтæ, сæ цæнгтæ-иу аивæзтытæ кодтой æмæ, уырыссаг лæджы хъус ахуыр цы ныхасыл нæу, ахæм тагъд-тагъд, сонт ныхасимæ апырх сты кæрттытты, хостой дурттæ /197/ // Солдаты прыгивали с машины, разминали руки и ноги и с непривычным для русского уха шумным, резким говором растекались по дворам, палисадникам, стучались в двери. /156/ и др.*

Рагæппытæ-иу кодтой/поспрыгивали неоднократно, аивæзтытæ-иу кодтой/размяли неоднократно; рагæппытæ кодтой/поспрыгивали, аивæзтытæ кодтой/размяли — СВ, глаголы собирательно-многоактного СД.

Приведенные примеры и другой исследованный нами материал убеждают в том, что информация, заключенная в высказываниях с конструкцией «глагол + частица -иу», отражает видение аспектуальной ситуации в осетинской языковой картине мира таким образом, что важные с точки зрения коммуникации и познания мира аспектуально-акциональные значения отражают как универсальные характеристики аспектуальной ситуации и, соответственно, обладают высокой степенью переводимости на другие языки, так и акциональные характеристики в уникальных комбинациях, составляющих идиоэтнические особенности осетинского языка.

Список литературы

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
2. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

3. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
4. *Левитская А.А.* О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.
5. *Левитская А.А.* Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.
6. *Левитская А.А.* Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательный-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020а. № 196. С. 105–117.
7. *Левитская А.А.* Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020 б. № 2. С. 75–89.
8. *Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. 1978. Вып. 1. С. 4–44.
9. Русская грамматика. Т. I / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
10. *Ремчукова Е.В.* Структурно-семантическая зона «сложное действие» в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
11. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / Под ред А.В. Бондарко. М., 2017.
12. *Храковский В.С.* Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное/многократное/итеративное/узусальное/хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–11.

Примеры взяты из:

Фадеев А.А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М., 1970.

Фадеев А.А. Арыгон гварди. Дзæуджыхъæу. 1953.

Alina Levitskaya

ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF A MULTIPLE REPETITIVE ACTION IN OSSETIAN AND RUSSIAN PICTURES OF THE WORLD

*Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia—Alania
46 Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025*

The article discusses differences in Ossetian and Russian language pictures of the world indicating aspectual characteristics of identical situations of

extralinguistic reality. These can be seen in the capacity of aspect-actional meanings when expressing poly-temporarily recurring actions. The paper provides a brief description of the core structure of the functional-semantic field (FSF) of aspectuality in modern Ossetian language and offers a comparison of the structure to that in Russian. A peculiar feature of the functional-semantic field of aspectuality in modern Ossetic is its heterogeneous core, which is formed by two grammatical categories — aspect and multiplicity, unlike holistic core of the FSF of aspectuality in modern Russian, formed by the aspect. The analytical method of expressing poly-temporal multiplicity of action in modern Ossetian (construction “verb + particle -иу [eu] ”) raises the problem of restrictions on lexical or word-building grounds and allows to retain the indication of all aspect-actional features of the action in each iteration. It also allows combining aspect-actional meanings which in Russian language are expressed in parallel constructions only contextually, implicitly and defined functionally. Meanings crucial in terms of communication and knowledge of the world, which are related to the peculiarities of the course and distribution of action in time, are represented in modern Ossetian in a fractal manner as a range of propositionally structured meanings. Within single grammatical form each meaning can express either universal or idioethnic characteristics of aspectual situation. When analysing linguistic facts following research methods were applied: descriptive, comparative, typological and component-analysis ones.

Key words: aspect; poly-temporal multiplicity; actional meanings; language picture of the world; universal; idioethnic.

About the author: *Alina Levitskaya* — PhD, Associate Professor, Head of the Department of Cultural Heritage, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia–Alania (e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com).

References

1. Abaev V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. V. I. Moscow — Leningrad, AN SSSR Press., 1949. 601 p.
2. Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Aspect and tense of the russian verb (meaning and usage)]. Moscow, Prosveshcheniye Press., 1971. 239 p.
3. Bondarko A.V. *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, 1983. 208 p.
4. Levitskaya A.A. O vidovoy nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom yazyke (vliyanie universal'nyh i idioetnicheskikh faktorov) [On aspect incongruity in the modern Ossetian language (influence of universal and idioethnic factors)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2007, № 5, pp. 89–107. (In Russ.)
5. Levitskaya A.A. Mul'tiplikativnye sposoby deystviya v sovremennom osetinskom yazyke: povtorno-vozvratnyj sposob deystviya (v sopostavlenii s russkim yazykom) [Multiplicative methods of action in the modern Ossetian language: a repeatable — return method of action (compared with the Russian lan-

- guage)]. *Izvesiya Juzhnogo federal' nogo universiteta. Filologiya* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2019, № 3, pp. 21–33. (In Russ.)
6. Levitskaya A.A. Mul'tiplikativnye sposoby deystviya (Actionsarts) v sovremennom osetinskom yazyke: sobiratel'no — mnogoaktniy SD I rezul'tativno — mnogoaktniy SD (v sopostavlenii s russkim yazykom) [Multiplicative modes of verbal action (Actionsarts) in the modern Ossetian language: the collective-multiple MA and the resultative-multiple MA (compared with the Russian language)]. *Izvesiya RGPU im.A.I. Gertsena* [Proceedings Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2020 a, № 196, pp. 105–117. (In Russ.)
 7. Levitskaya A.A. Mul'tiplikativnye sposoby deystviya v sovremennom osetinskom yazyke: diskretno-mnogoaktniy sposob deystviya v sopostavlenii s russkim yazykom [Multiplicative modes of action (Actionsarts) in modern Ossetian and modern Russian: a discrete and multi-act manner of action]. *Vestnik Mosk. un-ta*. [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 2020 b, № 2, pp. 75–89. (In Russ.)
 8. Maslov Yu.S. K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii [To the basics of comparative aspectology]. *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*. [Issues of comparative aspectology], 1978, Issue 1, pp. 4–44. (In Russ.)
 9. *Russkaya grammatika* [The Russian grammar]. Vol. I. Ed. Shvedova N.U. Moscow, Nauka, 1980. 783 p.
 10. Remchukova E.V. *Strukturno-semanticheskaya zona "slozhnoye deistviye" v sovremennom russkom yazyke: Dis. ... kand. philol.nauk.* [The structural-semantic zone "complex action" in modern Russian language]: *dis.doc. philol sciences*. Moscow, 1984. 229 p.
 11. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [The theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Ed. Bondarko A.V. Moscow, Lenand, 2017. 352 p.
 12. Khrakovskiy V.S. Est' li u nesovershennogo vida v russkom yazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe/mnogokratnoe/iterativnoe/uzual'noe/habitu-al'noe) znachenie? [Does Russian imperfective have repetitive (frequentative/iterative/usual/habitual) meaning?] *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2014. № 4, pp. 3–11. (In Russ.)

Examples are taken from:

Fadeev A.A. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 3: Molodaya gvardiya* [Collect.works in 7 v., v. 3: The Young Guard]. Moscow, 1970. 677 p.

Fadeev A.A. *Arygon gvardi* [The Young Guard]. Dzaudzhyhau, 1953. 839 p.

Н.Т. Пахсарьян

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН В ЭПОХУ
«РЕФЛЕКТИВНОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА»:
«КАРЕТА, УВЯЗШАЯ В ГРЯЗИ» П.К. ДЕ МАРИВО**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21*

В статье исследуется своеобразие нарративных экспериментов французского писателя XVIII в. Пьера Карле де Шамблена де Мариво в области жанровой поэтики романа. Пересматриваются как представление об отсутствии в эту эпоху новаторских жанровых исканий, так и устойчивая оценка ранних романов Мариво как продолжающих традицию предшествующего столетия. Анализ романа «Карета, увязшая в грязи» (1713–1714) позволяет увидеть в романе новое взаимодействие имплицитного автора с читателями, установку Мариво на художественный эксперимент, игру устоявшимися мотивами и повествовательными клише, что в конце концов оказывается неожиданно близким даже не современникам романиста, а более позднему поколению литераторов.

Ключевые слова: жанр; повествование; клише; эксперимент; читатель; роман рококо.

Отнесенная некогда к периоду «рефлексивного традиционализма», литература XVIII в. долго рассматривалась в нашем литературоведении как интересная не столько своей новизной, сколько демонстрацией «полной исчерпанности старого» [Аверинцев и др., 1994: 32]. Ренессанс исследовательского внимания к жанровым поискам романистов эпохи Просвещения, уточнение роли французского романа того периода в эволюции жанра в значительной степени оказался связан — и у нас, и на Западе — с отказом от телеологической схемы развития романа в направлении его классической реалистической формы — и, с другой стороны, с теми,

Пахсарьян Наталья Тиграновна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

порой неожиданными, изменениями, которые претерпел этот жанр во второй половине XX в. В потоке многочисленных зарубежных исследований, посвященных творчеству французских романистов XVIII в. заметное место заняли работы, обращенные к романному наследию П.К. де Мариво [см., например: Coulet, 1974; Spenger, 1984; Marivaux, 1996; Gilot, 1998; Sermain, 1999; Guilhembet, 2014]. Ученые открыли в нем не только замечательного драматурга, пьесы которого никогда не переставали ставиться в театрах разных стран, но и оригинального романиста. Впрочем, поначалу специалисты обратились к анализу зрелых романов Мариво — «Жизнь Марианны» (1731—1741) и «Удачливый крестьянин» (1734—1735), полагая ранний период творчества связанным с традицией предшествующей эпохи, в том числе рассматривая и пародийность ранних романов в русле продолжения барочной поэтики комического романа. Однако публикация в 1972 г. ранних сочинений Мариво в серии «Энциклопедия Плеяды» известным специалистом по литературе XVIII в. Фредериком Делюффриком, снабдившим издание солидными примечаниями и анализом публикуемых текстов, позволила некоторым ученым не только пересмотреть отношение к творчеству Мариво 1712—1717 гг., но и обнаружить в нем «первого романиста-экспериментатора», «одного из тех великих авторов, которые предвосхитили всю современную литературу» [Rougemont, 1973: 11].

Сколь бы преувеличенным не казалось это высказывание французского критика, тем не менее, оно содержит в себе большую долю истины. Действительно, несмотря на то, что большинство литературоведов относит начало экспериментов в жанре романа ко второй половине, а то и к последней трети эпохи Просвещения, анализ ранних романских текстов Мариво отчетливо демонстрирует новизну поэтологических принципов автора «Удивительных действий симпатии» (1713), «Кареты, увязшей в грязи» (1714) и «Фарсамона» (1713, опубл. 1737).

В то же время новое жанровое качество «Кареты» и других ранних романов писателя ученые считают большей частью проявлением предреализма или даже реализма XVIII в. [см. об этом: Nogaard: 1966], а в развитии романа первой трети столетия усматривают две линии: одни писатели выбирают реализм, другие — романическую патетику и моралистичность [Sprânu, 2007: 14]. Соответственно и экспериментальность «Кареты, увязшей в грязи» трактуется в аспекте «реалистичности»: особенно ценится в произведении нарративная рамка (рассказ о путешествии в дорожной карете, об остановке в пути, об ужине в убогом кабачке), тогда как сочиняемый попутчиками “Roman impromptu” воспринимается как обычная пародия,

заполненная клише романического [Nogaard, 1966: 81; Marivaux, 1972: 1146; Guilhembet, 2014: 253].

Представляя себя в кратком «Предупреждении» издателем романа того же автора, который написал ранее «Приключения***, или Удивительные действия симпатии», и не открывая при этом своего имени, Мариво заявляет, что предлагаемое читателям сочинение — небольшое развлечение перед тем как он опубликует обещанное этим читателям продолжение «Удивительных действий» (оно так и не будет написано). Мариво тем самым дистанцируется от повествователя, который выступает у него автором книги, предназначенной как будто лишь одному читателю — другу нарратора («Наконец-то, друг мой, я держу данное вам слово, вот изложение той маленькой истории, которое я вам обещал» [Marivaux, 1972: 317]). Однако с этим обращением не вполне согласуется помещенное после «Предупреждения издателя» предисловие, в котором повествователь говорит о своем невольном следовании моде — неперменной публикации предисловий. Желая, с одной стороны, не нарушать эту традицию, с другой — не заставлять читателей скучать, нарратор не только делает предисловие кратким, но и иронически рекламирует собственный роман: «это книга, где комическое забавно, превращения естественны, чудесное отличается новизной; коли так говорят, это сочинение прекрасно. Но кто это говорит? Я сам, автор» [Marivaux, 1972: 313]. Имплицитный повествователь смеется над нелогичным требованием к авторам быть критиками своих сочинений, заявляет об отказе носить маску и скрывать свое благосклонное отношение к собственному тексту, непринужденно беседует с воображаемым читателем-мизантропом, говорит о естественном желании сочинителя доставить читателям удовольствие. В конечном счете предисловие оказывается характерной для романистики XVIII в. «авторerefлексией над текстом» [Bouabane, 1999: 15]

Но более того: авторerefлексия пронизывает весь текст небольшого романа, смещая читательский интерес не к поверхностной событийности, а к размышлениям о природе романного и романического. Произведение обычно членят на основное (одновременно — рамочное) повествование, в котором идет речь об инциденте, случившемся в дороге, вынудившем пассажиров дорожной кареты искать временного приюта в деревенском кабачке, заниматься поисками пропитания и затем сочинять по очереди романную историю, и вставной рассказ, в котором тоже выделены заглавиями две части — «Роман-экспромт» о приключениях Амандора и Фелисии/Ариобарсана и «История чародея». Однако слитность всех частей обеспечивается общей иронической повествовательной

модальностью, присутствием имплицитного автора, ведущего игру с повествовательными клише.

Прежде всего, Мариво через посредство нарратора обращается к диалектике устного и письменного повествования: «Рассказ будет верен, я передаю его вам таким, каким услышал и как его сам рассказывал; ведь, как вы знаете, я был из тех, кто его сочинил» [Marivaux, 1972: 317], сообщает рассказчик другу, начиная свое послание. Поскольку завершается повествование обращением нарратора к тому же безымянному другу по поводу рассказанного «... я принял решение рассказать вам о моих развлечениях, вы взяли с меня слово об этом, я его сдержал, ваш покорный слуга» [Marivaux, 1972: 388], то, как заметил Р. Жоли, между началом и концом «Кареты, увязшей в грязи», «не происходит ничего, кроме рассказывания» [Joly, 2004: 205]. В то же время ситуация коллективной импровизации романической истории предваряется обрамлением, в котором трансформируется привычная для рамочных нарративов (вроде «Декамерона» Боккаччо или «Гептамерона» Маргариты Наваррской) ситуация остановки в пути. Прежде всего персонажи, оказавшиеся в дорожной карете, не составляют единого добровольно собравшегося сообщества, у них разные цели путешествия, разный возраст, они принадлежат к различным социальным слоям. Однако все эти персоны во время поездки сначала охотно угощаются табаком, предложенным рассказчиком, а затем оказываются вовлечены в беседу на одну любовную тему.

Подробности этой дорожной беседы нарратор опускает, одновременно набрасывая характеры своих попутчиков, проявившиеся в их речи: так, дама говорила, как любительница романов, остроумец кавалер постоянно шутил и сыпал стихотворными цитатами, старик-финансист нес вздор, красуясь перед юной девушкой, девушка, дочь дамы, была единственной, кто держался наивно, но естественно, а сам он не перечил никому из собеседников, поощряя чувства каждого и осторожно кокетничая одновременно с дамой и ее дочерью. При этом имплицитный автор явно намекает не столько адресату-другу («...вы, конечно, узнали меня по этой детали...»), сколько современной ему читательской аудитории на самого себя, имеющего репутацию деликатного и умного собеседника. Стремление писателя уже в первых своих романах вести диалог с читателями анализировал Дж. Бонакорсо, оговаривая одновременно, что, несмотря на это, «ранние произведения Мариво принадлежат области традиционного романического» [Bonacorso, 1973: 215]. Между тем писатель проблематизирует это традиционное романическое, не отрицая его. Именно сосредоточение на фигуре «поливалентного» [Rudelic, 1988: 110] нарратора/нарраторов позволяет ему «играть с условностями

жанра» [Gallouët, 2003: 89]. Амбигитивно-ироническая игра нарративной идентичностью, которую Мариво будет вести на протяжении всего текста, представляется важным поэтологическим новшеством, прокладывающим путь принципу «ненадежного рассказчика» [Бут, 1996: 133], излюбленному литературой рококо и актуализированному в постмодернистских романах XX–XXI вв.

Оказавшись затем в одной ситуации (каре́та застревает в грязи, лошади не могут сдвинуться с места, и пассажиры вынуждены добираться пешком до ближайшей деревни), они реагируют в соответствии с их характерами: романтическая дама бесконечно сетует, остроумец-кавалер пытается отвлечь спутников от трудностей пути, юная девушка и старик-финансист, подыгрывающий ей, смеются над своей собственной растерянностью перед случившейся неприятностью. Новым является в этой части романа не обращение к описанию низкой бытовой повседневности (что было уже в комическом романе XVII в.), а способ этого описания, отсутствие барочного бурлеска, сатирической гиперболизации. В связи с этим трудно согласиться с Ф. Делюфром, полагающим, что оригинальность «Кареты» заключена в контрасте между обрамлением и романтической историей [Marivaux, 1972: 1146]: контрасты здесь, скорее, приглушены, сглажены. Убогое убранство кабачка, грязь и скудная пища, предложенная путникам, описаны сдержанно-иронически, а замысел сочинять по очереди импровизированный роман возникает как средство скоротать бессонную ночь в ожидании починки кареты. Повод для романа-экспропта оказывается вполне прозаичным, к тому же персонажи решают прежде чем сочинять историю, изыскать возможность более плотного ужина и питья. Эпизод визита к деревенскому кюре полон иронически описанных деталей быта, но общая картина не становится от этого бурлескной, насмешливость рассказчика добродушна, а настороженная реакция обитателей дома кюре на поздний визит незнакомцев забавна, но вполне естественна. Желание смягчить зарисовку деревенского приключения путников обуславливает и то, что эпитет “burlesques”, которым наделяет рассказчик песни, исполняемые племянником кюре по дороге, никак не конкретизируется: нарратор не воспроизводит ни слова этих песен, ни манеру исполнения.

Трудно согласиться с тем, что имплицитный повествователь сатирически описывает речи деревенских обитателей — кюре, его племянника, служанки Нанон или Матюрена [Guilhembet, 2014: 155], смешное у Мариво смягчено, оно не воспроизводит буквально традицию комического XVII в., писатель порывает с мольеровской традицией не только в комедиях, но и в романной прозе [Marchand, 2012: 1]. Преобладание резюмирующего пересказа диалогов между

персонажами, как и воспроизведение разговора слуг отнюдь не представляет из себя карикатуру, стиль их «низких» речей — вполне «хорошего качества» [Marivaux, 1972: 1145]: например, Матюрен говорит так же, как крестьяне провинции Иль-де-Франс того времени, их диалект нисколько не утрирован. Поведение племянника кюре, присоединившегося к компании путешественников, его попытка изъясняться с ними и вести себя по-светски, вызывает у рассказчика желание засмеяться, но он тут же добавляет: «Несмотря на все эти оригинальные комплименты, мы вскоре заметили по речам этого человека, что он умен» [Marivaux, 1972: 334]. По существу, в романе нет характерного для барокко антиномичного противопоставления двух социумов — светского городского и деревенского, они естественным образом пересекаются друг с другом.

Важность для персонажей материальных вещей, телесного комфорта справедливо отмечена Ж. Гиленбе: Мариво, по его мнению, становится в оппозицию романическому идеализму, уделяя больше внимания конкретному [Guilhembet, 2014: 99]. Однако, во-первых, конкретное и материальное оказывается важным как для деревенских жителей, так и для путешественников, принадлежащих к городскому буржуазно-дворянскому обществу (чтобы развлечься приятными романическими историями, им необходимо согреться и насытиться), а, во-вторых, конкретными оказываются у Мариво прежде всего эмоционально-психологические реакции на происходящее: например, нарратор не дает подробного описания спальных мест, предложенных хозяйкой кабачка, но замечает, что «вид постелей был подлинным снадобьем от сна» [Marivaux, 1972: 323]. К тому же при всей конкретности некоторых описаний в «Карете» телесная проблематика выражена очень слабо [Guilhembet, 2014/3: 21]. Уже в обрамлении, таким образом, осуществляется тот жанрово-стилевой компромисс, который характерен для рокайльной прозы. Он реализуется и в основном повествовании.

Утверждая, что ранние романы Мариво отличает «фрондерский дух» и «разложение академической эстетики» [Moureau, 2012: 525], Ф. Муру говорит в то же время, что писатель замещает эту эстетику более архаичной. Большинство исследователей полагают, что в «Романе-экспромте» Мариво повторяет пародийные приемы Ш. Сореля, ориентируясь и на «Дон Кихота» Сервантеса [Marivaux, 1972: 1144; Rubellen, 1998: 72; Moureau, 2012: 525 и др.]. Порой ранний Мариво-романист и вовсе оценивается как «обезьяна Дон Кихота» [см. заглавие монографии: Sermain, 1999]. Удивительно, что специалисты не замечают важнейшего различия между Мариво и его предшественниками в обращении к романическому: и Дон Кихот

Сервантеса, и экстравагантный пастух Лизис Сореля **пытаются жить** в романе — рыцарском или пасторальном, тогда как героини «Кареты», увязшей в грязи, **пытаются сочинить** роман, нисколько не впадая в иллюзию, что этот роман происходит на самом деле. Не случайно при переиздании 1715 г. писатель дал «Карете» подзаголовок “roman naturel”: его интересует процесс и степень психологизации романического, в значительной степени связанной с образом жизни и характером каждого из персонажей. Р. Жоли полагает, что самыми естественными фигурами в этом романе являются старик-финансист и юная девушка [Joly, 2004: 214]. Однако никто из пассажиров кареты не выступает в роли идеального романического героя или героини, никто из них не пытается изображать из себя таковых. Рассказанная каждым из них часть романа-экспромта выдает только их читательские предпочтения: основной нарратор/имплицитный автор выбирает ироническое подражание комическому роману, выведя в качестве героев дворянина 35–40 лет и его соседку-вдову того же возраста, которые, влюбившись друг в друга, пытаются вести себя как героини книжных любовных историй, поскольку «нынешний век испорчен, теперь живут иначе, самая благородная страсть сегодня — только забава» [Marivaux, 1972: 337], но при этом оказывается, что романические требования к поведению влюбленных лишены здравого смысла и только прибавляют героям хлопот; дама предпочитает сочинения д'Юрфе и М. де Скюдери и потому, признавая, что ее предшественник вел рассказ и насмешливо, но и серьезно, заявляет о своей «неспособности поддерживать критику... романических влюбленностей» [Marivaux, 1972: 352], и потому драматизирует расставание влюбленных из-за дерзкого поцелуя. Это встречает одобрение слушателей, поскольку они надеются, что дама «заставит нас плакать столь же приятно, как господин заставлял нас смеяться» [Marivaux, 1972: 352]. Описывая романическое путешествие-переодевание в мужскую одежду Фелиции-Ариобарсана (это имя героя романа М. де Скюдери «Артамен, или Великий Кир»), рассказчица одновременно комментирует его, ведя беседу со слушателями, и это создает ироническую дистанцию и позволяет имплицитному автору играть романическими клише. К тому же дама весьма уверенно ориентируется в жанрах и модусах романического: «Не знаю, как вы нашли мой рассказ, но вы просили у меня трагическое, чудесное, удивительное, и я старалась для вас, как могла» [Marivaux, 1972: 370] Когда же в беседу вступает кавалер-остроумец, то он сочиняет уже не галантную историю, а скорее волшебную сказку в духе А. Гамильтона [Marivaux, 1972: 1146], демонстрируя вкус современного писателю светского общества. Причудливая фан-

тазия остроумца помещает героев в трудную ситуацию с участием волшебства, фабула как будто требует, чтобы ее долго распутывали, однако юная девица завершает ее весьма просто, объявляя, что все эти чудеса приснились Ариобарсану. Характерно, что слушатели одобрительно отнеслись к такому завершению фабульных «чудес»: «Когда юная девушка произнесла эти слова, мы принялись смеяться и согласились, что такое уточнение после только что выслушанной истории — лучшее, что можно было бы сказать» [Marivaux, 1972: 379]. Последующий рассказ девушки оказывается иронической стилизацией под комический роман, где по ходу действия переодетая в шевалье дама вовсе не приобретает рыцарского мужества («... не к чести романических ценностей, страх закрался в душу великого Ариобарсана» [Marivaux, 1972: 381] и пугается, встретив крестьян, на самом деле ничем им со служанкой/оруженосцем не угрожающих, а когда они вместе приходят в деревню, рассказ сосредотачивается на забавной деревенской истории любви Пьерро и Пьеретты, ибо девушка-рассказчица, по ее собственным словам, «ничуть не была серьезной» [Marivaux, 1972: 385].

Клише комических историй обыгрываются имплицитным автором ничуть не меньше, чем романические клише. Последние рассказчики — старик-финансист и племянник кюре завершают роман совсем краткими историями, поскольку починка кареты почти окончена. Финансист, пытаясь вернуться на стезю романического, хотя и не столь возвышенного, как у дамы, описывает неожиданную встречу и узнавание Амандора и Фелиции и их слуг, а племянник кюре, опираясь на знание комических романов, превращает сцену примирения всех влюбленных в «гротескную развязку» [Marivaux, 1972: 388]: все герои напиваются и засыпают, а проснувшись и поев, вновь вспоминают о любви и через несколько дней женятся. Очевидно, что и процесс сочинения романа, и его содержание — источники приятного времяпрепровождения, удовольствия — не случайно последняя фраза в повествовании содержит слово “*plaisir*” [Gevrey, 2012]. Писатель в духе эстетики раннего рококо подчеркивает развлекательную функцию литературы, снимая барочно-классицистическую антиномию «высокого» и «низкого» жанров, на свой лад утверждая то, что позднее сформулирует Вольтер: «Все жанры хороши, кроме скучного». Персонажи Мариво ни на мгновение не теряют чувства реальности, они придумают романский сюжет в соответствии со своим вкусом — и этот сюжет парадоксальным образом образует единое фикциональное пространство, несмотря на различие книжных источников, на которые опирается их воображение.

Таким образом, замысел Мариво представляется не совпадающим ни с намерениями автора «Дон Кихота», ни с художественными задачами «антиромана» в духе Сореля или Скаррона: он не стремится к ставшему к его времени банальным разоблачению «высокого» романического, противопоставляя ему бурлескные картины в манере комических историй, его намерения, вопреки мнению многих, не пародийны. «Карета, увязшая в грязи» становится не только важнейшим «театром экспериментов, предназначенных для использования романического» [Rubellin, 1986: 173], но и экспериментом с использованием комического. Отсюда, по-видимому, проистекает замеченная Софи Маршан трудность классификации его комизма [Marchand, 2012: 1]. Имплицитный автор в процессе игры с жанровыми клише от д'Юрфе и Сореля до Гамильтона и сказок «1001 ночи» создает действительно «очень личную и в своем роде революционную форму романа» [Nojgaard, 1966: 80].

Список литературы

1. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л.* и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3–38.
2. *Бут У.* Риторика художественной прозы (главы из книги) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 3. С. 132–159.
3. *Bonacorso G.* Le dialogue de Marivaux avec ses lecteurs // Cahiers de l'AIEF. 1973. N 25. P. 209–223.
4. *Bouabane S.* Entre brevités et digressions narratives: le dilemme du romancier dans la première moitié du XVIII siècle // Lumen. 1999. Vol. 18. P. 13–25.
5. *Costa V.* La préface de la Voiture embourbée. Un exercice de style espègle. Les “gommes de Marivaux ou les nouveaux préludes” // Recherches et travaux. Grenoble, 1993. № 44. P. 53–66.
6. *Coulet H.* Marivaux romancier. Essai sur l'esprit et le coeur dans les roman de Marivaux. P., 1975.
7. *Gallouët C.* Les narrateurs de Marivaux et l'invention de tous les romans // Marivaux subversif? / Sous la direction de F. Salaün. P., 2003. P. 87–96.
8. *Gervy F.* Marivaux et Madeleine de Scudéry // Madeleine de Scudéry: une femme de lettres aux XVII siècle / D. Denis, A.-E. Spica éd. Arras, 2012. P. 279–292.
9. *Gilot M.* L'Esthétique de Marivaux. P., 1998.
10. *Guilhembet J.* Le corps du personnage dans les romans de Marivaux // Revue de l'APLettres. Journées de formation et de recherche. 2014. № 3. P. 19–34.
11. *Guilhembet J.* L'oeuvre romanesque de Marivaux. Le partie pris du concret. P., 2014.
12. *Joly R.* L'écrivain rival de ses personnages: Marivaux, La Voiture embourbée // Lumen. 2004. Vol. 23. P. 205–219.

13. *Marchand S.* Quelques hypothèses sur la ruse marivaudienne // *Comparatisme en Sorbonne* (Revue électronique). 2012. № 3. URL: crlc.paris-sorbonne.fr
14. *Marivaux* et les Lumières. L'éthique d'un romancier. Actes du colloque international. Aix-en-Provence, 1996.
15. *Marivaux.* Oeuvres de jeunesse / Ed. par F. Deloffre. P., 1972.
16. *Moureau F.* Marivaux: un hérésiarque en littérature? // *RHLF*. 2012/3. Vol. 112. P. 517–531.
17. *Nojgaard M.* Le problème du réalisme dans les romans de Marivaux. Réflexions sur l'introduction de la Voiture embourbée // *Revue Romane*. 1966. I, fasc. 1, 2. P. 71–87.
18. *Rougemont M.de.* Précurseur de Sade et de San-Antonio. Marivaux le premier romancier expérimental? // *Le Monde*. 1973. 04 Janvier. P. 11–12.
19. *Rubellin F.* Folie narrative et raison romanesque dans la Voiture embourbée de Marivaux // *Folies romanesques au siècle des Lumières*. P., 1998. P. 65–81.
20. *Rubellin F.* Les techniques narratives de Marivaux dans les Aventures de*** ou les Effets surprenants de la sympathie et la Voiture embourbée. Doctorat. Paris IV — Sorbonne, 1986.
21. *Rudelic Z.* La Voiture embourbée ou la “non-identité” romanesque // *Studies on Voltaire and the eighteenth century*. Oxford, 1988. № 256. P. 107–115.
22. *Sermain J. — P.* Le Singe de Don Auichotte. Marivaux, Cervantès et le roman postcritique. Oxford, 1999.
23. *Spănu P.* Authenticité et vraisemblance dans le roman français du XVIII siècle // *Dialogos*. 2007. № 15. P. 12–18.
24. *Spenger S.* Le dilemme du roman marivaudienne // *Thèses ou Recherches*. Québec, 1984.

Natalia Pakhsarian

**EXPERIMENTAL NOVEL IN THE AGE
OF THE “REFLECTIVE TRADITIONALISM”:
“LA VOITURE EMBOURBÉE” BY MARIVAUD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*INION RAN
51/21 Nahimov avenue, Moscow, 117418*

The article discusses the originality of narrative experiments of eighteenth-century French writer Pierre Carle de Chamblain de Marivaux in genre poetics of the novel. It reviews the idea of the absence of innovative genre searches in this era and the steady assessment of Marivaux's early novels as continuing the tradition of the previous century. The analysis of the novel ‘La Voiture embourbée’ (1713–1714) enables finding a new interaction of the implicit author with readers in the novel, Marivaux installation on an artistic experiment, the game of established

motives and narrative clichés, which in the end turns out to be unexpectedly close not only to the novelist's contemporaries, but also to a later generation of writers.

Key words: genre; narrative clichés; experiment; reader; Rococo novel.

About the author: *Natalia Pakhsarian* — Prof. Dr., Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of the Department of literary criticism Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

References

1. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L. et al. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epoch [Categories of poetics in the change of literary epochs]. *Istoricheskaja poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. M.: *Nasledie*, 1994, pp. 3–38.
2. But U. Ritorika khudozhestvennoi prozy (glavy iz knigi) [Rhetoric of artistic prose (chapters from the book)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 1996. № 3, pp. 132–159.
3. Bonacorso G. Le dialogue de Marivaux avec ses lecteurs. *Cahiers de l'AIEF*. 1973. № 25, pp. 209–223.
4. Bouabane S. Entre brevités et digressions narratives: le dilemme du romancier dans la première moitié du XVIIIe siècle. *Lumen*. 1999. Vol. 18, pp. 13–25.
5. Costa V. La préface de la Voiture embourbée. Un exercice de style espiègle. Les “gommes” de Marivaux ou les nouveaux préludes. *Recherches et travaux*. Grenoble, 1993. № 44, pp. 53–66.
6. Coulet H. *Marivaux romancier. Essai sur l'esprit et le coeur dans les roman de Marivaux*. P.: *Armand Colin*, 1975. 534 p.
7. Gallouët C. Les narrateurs de Marivaux et l'invention de tous les romans. Marivaux subversif? *Sous la direction de F. Salaün*. P.: *Desjonquères*, 2003, pp. 87–96.
8. Gervé F. *Marivaux et Madeleine de Scudéry. Madeleine de Scudéry: une femme de lettres au XVIIe siècle*. D. Denis, A. — E. Spica éd. Arras: *Artois Presses universitaires*, 2012, pp. 279–292.
9. Gilot M. *L'Esthétique de Marivaux*. P.: *SEDES*, 1998. 303 p.
10. Guillhembet J. Le corps du personnage dans les romans de Marivaux. *Revue de l'APLettres. Journées de formation et de recherche*. 2014. № 3, pp. 19–34.
11. Guillhembet J. *L'oeuvre romanesque de Marivaux. Le partie pris du concret*. P.: *Classiques Garnier*, 2014. 488 p.
12. Joly R. L'écrivain rival de ses personnages: Marivaux, La Voiture embourbée. *Lumen*. 2004. Vol. 23, pp. 205–219.
13. Marchand S. Quelques hypothèses sur la ruse marivaudienne. *Comparatisme en Sorbonne (Revue électronique)*. 2012. № 3. URL: crlc.paris-sorbonne.fr

14. Marivaux et les Lumières. *L'éthique d'un romancier. Actes du colloque international*. Aix-en-Provence, 1996. 222 p.
15. Marivaux. *Oeuvres de jeunesse*. Ed. par F. Deloffre. P.: Gallimard, 1972. 1405 p.
16. Moureau F. Marivaux: un hérésiarque en littérature? *RHLF*. 2012/3. Vol. 112, pp. 517–531.
17. Nojgaard M. Le problème du réalisme dans les romans de Marivaux. Réflexions sur l'introduction de la Voiture embourbée. *Revue Romane*. 1966. I, fasc. 1, 2, pp. 71–87.
18. Rougemont M.de. Précurseur de Sade et de San-Antonio. Marivaux le premier romancier expérimental? *Le Monde*. 1973. 04 Janvier, pp. 11–12.
19. Rubellin F. Folie narrative et raison romanesque dans la Voiture embourbée de Marivaux. *Folies romanesques au siècle des Lumières*. P.: Desjonquères, 1998, pp. 65–81.
20. Rubellin F. *Les techniques narratives de Marivaux dans les Aventures de*** ou les Effets surprenants de la sympathie et la Voiture embourbée*. Doctorat. Paris IV — Sorbonne, 1986, 269 p.
21. Rudelic Z. La Voiture embourbée ou la “non-identité romanesque. *Studies on Voltaire and the eighteenth century*. Oxford, 1988. № 256, pp. 107–115.
22. Sermain J. — P. *Le Singe de Don Auichotte. Marivaux, Cervantès et le roman postcritique*. Oxford: Voltaire Foundation, 1999. 281 p.
23. Spânu P. Authenticité et vraisemblance dans le roman français du XVIII siècle. *Dialogos*. 2007. № 15, pp. 12–18.
24. Spenger S. Le dilemme du roman marivaudienne. *Thèses ou Recherches*. Québec: Sherbrooke, 1984. 209 p.

П.Е. Спиваковский

**ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ПРОСТРАНСТВО
ТЕРНАРНОЙ ЭТИКИ В РОМАНЕ
ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»**

*Российский государственный гуманитарный университет
125 993, Москва, РСП-3, Миусская пл., 6*

Анализируются этические системы основных групп персонажей романа «Кысь». Особое внимание уделяется главному герою — Бенедикту, соединяющему «дикарские» представления об этике с трагическим началом. Перед нами «высокий герой», не знающий этической «азбуки», т.е., по Шиллеру, виновный и невиновный одновременно. Показано, чем его тернарная этическая система отличается от бинарной этики «злодея» Кудеяра Кудеяровича и от высококультурного, но вполне заурядного бинарного морализма Пржежных. Мощнейшее «докультурное» остранение, характерное для сознания голубчиков, позволяет им проблематизировать многие «незыблемые» аксиологические каноны, становясь невольным орудием постнищевской «переоценки всех ценностей», на практике часто деструктивной, но иногда позволяющей взглянуть на мир «новыми глазами». Так, Бенедикт, даже несмотря на постепенное превращение в чудовищную репрессивную фигуру кыси, не теряет трагической глубины, органично совмещая в себе преступное и трагическое. И несмотря на то что ему чужда бинарность традиционной этики, герой, даже и став санитаром и кысью, не оказывается таким чудовищем, как, например, перерожденец Тетеря, вполне бинарно окрашенная фигура, воплощение последовательного тоталитарного зла. Бенедикт — представитель нового, очень примитивного в культурном плане демократизма, который весьма падал на социокультурные соблазны потому, что слишком неискушен. Например, книги для Бенедикта — это *путь развития*, однако это развитие не ориентировано на традиционную культуру Пржежных: перед нами нечто существенно *новое*, и оно окрашено, скорее, постмодерно. В образе Бенедикта остро проявляются этические опасности постмодерной тернарности, однако она открывает для него перспективу глубины, которая не доступна ни одному другому герою романа, и в этом отчетливо проявляются черты метамодернизма.

Спиваковский Павел Евсеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской классической литературы историко-филологического факультета Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: p.e.spivakowsky@gmail.com).

Ключевые слова: Татьяна Толстая; Кысь; постмодернизм; метамодернизм; трагическое; руссоизм; органицизм; этика; бинарное; тернарное.

Роман Татьяны Толстой «Кысь» (1986–2000) полон странностей. И может быть, главная из них состоит в том, что трагически глубоким героем оказывается здесь не представитель интеллигенции (в «Кыси» это Пржежные), а «этически неадекватный» голубчик Бенедикт.

Это тем более странно, если учесть, что голубчики (в культурном плане они похожи на крестьян) — люди дикие, с более или менее зверообразными лицами [см.: Толстая, 2001а: 60]. Этика Бенедикта (как и почти всех голубчиков) заставляет вспомнить моральные представления, которые Владимир Соловьев приписывает готтентотам: «<...> добро — это когда *он* украдет много коров, а зло — когда *у него* украдут» [Соловьев, 1988: 98–99]. При этом на сознательном уровне Бенедикт не хочет зла, он хочет, как ему кажется, «только книгу» [Толстая, 2001а: 368]. Уже с самого начала романа мы видим, что герой страстно увлечен книгами, «сочиненными» Федором Кузьмичом, которые Бенедикт по должности обязан переписывать. Позже, когда у героя появляется возможность читать их в большем количестве, книги в его восприятии превращаются в некий фетиш: они открывают новые, захватывающе необычные миры, однако эволюция сознания героя-книгочея отнюдь не ориентирована в сторону культуры Пржежных. Перед нами нечто *новое*, и оно окрашено, скорее, постмодерно. Антиисторический, ризоматически бес-связный пастиш с подмененным контекстом вполне органичен для перцептивной картины мира нового «естественного человека», для которого актуальна тернарная релятивистская неопределенность между сферами «добра» и «зла», причем пространство, на которое проецируется эта этическая неопределенность, потенциально без-гранично. Как известно, Ю.М. Лотман критиковал характерное для традиционной русской культуры мышление в рамках бинарных оппозиций [см.: Лотман, 2002; 1997] и говорил о важности сложного взаимодействия бинарных и тернарных начал. Тернарность, по Лотману, порождает этически нейтральную сферу, которую исследователь связывал с представлением «о том, что человеческое бытие на земле не нуждается во внешнем оправдании и само по себе имеет безусловную ценность» [Лотман, 1997: 598], а это позволяет взглянуть на происходящее куда более сложно и непредвзято, однако именно эта неопределенность способна затуманить ситуацию и создать иллюзию приемлемости этически неприемлемого.

История жизни Бенедикта в этом плане вполне закономерна: перед нами сюжетная модель «падения»: он становится санитаром

(сотрудником местной тайной полиции), совершающим множество жестоких убийств. В образе Бенедикта довольно остро проявляются этические опасности постмодерной тернарности (о важности этой модели для создания постмодернистской картины мира см.: [Липовецкий, 2008: 1–69]), однако парадоксальным образом именно тернарность открывает для Бенедикта перспективу метамодернистски понимаемой глубины.

В наше время на замену постмодернистской методологии, и, как представляется, весьма удачно, приходит теория метамодернизма (см. в частности: [Metamodernism, 2017]; [Спиваковский, 2018]). С одной стороны, она является несомненным ответвлением постмодернистской теории и поэтому легко может описывать имитационный характер современного культурного поля, с другой — лишена постмодернистских «родовых болезней», поскольку возвращает нам право на серьезное и, в частности, трагическое осмысление происходящего, право замечать авторские смыслы в тексте, право на иерархию...

В знаменитой книге Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» [Jameson, 1991], считающейся некой «суммой» постмодернистской теории, ясно обозначены черты постмодернизма как культурной практики. Среди прочего шла речь о том, что постмодернизм характеризуется *ослаблением историчности, исчезновением аффекта и отсутствием глубины* [Джеймисон, 2019: 93, 99; Jameson, 1991: 6, 10].

Метамодернистская теория, критически осмысливая постмодернистскую безглубинность (depthlessness), отнюдь не предполагает возвращения к старому: к модернистски или романтически понимаемой глубине. Для метамодернистских текстов характерна особая форма глубины, depthiness (глубиноподобие¹). Один из основоположников теории метамодернизма, Т. Вермулен, предлагает метафорический образ подводного пловца, использующего маску

¹ Этот неологизм впервые появился в 2015 г. в статье Т. Вермулена “The New ‘Depthiness’” [Vermeulen, 2015], а затем был использован им во ввводной статье к третьему разделу коллективной монографии. Как указывает Вермулен, термин отсылает, с одной стороны, к термину Джеймисона “depthlessness”, обычно переводимому на русский язык как «отсутствие глубины», и слову “trustiness”, введенному комиком С. Колбертом. В 2006 г. слово “trustiness», означающее убежденность в правоте, основанной не на фактах, а на инстинктах, было признано в США словом года. Тогда же его перевели на русский как «правдоподобие». В связи с этим для перевода английского неологизма “depthiness” в моей статье [Спиваковский, 2018] была использована аналогичная словообразовательная модель, «глубиноподобие». Также так же этот термин переведен и в первом русском издании широко известной [Metamodernism, 2017] коллективной монографии [Метамодернизм, 2019].

с трубкой. Этот пловец противопоставляется как глубоководному дайверу (метафора модерниста, претендующего на постижение максимально возможных глубин бытия), так и серферу (метафора постмодерниста, сознательно избегающего погружения вглубь). Плавание вблизи поверхности с короткой трубкой не предполагает, что мы *доподлинно знаем* лишь отчасти воспринимаемые нами подводные глубины. Однако мы *чувствуем*, что они есть, догадываемся, что глубина существует, и в какой-то степени можем ее ощутить. При этом совершенно отсутствуют претензии на *знание* этих глубин, характерные для модернистов: эпистемологическая позиция метамодернистов намного точнее и осторожнее.

В этом плане не случайно, что Толстая любит изображать почти анекдотический генезис мифов, возникающих в сознании детей («Любишь — не любишь», «Свидание с птицей») или крайне некультурных людей («Любишь — не любишь», «Кысь»). При этом, казалось бы, совершенно дискредитированная в глазах читателя мифология внезапно обретает силу и бытийную весомость. Весьма показателен эпизод, когда вроде бы мифическая кысь², о которой Бенедикт непрестанно думает, является герою, а затем и, преодолевая свою, казалось бы, фатальную невидимость, вселяется в него: «Снега глухие, снега большие; окружили терем, метут через три забора; хлев, амбары, — все заметает, все укрыто бегучим, ночным, рвущимся снегом. А сердца в нем нет, в снегу-то, а ежели и есть, — злое оно, слепое. <...> Ударит снегом в спину, опутает, повалит, вздернет на сук: задергаешься, забьешься, а она уж почуяла, кысь-то, — она почуяла...

... Передернулся весь, замотал головой, чтоб не думать, глаза зажмурил, уши пальцами заткнул, язык высунул да прикусил; гнать ее из мыслей, гнать ее, гнать ее!.. Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты... Гнать ее!.. Сама она бледная, плотная такая, без цвету, — вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, меж ног... Нет, нет!! Нет!!!

... Под когтями-то у ней чешется, все чешется... А видеть ее нельзя, нельзя видеть-то ее...

Стал стучать головой об стену, чтоб звезда в глазах просверкнула, чтоб какой-никакой свет во тьме взблеснул, а ведь глаза, они такие: зажмуривай — не зажмуривай, а под веками, в красноватом мраке, все что-то копошится, перебегает <...>.

² На вопрос интервьюера: «— Кысь, которой до смерти боится Бенедикт, это и есть внутренний страх?» — Толстая ответила весьма двусмысленно. «— Это много чего... Она в лесу живет, и если о ней думать, то она придет» [Толстая, 2001б: 433].

Отожмурил глаза; пошли колеса красные да желтые вертеться, голова закружилась, а она уж тут, ее и с раскрытыми глазами видишь! Причмокивает немножко, и лицо скривила...» [Толстая, 2001а: 253–254]. По Бенедикту, мир вокруг него «кысцентричен», и устрашающая экспансия этого хтонического существа становится неизбежной, как судьба.

Такая экзистенциальная острота переживания трагического не доступна ни одному другому герою романа. Прежние, пусть даже это носители высокой культуры, показаны людьми поверхностными и неглубокими. Если внимательно взглядеться даже в «самых лучших» Прежних, мы увидим, что мать Бенедикта тоскует в основном лишь по магазинам безвозвратно ушедшей эпохи, а Никита Иваныч, который якобы хочет нести голубчикам свет культуры, предается пустому риторическому резонерству и дальше патетически себялюбивых деклараций, и установки понятных лишь Прежним символических знаков (топографических табличек и т.п.) фактически не продвигается. Лев Львович одержим идеей нового призвания варягов и установления в России иностранной оккупации, для чего необходимо срочно раздобыть ксероксы (откуда после Взрыва возьмется электричество, он не задумывается), чтобы послать на Запад копии имеющихся в Федор-Кузьмичске «национальных сокровищ», тогда западные люди якобы заинтересуются нами, завоюют нас и наступит «счастье». А когда Прежние собираются на похороны, выясняется, что там царит чудовищная советская, и к тому же бюрократизированная, пошлость.

Среди голубчиков наибольшим умом и этической вменяемостью обладает Варвара Лукинишна, героиня, гениально одаренная в филологическом плане и связанная с культурой прошлого, которую она единственная из голубчиков способна воспринять адекватно. Но все же это культура прошлого. По сути, только Бенедикт создает *культуру настоящего*. Да, она во многих отношениях убога, как убого созданное Бенедиктом скульптурное изображение пушкина, но это духовный автопортрет Бенедикта и того типа культуры, к которой он принадлежит. В описываемое время культура обречена на синкретический примитивизм, где безраздельно царствует мифология архаического типа, но даже и этот жутковатый мир, со зверообразными лицами голубчиков, — живой, чего нельзя сказать про омертвелый ретроутопический мир Прежних.

Известно высказывание Татьяны Толстой о «споре» между простым народом и интеллигенцией. «<...> я — на стороне интеллигента, а не народа, по одной простой причине: интеллигент, по опреде-

лению, это тот, кто хоть что-то осознал, а народ — это тот, кто не осознал. Интеллигент — это тот, кто хочет блага не только для себя, а народ — только для себя лично. Интеллигент борется за чужие права, а народ — за свои собственные, и так далее» [Толстая, 2001б: 433]. Казалось бы, такую же аксиологическую систему следовало ожидать и в романе «Кысь», однако на его страницах происходит нечто почти противоположное.

В фигуре Бенедикта мы видим представителя нового «мужичьего» демократизма. Демократизма бесперспективного, поскольку он не способен породить ничего хотя бы отдаленно напоминающего демократию. Не случайно Бенедикт так падок на разного рода социокультурные искушения: его сознание слишком примитивно и наивно. В то же время мощнейшее «докультурное» остранение, характерное для сознания голубчиков, позволяет им проблематизировать многие «незыблемые» аксиологические каноны, становясь таким образом невольным орудием постницшевской «переоценки всех ценностей», в этическом плане часто деструктивной, но иногда позволяющей взглянуть на мир «новыми глазами», адогматически переосмыслить его.

Так, Бенедикт, даже несмотря на постепенное превращение в пугающую репрессивную фигуру кыси, не теряет трагической глубины, органично совмещая преступное и трагическое. И несмотря на то что ему чужда бинарность традиционной этики, даже став кысью, а затем санитаром, герой не оказывается таким чудовищем, как, например, перерожденец Тетеря, бинарно окрашенная фигура, воплощение последовательного зла, причем зла крайне агрессивного, а на идеологическом уровне — тоталитарного. Показательно, насколько тернарная этическая система Бенедикта отличается как от бинарной этики «злодея» Кудеяра Кудеяровича, так и от высококультурного, но заурядного бинарного морализма Прежних.

Тернарным характером мышления Бенедикта порожден и трагизм его мировосприятия. Враждуя с собой, пугаясь самого себя, герой мечется между идеалом своей «вечной невесты» Княжьей Птицы Паулин и своими «земными», отнюдь не бескорыстными интересами. Страстная любовь к книге и слову приводят Бенедикта к предательству Никиты Ивановича, но он не теряет способности к восприятию мифической глубины бытия, которая недоступна позитивистам Прежним: «Я только книгу хотел, — ничего больше, — только книгу, только слово, всегда только слово, — дайте мне его, нет его у меня! Вот, смотри, нет его у меня!.. Вот, смотри, голый, разутый, стою перед тобой, — ни в портянке не завалилось,

ни под рубахой не таю! Не спрятал подмышкой! Не запуталось в бороде! Внутри, — смотри — и внутри нет его, — уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!..» [Толстая, 2001а: 368], — произносит Бенедикт, обращаясь к изваянному им уродливому и шестипалому «почвенному» пушкину, который не похож ни на Пушкина, ни на скульптуру Опекушина. Шестипалое зеркальное отражение самого Бенедикта (точнее, его культурного типа) невольно отсылает нас к описанной Вл.С. Соловьевым популярной российской традиции видеть в Пушкине прежде всего проекцию самого себя [Соловьев, 1991: 320–321]. Сам актант такого обращения глубоко трагичен уже потому, что «реальный» Пушкин для Бенедикта непостижим. Пытаясь изобразить Пушкина, он изваял зеркало, а путь в высококультурное зазеркалье для него закрыт. Боль и экзистенциальное отчаяние пронизывают сознание Бенедикта и несмотря ни на что обрекают читателя на сочувствие герою.

Татьяна Толстая говорила о том, что человека из народа принято щадить, когда он явно виноват, например, в предательстве, а она этого делать не хочет и потому изображает его таким, как есть: «Да это обычная человеческая черта. Человек из народа не хуже и не лучше в этом смысле, чем интеллигент. Только интеллигенту предательство попомнят, поставят лыко в строку, а мужика, человека из народа — не тронь, он же у нас дитя природы» [Толстая, 2001б: 433].

«Руссоистскую» неприязнь к цивилизации, сравнительно умеренную у Солженицына и куда более радикальную у деревенщиков, Татьяна Толстая безусловно отвергает: «В чем смысл существования общества, кроме некоторых безумных предложений уйти всем назад в леса и там тачать сапоги. Что время от времени случается — весь этот руссоизм, Руссо, Лев Толстой, Солженицын <...>. Ну я понимаю, да, это очень уютно. В Исландии. Гейзер шумит. Но человек, зараза такая, что-то его все время тянет вперед на пути неизвестно какого прогресса. Изобрел колесо, и все понеслось. Вектор такой» [Толстая, 2014: 473].

В вопросе о «природной этике» Толстой, очевидно, ближе видение Заболоцкого: «Хорек пил мозг из птичьей головы». Природное начало находится вообще вне этики, поскольку воплощает дочеловеческое, доэтическое состояние мира. Монах-отшельник может привнести «высокую» этику, в частности, и в лес, но эта этика не «питается» из природных источников. В лесу идет жесточайшая борьба за существование. Отшельник может общаться с медведем, может

гуманно относиться к лесным обитателям, но все это внеположно беспощадным пищевым цепочкам природного мира.

Интересно сопоставить художественные концепции романа «Кысь» и фильма Дж. Кэмерона «Аватар» (2009), в котором мы видим куда более радикальный руссоизм, и, что особенно интересно, в супергибридном³ обрамлении. Можно сказать, что Кэмерон выступает здесь с ультраконсервативных позиций, используя для пропаганды своих взглядов самые современные кинематографические средства и, обращаясь к откровенно постмодернистским приемам в сфере поэтики (показательны гривы животных, оказывающиеся «штекерами» для проводного соединения), утверждает радикально органицистскую модель, в принципе исключаящую надобность в какой бы то ни было цивилизации. Руссоистская утопия Кэмерона на планете Пандора (по всей видимости, это ироническое название) демонстрирует мир, построенный вокруг мирового древа (в контексте русской литературы возникает неизбежная параллель с царским лиственцем из «Прощания с Матерой» Распутина), причем жизнь на Пандоре близка к «идеальной», и мешают этой оккультно-органицистской идиллии⁴ лишь носители современной западной цивилизации — американские военные, которые активно интересуются сырьем для нужд земной экономики и самым варварским и ужасным образом готовы подорвать основы жизни на этой планете. Ретроутопия Распутина в «Прощании с Матерой» также ориентирована на противопоставлении цивилизации [подробнее об этом см.: Разуvalова, 2015: 337–339], но такого рода противопоставление у Распутина куда менее радикально: писатель не призывал к отказу от цивилизации в целом. Кэмерон идет несоизмеримо дальше. Если на уровне дискурсивных манифестаций кинорежиссер часто выступает с относительно умеренных экологических позиций [Кэмерон, 2012]⁵, то в рамках художественной концепции «Аватара» цивилизованный мир Земли не заслуживает ничего кроме проклятий, и лишь альтернативный, радикально руссоистский мир Пандоры оказывается по-настоящему хорош и гармоничен.

³ Супергибридность — важная составляющая метамодернистской теории. В основе этого явления лежит использование суперсовременных в первую очередь цифровых технологий для репрезентации ультраконсервативных идеологических моделей [подробнее об этом см.: Metamodernism, 2017: 55–67].

⁴ Отчасти религия на Пандоре напоминает о неоязыческих практиках в духе New Age.

⁵ Впрочем, по словам режиссера, «На’ви представляют лучшие аспекты человеческой натуры» [Cameron, 2010]. Перевод мой. — Л.С. Иначе говоря, их образ жизни, по Кэмерону, является «идеальным» и для землян.

Впрочем, архаический менталитет по-своему притягателен и в романе «Кысь», несмотря на безнравственность и убожество жизни голубчиков. В нем есть теплота «родного угла», он питается любовью к родному дому, каким бы нищим и малоприспособленным для жизни этот дом ни был. В связи с этим, обращаясь в своей антирусоистской дистопии к изображению изоляционистского, глубоко архаического мира, Татьяна Толстая с нескрываемым удовольствием вглядывается в него, но, любуясь этой архаической экзотикой на чисто эстетическом уровне, автор отнюдь не считает ее хоть в какой-либо степени «положительной» альтернативой для России⁶. По Толстой, все это не что иное, как деструктивная иллюзия.

В свете этого ультраархаический тип сознания Бенедикта, казалось бы, должен был вызвать у Толстой неприязнь, иронию и отторжение, однако этого не происходит: перед нами оказывается не знающий этической «азбуки» «высокий» трагический герой, конфликтующий с мироустройством и страстно жаждущий несбыточного. По словам Шиллера, «гораздо более высокой степени достигает сострадание в том случае, когда предметом его оказывается не только тот, кто испытывает страдания, но и тот, кто причиняет их. Это имеет место лишь тогда, когда последний не возбуждает в нас ни ненависти, ни презрения, но стал виновником несчастья помимо своей воли» [Шиллер, 1957: 49]. Бенедикт, конечно, виноват: он преступник, он убийца, но при этом он настолько *tabula rasa* в плане этики, что его можно счесть не вполне виновным, хотя как убийца-санитар он виновен безусловно. Бенедикт, при всей примитивности его культурной перцепции, — фигура психологически куда более сложная, чем высокообразованные Пржежие. Необыкновенное сочетание, казалось бы, несовместимых черт придает герою Толстой многогранность и глубину. Бенедикт не возносится на пьедестал «народного положительного героя», подобно лесковскому Левше, но и не является и фигурой отчетливо «отрицательной». Имморализм Бенедикта предельно удален от традиционной этической

⁶ Напротив, Толстая подчеркивает: «Для меня русский национализм, национал-патриотизм ужасен, и не только по той очевидной причине, что он смертельно и безошибочно пахнет фашизмом, но главным образом потому, что его идея и цель — замкнуть русский мир на самого себя, заткнуть все щели, дыры и поры, все форточки, из которых сквозит веселым ветром чужих культур, и оставить русских наедине друг с другом <...> когда хотя бы покрепче запереть двери и избивать соседей и родню, объявляя их чужаками» (Толстая, 2001в: 504–505). Крайне негативно относясь к традиционалистским и изоляционистским тенденциям в культуре вообще, Толстая критикует увлечение ультраправой националистической архаикой и бескомпромиссно ее отвергает.

бинарности. Если герои-иммориалисты часто сознательно отвергают бинарную этику, то Бенедикту нечего отвергать, он ее попросту не понимает. Поэтому он дальше от бинарного начала, чем любой традиционный иммориалист ницшевского или, скажем, лермонтовского типа. Отчасти Бенедикт напоминает сологубовского Передонова, который в некотором роде тоже является естественным человеком и чей тернарный иммориализм также на определенном уровне непроизволен. Но Передонов на фоне Бенедикта — фигура мелкая: как замечает повествователь в романе «Мелкий бес», «ослепленный обольщениями личности и отдельного бытия, он не понимал дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе. Он был слеп и жалок, как многие из нас» [Сологуб, 2004: 179]. В противоположность сологубовскому царству «мелких скверн»⁷, в которые погружен Передонов, в «Кыси» перед нами трагическое соприкосновение героя с по-настоящему большим злом, отвергнуть которое для него практически невозможно: у него отсутствует этический инструментарий, позволивший бы сделать это. Поэтому даже в акторе злодея-санитара с мозолями от крюка, которым убивают людей, Бенедикт способен вызывать сострадание. Он во многом жертва своего незнания, отчасти похожий на пока еще зрячего, но по сути слепого Эдипа, который, становясь радикальным трансгрессором, ни в малейшей степени не подозревает, что творит.

Список литературы

1. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.
2. Кэмерон Дж. 2 апреля 2012 года в программе «Познер» // Познер Online. 2012. 12 апр. URL: <https://pozneronline.ru/2012/04/1349/> (accessed 09.07.2020).
3. Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформации (пост) модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов. М., 2008.
4. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода (вводные замечания) // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 594–604.
5. Он же. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 88–116.
6. Метапостмодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер и др.; [пер. с англ. В.М. Липки]. М., 2019.

⁷ Это выражение из знаменитого стихотворения Саши Черного, как представляется, точно характеризует ту разновидность зла, в которую постепенно погружается герой сологубовского романа.

7. *Разувалова А.И.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015.
8. *Соловьев Вл.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев Вл.С. *Философия искусства и литературная критика.* М., 1991. С. 316–370.
9. *Он же.* Оправдание добра: нравственная философия // Соловьев Вл.С. *Соч.: В 2 т. Т. 1.* М., 1988. С. 47–548.
10. *Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб., 2004.
11. *Спиваковский П.Е.* Метамодернизм: контуры глубины // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2018. № 4. С. 196–211.
12. *Толстая Т.Н.* Колдовство: Послесловие // Толстая Т.Н. *Легкие миры.* М., 2014. С. 429–476.
13. *Она же.* Кысь. М., 2001.
14. *Она же.* Мюзики и Нострадамус // Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. *Двое: разное.* М., 2001. С. 426–434.
15. *Она же.* Русский мир // Толстая Т.Н. *День: Личное.* М., 2001. С. 491–506.
16. *Шиллер Ф.* О трагическом в искусстве // Шиллер Ф. *Собр. Соч.: В 7 т.* М., 1957. Т. 6. С. 41–64.
17. *Cameron J.* Yes, ‘Avatar’ is Political: “People say this film is un-American... part of being an American is dissenting” // *The Wrap.* 2010. January 13. URL: <https://www.thewrap.com/james-cameron-yes-avatar-political-12929/> (accessed 09.07.2020).
18. *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. L.; N.Y., 1991.
19. *Metamodernism: Historicity, Affect and Depth After Postmodernism / Ed. by R. van den Akker, A. Gibson, T. Vermeulen.* L.; N.Y., 2017.
20. *Vermeulen T.* The New “Depthiness” // *e-flux.* 2015. No. 61. URL: <http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/> (accessed 09.07.2020).

Pavel Spivakovsky

**THE TRAGIC HERO AND THE SPACE
OF TERNARY ETHICS
IN TATYANA TOLSTAYA’S *SLYNX***

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya Sq. 6, Moscow, GSP-3, 1259936 Russia*

The article analyzes the ethical systems of the main groups of characters in the novel *Slynx*. Special attention is paid to the main character of this work Golubchik

Benedikt that combines “savage” ideas about ethics with a tragic beginning. Before us is a “high hero” who does not know the ethical “alphabet”, that is “guilty and innocent” at the same time. It is shown that his ternary ethical system differs from binary ethics “villain” Kudeyar Kudeyarich, and highly cultured, but quite ordinary binary moralism of the Oldeners. The most powerful “pre-cultural” defamiliarization characteristic of consciousness Golubchiks, allowing them to problematize many of the “immutable” axiological canons, becoming thus an unwitting tool post-Nietzschean “revaluation of all values,” in practice, often destructive, but sometimes allows you to see the world through “new eyes.” Benedikt thus even despite the gradual transformation into a monstrous repressive figure of Slynx does not lose the tragic depth, organically combining the criminal and tragic. And despite the fact that he is alien to the binary of traditional ethics even and a Saniturion and Slynx, the hero turns out to be not a monster, as is, for example, Degenerator Teterya, the figure of which we see a binary painted figure, the embodiment of totalitarian evil. In Benedikt’s case, it is a representative of a new, culturally primitive democracy. Democracy, which is very susceptible to all sorts of sociocultural temptations precisely because it is too inexperienced. For example, books for Benedikt is a way of development, but this development is not oriented towards the traditional culture of the Oldeners: it is something essentially new, and it is postmodern. Benedikt’s development reveals ethical dangers of postmodern ternary, but it opens the way for Benedikt prospect depth, which is not available to any other character of the novel, and this is clearly evident features of metamodernism.

Key words: Tatyana Tolstaya; Slynx; postmodernism; metamodernism; tragic; Rousseauism; organicism; ethics; binary; ternary.

About the author: Pavel Spivakovsky — PhD, Associate Professor, Department of Russian Classical Literature, Faculty of History and Philology, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities (e-mail: p.e.spiwakovsky@gmail.com).

References

1. Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul’turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism]. M., Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2019, 808 p. (In Russ.)
2. Cameron J. *2 aprilia 2012 goda v programme “Pozner”* [The April 2 of 2012 in “Pozner” TV Show]. *Pozner Online*, 2012, April 12. URL: <https://pozneronline.ru/2012/04/1349/> (accessed 09.07.2020). (In Russ.)
3. Lipovetsky M.N. *Paralogii: transformatsii (post) modernistskogo diskursa v kul’ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (Post) modern Discourse in the Culture of 1920–2000th]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 840 p. (In Russ.)

4. Lotman Yu.M. *O russkoi literature klassicheskogo perioda (vvodnye zamechaniia)* [About Russian Literature of the Classic Period (the Introductory Notes)]. In: Lotman Yu.M. *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia* [About Russian Literature. Articles and Researches] (1958–1993). Sankt-Petersburg, Iskusstvo — SPB, 1997, pp. 594–604. (In Russ.)
5. Idem. *Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka)* [The Role of Binary Models in the Dynamic of Russian Culture]. In: Lotman Yu.M. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [The History and Typology of Russian Culture]. Sankt-Petersburg, Iskusstvo — SPB, 2002, pp. 88–116. (In Russ.)
6. *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma* [Метамоде́рнизм. Истори́чность, аффе́кт и глубли́на после постмоде́рнизма]. M.: RIPOL klassik, 2020, 341 p. (In Russ.)
7. Razuvalova A.I. *Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaia ideologiia 1970-kh godov* [The Writers of Village Prose: the Literature and Conservative Ideology of 1970s]. M., Novee literaturnoe obozrenie, 2015, 612 p. (In Russ.)
8. Solovyov V.I. *Znachenie poezii v stikhotvoreniakh Pushkina* [The Meaning of the Poetry in the Verses of Pushkin]. In: Solovyov V.I. *Filosofiiia iskusstva i literaturnaia kritika* [The Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 316–370. (In Russ.)
9. Idem. *Opravdanie dobra: npravstvennaia filosofiiia* [The Justification of the Good]. Solovyov V.I. *Soch.: v 2 t.* [Works in 2 Vol.]. M., Mysl', 1988, vol. 1, pp. 47–548. (In Russ.)
10. Sologub F. *Melkii bes* [The little demon]. Sankt-Petersburg, Nauka, 2004. (In Russ.)
11. Spivakovskiy P.E. *Metamodernizm: kontury glubiny* [Metamodernism: Outlines of Depth]. Vestn. Mosk. Universiteta. Ser. 9. Filologiiia [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 2018, No. 4, pp. 196–211. (In Russ.)
12. Tolstaya T.N. *Koldovstvo: Posleslovie* [Witchcraft: Afterword]. In: Tolstaya T.N. *Legkie miry* [Light Worlds]. M., AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2014, pp. 429–476. (In Russ.)
13. Idem. *Kys'* [Slynx]. M., Podkova, Inostanka, 2001, 381 p. (In Russ.)
14. Idem. *Miumziki i Nostradamus* [Miumziks and Nostradamus]. In: Tolstaya T.N., Tolstaya T.N. *Dvoe: raznoe* [The Two Ones: Miscellaneous]. M., Eksmo-Press, 2001, pp. 426–434. (In Russ.)
15. Idem. *Russkii mir* [Russian World]. In Book: Tolstaya T.N. *Den': Lichnoe [Day: Private]*. M., Podkova, 2001, pp. 491–506. (In Russ.)
16. Schiller F. *O tragicheskom v iskusstve* [About the tragic in the art]. In Book: Schiller F. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. Moscow, GIKhL, 1957, vol. 6, pp. 41–64. (In Russ.)
17. Cameron J. *Yes, 'Avatar' is Political: "People say this film is un-American... part of being an American is dissenting"*. *The Wrap*, 2010, January 13. URL: <https://>

www.thewrap.com/james-cameron-yes-avatar-political-12929/ (accessed 09.07.2020).

18. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. L., N.Y., Verso, 1991, 439 p.
19. *Metamodernism: Historicity, Affect and Depth After Postmodernism*, ed. by R. van den Akker, A. Gibson, T. Vermeulen. L.; N. Y., Rowman & Littlefield International, 2017, 246 p.
20. Vermeulen T. *The New "Depthiness"*. e-flux, 2015, No. 61. URL: <http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/> (accessed 09.07.2020).

Е.М. Белавина

**«СТАРЫЕ КУКЛЫ, ВЫТАЩЕННЫЕ ИЗ ШКАФА»,
ИЛИ АВТОБИОГРАФИЗМ И ВЫМЫСЕЛ
В ИЗБРАННЫХ СКАЗКАХ
МАРСЕЛИНЫ ДЕБОРД-ВАЛЬМОР**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Прозаические сказки французской писательницы эпохи романтизма Марселины Деборд-Вальмор представляют собой интересный этап эволюции жанра авторской сказки для детей. В отличие от волшебных сказок в них нет ни колдунов, ни магических существ или предметов. С одной стороны, эти истории напоминают нравоучительные притчи, несут в себе некий урок и мораль, что было характерно для сказок эпохи Просвещения и жанра басни. С другой стороны, в них воплотилось внимание эпохи романтизма к жанру автобиографии. Деборд-Вальмор сочиняла сказки для своих детей, которые появляются в страницах в качестве героев наравне с самой писательницей: она изображает себя еще совсем маленькой девочкой. Автор использует в своей прозе реальные имена и прозвища, но не напрямую, а прибегая к разнообразным переносам. Куклы в сказке Марселины-Деборд-Вальмор — это в первую очередь красивый предмет, но также «женщины в миниатюре», звено в цепочке проекций отношений «мать-дочь; дочь-кукла». Некоторые черты описаний и точность психологических наблюдений позволяют сказать, что Марселина полемизирует с Бальзаком, нарочито не допускает в повествовании вмешательства сверхъестественных сил. Деборд-Вальмор сравнивает свои сказки с «куклами, вытащенными из шкафа». Образ куклы важен для ее поэтики, он встречается в шокирующих и интригующих названиях («Кукла-монстр», «Физиология кукол»), но вопреки ожиданиям читателя, куклы не оживают, а единственные превращения и чудеса, которые показывает М. Деборд-Вальмор, — это изменения детской души и восприятия мира.

Ключевые слова: сказка; Марселина Деборд-Вальмор; автобиография; воспоминание; кукла.

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kat-belavina@yandex.ru).

Между сказками «галантного века», знаменитыми сказками мадам д'Онуа, давшими на французском языке название жанра волшебной сказки *conte de fées* [Aulnoy, 1698], всемирно известными сказками Шарля Перро [Perrault, 1697] и графини де Сегюр¹ [Ségur, 1896] на протяжении около полутора веков совершалось медленное становление литературной сказки для детей и юношества, в котором особое место занимают сказки Марселины Деборд-Вальмор. «В этих книгах присутствуют постоянные мотивы: верность родной земле, любовь к семейному быту, описываемому с восстановлением мельчайших деталей повседневной жизни <...>. Свои рассказы Деборд-Вальмор сравнивала со старыми игрушками, выгашенными из сундука», — пишет Е.П. Гречаная [Гречаная, 2006: 359–360]. Самыми важными из игрушек для Марселины, очевидно, были куклы (*roupées*), “женщины в миниатюре” [Desbordes-Valmore, 1989: 88]: она сравнивала свои сказки со «старыми куклами без морщин». [Desbordes-Valmore, 1989: 347].

В истории французского романтизма изучению наследия Марселины Деборд-Вальмор, традиционно отводится довольно скромное место. А ведь «меньшая сестра Бальзака» [Planté, 2015] была не только замечательной поэтессой, автором восьми книг стихотворений, но и прозаиком: ее перу принадлежат четыре романа, новеллы и сказки. Марселина Деборд-Вальмор оказалась в центре театральной и литературной жизни Парижа, позднее Лиона и Брюсселя. Марселина дружила и полемизировала с самыми значимыми писателями, журналистами и критиками того времени. Такие разные Виктор Гюго, Сент-Бев, Бальзак, Анри де Латуш, Мадмуазель Марс общались с ней, вели с ней переписку, принимали ее помощь и готовы были помочь ей, когда это стало необходимо.

Если в XVII в., в сказках Мадам д'Онуа и Шарля Перро, чьи знаменитые книги вышли почти одновременно, в 1697 г., очень чувствуется и фольклорный фон, и насыщенность литературными аллюзиями, то графиня де Сегюр в XIX в. работает в основном с автобиографическим материалом [Luton, 1999] (свою первую сказку она публикует в возрасте 50 лет, в 1857 г.). Она собирает собственные воспоминания и впечатления, причем реалистичность описаний жестокости и трагические эпизоды заставляют некоторых исследователей сравнить ее с Маркизом де Садом [Luton, 1999]. Между этими крайними точками, на полпути от поучительного

¹ Сюжет повести графини де Сегюр “*Les malheurs de Sophie*” (в русском переводе «Проделки Софи») был экранизирован в кино (1946, 1979) и положен в основу популярного французского мультсериала, переведенного на многие языки (впервые вышел в телеэфир в 1998 г., France 3).

дискурса века Просветителей, к точности психологических и бытовых наблюдений находятся нежные, романтические уроки жизни Деборд-Вальмор.

Если поэзия Деборд-Вальмор хорошо известна во Франции, то ее сказки долгое время оставались вне поля научного изучения. Им посвящена одна диссертация М. Дюфло «Эрос детских воспоминаний в сказках Марселины Деборд-Вальмор». [Czarniak-Duflot, 2008]. Автор подчеркивает терапевтическую роль письма: «На протяжении всей жизни <...> Марселина сталкивается со всемогуществом смерти. Из этого траура, из этой боли ей удастся высвободить жизненную энергию редкой силы. Она пишет и превращает свою боль в сказки в стихах и в прозе» [Czarniak-Duflot, 2008: 3].

Самые интригующие названия, способные пробудить любопытство и в современном читателе, связаны именно с куклами: это «Кукла-монстр» и «Физиология кукол». Обе сказки вошли в состав первой отдельной прозаической книги «Книга для маленьких детей» (1834). Между тем речь идет не о фантастических и пугающих приключениях, а о поучительных историях, автобиографических, по большей части, связанных с детством самой писательницы или ее детей.

Марселина Деборд-Вальмор интересуется сказками и современными, и средневековыми, и европейскими, и восточными, примечательно, что писательница видит своего сына² как бы сказочным персонажем: «<...> Ипполит, такой скромный в своих желаниях. Это настоящий персонаж Гофмана или из “Тысячи и одной ночи”» [Lettres de M. Desbordes-Valmore, 2, 1924: 55].

При этом писательнице удастся создать совершенно особый мир, не похожий ни на сказочные новеллы Гофмана, густонаселенные фантастическими персонажами, гротескные, порой ироничные, ни на чувственные истории «Тысяча и одной ночи». Сказки Деборд-Вальмор уместно, скорее, сопоставить с позднейшими нравоучительными рассказами Льва Толстого (например, «Птичка», «Косточка», 1875), чем произведениями Гофмана, хотя этот автор, несомненно, был важен для Марселины. Очевидно, выход «Ундины» Гофмана (1811) не прошел незамеченным французской писательницей, ведь этим именем называют в семье старшую дочку (p. 1821 Ondine).

Сказки Деборд-Вальмор издаются в периодике и коллективных сборниках, редактируются и переиздаются. Самыми важными пу-

² Ипполит Вальмор (1820–1892). На момент написания письма (16 июля 1842 г.) Ипполиту уже 22 года.

бликациями стали три: «Книга для маленьких детей» (1834), «Ангелы семьи» (1849), а в посмертном сборнике «Сказки и сцены семейной жизни» (1865), составленном сыном Марселины Ипполитом Вальмором, помимо уже названных, содержится девять не опубликованных прежде сказок.

Кукла у Марселины Деборд-Вальмор — это в первую очередь очень красивая вещь, а ее «характер» является проекцией характера ребенка, который с ней играет. «Кукла-монстр», вынесенная в заглавии сказки, появляется у девочки по имени Инес: «У Инес появилась новая кукла. Какая радость! Совсем новая кукла: глаза-жемчужинки, чтобы смотреть на Инес, две ручки, чтобы днем и ночью протягивать их к хозяйке, безмолвный улыбчивый ротик, чтобы никогда не перечить ей» [Деборд-Вальмор, 2018: 21]. Имя девочки-хозяйки куклы совпадает с именем младшей дочери писательницы. М. Бертран, французский исследователь творчества Деборд-Вальмор, комментируя эту сказку, склонен считать, что речь идет, следовательно, об истории, произошедшей в действительности: «Марселина вспоминает об эпизоде, случившемся с ее младшей дочкой. У нее действительно был сложный характер; оба прилагательных *boudeuse et entêtée* (которая дуется и упрямится) девочка Инес применяет в рассказе к своей кукле, но они могли бы вполне характеризовать настоящую Инес» [Desbordes-Valmore, 1989: 312].

Марселина вовлекает читателя в запутанную игру с именами: она охотно использует в прозе имена людей, окружавших ее в реальной жизни, но зачастую с применением переноса на другой персонаж. Так, например, в автобиографическом романе «Мастерская художника» (1833) Деборд-Вальмор дает главной героине имя Ундина, т.е. как бы называет себя тем именем, которым стали звать в семье ее дочку. (Официально при рождении ей было дано имя Марселина-Жюни-Гиацинта.) А в одной из ее сказок-воспоминаний («Маленькая любительница сливок») пятилетнюю девочку зовут Фелисите, а это одно из имен самой Марселины (Marceline Félicité Joséphe Desbordes).

В разных сказках Деборд-Вальмор появляются персонажи с именами ее детей: Ипполит («Почемучка»), Инес («Кукла-монстр»), Гианцита («Милостыня», «Минетта»). Однако не стоит думать, что речь всегда идет о именно о них: вероятно, знакомые имена служили для дополнительного привлечения внимания детей. Связь имени персонажа с его реальным прототипом не всегда прозрачна.

В сказке с интригующим названием «Физиология кукол» Альбертина оказывается сестрой маленькой Марселины (а не ее подругой,

как была Альбертина Ганье в жизни), одной из четырех осиротевших девочек, получивших в подарок кукол. Сестры Августа, Марселина, Валерия и Альбертина по складам разбирают свои имена и имена кукол на подарочных коробках: «Все кинулись рассматривать крохотные пружинные ручки, в каждой из которых была визитная карточка» (здесь и далее перевод мой. — К.Б.) [Desbordes-Valmore, 1989: 86].

Куклу, доставшуюся младшей девочке Марселине, зовут Фоветта, называли в театре подругу писательницы — актрису Габриэль Берто. Это одна из деталей, которая показывает, что мир людей и кукол как бы взаимно проницаемы.

В сказке «Физиология кукол» присутствует автобиографический мотив смерти матери. Катрин Деборд умерла, когда Марселине было одиннадцать лет. (Впрочем, мотив смерти родителей часто встречается и в народных сказках.) Но, в отличие от народных сказок, где традиционное волшебное число — это трое детей, в сказке «Физиология кукол» детей четверо, как было в семье Деборд. Марселине важно вплести в ткань повествования дорогие ее памяти достоверные детали, так создается убедительность ее рассказов.

В начале сказки «Физиология кукол» писательница намеренно лексически создает некую интригующую двусмысленность: «Четыре куклы *вошли* однажды на улицу Пирамид». [Desbordes-Valmore, 1989: 86] После употребления глагола “*entrer*” («входить»), как будто речь идет об одушевленном существе, читатель ждет от кукол действий, речей, тайной жизни. Но Марселина оставляет читателя с его обманутыми ожиданиями. Она пишет этюд о человеческих психотипах, о том, как нужно относиться к живым любимым существам.

Марселина последовательно проводит параллель мать-дочка, дочка-кукла, дочка, копирует свою мать, а кукла копирует свою маму-девочку: «Альбертина усадила Прюдант перед собою, чтобы показать ей, как вышивать гобелен, она говорила с ней важно и вежливо <...>» [Desbordes-Valmore, 1989: 88].

Если старшие дочери не доставляют отцу проблем, то с третьей дочкой Августой начинаются сложности: «Было видно, что Августа, которая держалась поодаль, беспокойно суетится вокруг своей куклы Лютин. Она ее целовала так крепко и так часто, что влага ее не слишком хорошо вытертых после обеда губ уже повредила *почти* (курсив мой. — К.Б.) живому румянцу щечек куклы» [Desbordes-Valmore, 1989: 89]. Кукольная природа вступает в конфликт с человеческой физиологией. Марселина не устает подчеркивать, что кукла только похожа на живую, что игра — это только опыт, в котором

познается физиология и мудрость жизни: «Вот причина, — ответил отец, — Вода не хороша для кукол; твоя нежность ей повредила, *нельзя набрасываться на то, что ты любишь* (курсив мой. — К.Б.)» [Desbordes-Valmore, 1989: 89]

Кукла обретает жизнь и телесность за счет силы воображения играющего с ней ребенка. Кукла у Марселины Деборд-Вальмор участвует в психологической игре множественных переносов, игрой в матрешки родитель-ребенок-кукла: «<...> Инес шепчется с ней, целует в румяные щечки свою новую дочку: малышка объявила, что хочет быть ее мамой» [Desbordes-Valmore, 1989: 21].

Именно с куклой связана тема наказания (в частности, телесного, кстати, и мотив обнаженного тела), Марселина избегает описания жесткого обращения с детьми. Она показывает свое отношение к этому методу воспитания на кукле: «Но на следующий день Инес уже была строгой и важной. <...> Услышав, как маленькая ручка бьет деревянное тельце со словами: “Вот так! Вот так! Вот так!”, мама зашла к Инес» [Деборд-Вальмор, 2018: 21].

Бескорыстие материнской любви Марселина выразила в коротком диалоге матери с дочерью Инес в сказке «Кукла-монстр»: «— Мама, это чудовище! Я отдаю ей все, что у меня есть, а она... О! — Ну, дочка, — ответила та, — чего же ты хочешь, кроме счастья ей всё это дарить?» [Деборд-Вальмор, 2018: 21]

Продолжая тему воспитания и телесных наказаний, писательница называет роль матери ремеслом, которому нужно научиться. Сила убеждения показана цитированием слов матери, дочка слово в слово повторяет кукле только что услышанную реплику матери: «Наконец она подошла и сказала кукле на ухо: — Иди сюда, я все еще люблю тебя. Я не требую, чтобы ты поняла то, что я поняла *давно*».) [Деборд-Вальмор, 2018: 21] Как не вспомнить строки ценителя таланта и искренности Марселины А.С. Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин» о том, как играет «с послушной куклою дитя» и «важно повторяет ей//Уроки маменьки своей». Интересно, что Пушкин характеризует Татьяну Ларину через отношение к куклам: «Но куклы даже в эти годы//Татьяна в руки не брала» [Пушкин, 3, 1950: 42] В сказке «Физиология кукол» младшая из сестер Марселина не берет в руки подаренную ей куклу, но причина иная, не отсутствие интереса, а робость: « — Почему ты не танцуешь с Фоветтой, ангелочек мой? — спросил он; <...>. Марселина ответила не сразу; потом, будто ее мысли слетали с языка без ее ведома, произнесла: Я не смею любить ее» [Desbordes-Valmore, 1989: 89].

Философская направленность сказок Марселины заставляет вспомнить о философских этюдах ее современника и друга Оноре

де Бальзака. Свой философский этюд «Иисус Христос во Фландрии» Бальзак предваряет посвящением Марселине Деборд-Вальмор³: «Вам, дочери Фландрии, ее нынешней славе, посвящается эта простодушная фландрская легенда» [Бальзак, 1960: 34].

Бальзак и Марселина Деборд-Вальмор познакомились в начале 1830-х годов. Они оба пишут тексты, многократно перерабатывая и переиздавая с целью поправить свое финансовое положение, они оказывают друг другу возможную литературную поддержку. У обоих авторов возникает тяга к форме притчи, философской сказке с христианскими мотивами. При этом контрастно высвечивается манера каждого писателя.

Если Бальзак охотно описывает детально персонажей, то у Марселины человеческие образы визуально лишь едва намечены, она с большей охотой описывает лица и наряды кукол. В человеке ее больше всего интересует голос. Творческий метод Бальзака легко допускает вмешательство сверхъестественных сил в сюжетную линию, а Марселина, будто полемизируя с ним, исключает любое упование на мистические силы или помощь волшебных существ из своих сказок для детей. Большое внимание писательница уделяет памяти, чудесной силе воспоминаний: «В суматохе забот и хлопот, когда устанете от шума и гроз мира, матери, случилось ли вам, разбирая шкаф, случайно наткнуться на какие-нибудь из своих детских игрушек?» [Desbordes-Valmore, 1989: 347]. Она перебирает в памяти с нежностью образы «фарфоровых пастушек в венках, деревянных барашков, восковых ангелов с крыльями из картона и газа, на которых воображение детства взлетает так стремительно и высоко» [Desbordes-Valmore, 1989: 347].

Сказками эти произведения можно назвать довольно условно: чудеса, описанные в них, — это человеческая доброта, раскаянье, перемены, совершающиеся в душе человека. Порой героями сказок Марселины становятся животные или птицы, но они не говорят, а только проявляют любовь, кротость, благородство, те черты характера, которые она стремится развить в детях. Многие истории происходили с самой Марселиной в детстве, с ее детьми или знакомыми.

Своеобразие сказок Марселины Деборд-Вальмор складывается из сочетания философского и автобиографического начал. Философские сказки XVIII в. создавались согласно стремлению Просветителей воспитать нового человека: «Во второй половине XVIII в. детская

³ Впервые новелла была напечатана в 1831 г. в первом издании «Философских романов и сказок», а в 1836 г. вошла в состав «Философских этюдов». Посвящение появилось в переиздании 1845 г.

литература еще находится на раннем этапе своего становления, перед ней ставятся очень серьезные задачи. Детская книга была призвана стать не чем иным, как инструментом воспитания, которое является одной из ключевых составляющих в системе координат эпохи Просвещения» [Васильева, 2019: 129]. Автобиографизм, вышедший на первый план в эпоху романтизма, близок Марселине и чувствуется практически во всех ее произведениях. М. Дюфло подчеркивает, что терапевтическую роль письма: «Именно по совету своего друга и врача Алибера Марселина начинает писать. Творческой работой она отодвигает пережитое в ранг вымышленных воспоминаний и избегает того, что психоаналитики называют феноменом повторения» [Dufloy, 2007: 2]. Впрочем, сказки Марселины Деборд-Вальмор лишь дополняют панораму: они появляются в первой половине XIX в., когда во Франции автобиография и мемуары обретают особую популярность под пером писателей романтиков, создавших так называемые «личные» или «эгоцентрические романы» [Павлова, 2003: 3].

Воспоминания, облеченные в форму притч, легко запоминаются, благодаря точности психологических наблюдений, искренности голоса Деборд-Вальмор. Марселина обращается к детям в первую очередь к своим детям, они же зачастую являются героями сказок, наравне с мамой взрослой и мамой-девочкой, поскольку сказки эти по большей части списаны с натуры.

Список литературы

1. *Бальзак О. де.* Иисус Христос во Фландрии // Собр. соч.: В 24 т. Т. 19. М., 1960. (Перевод Н.И. Столяровой). С. 34–67.
2. *Васильева Е.Н.* «Персидские письма» детям: к истории переводов Ш. — Л. Монтескье в России // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4. № 2. С. 128–143.
3. *Гречаная Е.П.* Младшая сестра Бальзака: Марселина Деборд-Вальмор // Французская литература 30–40-х годов XIX века. «Вторая проза». М., 2006. С. 346–363.
4. *Деборд-Вальмор М.* Семнадцать сказок Марселины и «Малыш с Елисейских полей»: Сборник сказок на французском и русском языках / Под ред. Е. Белавиной. М., 2018.
5. *Павлова С.И.* Французская автобиография романтической эпохи: Констан, Шатобриан, Ламартин: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
6. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1950. С. 5–187.
7. *Aulnoy M.* — C. *Les Contes des Fées.* 4 vol. Paris, 1698.
8. *Czarniak-Dufloy M.* *L'Éros du souvenir d'enfance dans les contes de Marceline Desbordes-Valmore.* Thèse sous la direction de Steve Murphy. 2 vol. Rennes 2, 2008.

9. *Czarniak-Duflot M.* Léonard Boitel, dit Léon Boitel. L'écrit à l'épreuve des médias du Moyen Age à l'ère électronique. Classiques Garnier, 2012.
10. *Desbordes-Valmore M.* L'Atelier d'un peintre. Miroirs éditions. 1992.
11. *Desbordes-Valmore M.* Correspondance intime de Marceline Desbordes-Valmore. Paris, 1896.
12. *Desbordes-Valmore M.* Contes. Présentés par Marc Bertrand. Lyon, 1989.
13. *Desbordes-Valmore M.* Les anges de la famille. Paris, 1849.
14. *Duflot M.* La figure paternelle chez Marceline Desbordes-Valmore // Cahiers Robinson. 2007. № 22. P. 2–19.
15. Lettres de Marceline Desbordes à Prosper Valmore publiées avec une préface et des notes par Boyer d'Agen. 2 vol. Paris, 1924.
16. *Luton L.* La comtesse de Ségur: A Marquise de Sade. N.Y., 1999.
17. *Planté Ch.* *La petite sœur de Balzac. Essai sur la femme auteur.* Lyon, 2015.
18. *Perrault Ch.* Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités, Contes de ma mère l'Oye / Éd. Jean de Bonnot d'après Barbin, 1697.
19. *Ségur de S.* Nouveaux Contes de fées. Librairie Hachette, 1896.

Ekaterina Belavina

“OLD DOLLS PULLED OUT OF THE WARDROBE”, OR AUTOBIOGRAPHYSM AND WELCOMES IN SELECTED STORIES BY MARCELINE DESBORDES-VALMORE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The prose tales of Marceline Desbordes-Valmore, a French writer of the Romantic era, represent an interesting stage in the evolution of the author's fairy tale genre for children. Unlike magical fairy tales, there are no sorcerers, magical creatures or objects in them. On the one hand, these stories are reminiscent of moral parables and carry a certain lesson and morality, which was characteristic of the tales of the Enlightenment and the fable genre. On the other hand, they embodied the attention of the romantic era to the genre of autobiography. Marceline Desbordes-Valmore wrote stories for her children that appear in the pages as heroes on a par with the writer herself: she portrays herself as a very young girl. These stories are based on events of their lives or memories of her childhood. The author uses real names and nicknames in her prose, but not directly, but using a variety of transfers. The dolls in Marcelina-Debord-Valmore's fairy tale are primarily a beautiful object, but also “women in miniature”, a link in the chain of projections of “mother-daughter; daughter-doll” relationships. Some features of the descriptions and the accuracy of psychological observations allow us to say that in contrast with Balzac, Marceline avoids the fantastic. Desbordes-Valmore compares her tales with “old dolls pulled out of the wardrobe”. The image of the doll is important for her poetics,

it can be found in shocking and intriguing titles (“Monster Dolls”, “Physiology of Dolls”), but contrary to the reader’s expectations, dolls do not come to life, and the only transformations and wonders revealed by M. Desbordes-Valmore are changes in the child’s soul and perception of the world.

Key words: fairy tale; Marceline Desbordes-Valmore; autobiography; doll; memory.

About the author: *Ekaterina Belavina* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kat-belavina@yandex.ru).

References

1. Balzac O. de. Iisus Khristos vo Flandrii. Sobr. coch. v 24 t. [Jesus Christ in Flanders. Collected works, 24 volumes]. V. 19. Moscow, *Pradva Publ.*, 1960, pp. 34–67. (In Russ.)
2. Vasil’eva E.N. “Persidskie pis'ma” detyam: k istorii perevodov SH.-L. Montesk’e v Rossii. [“Persian letters” to children: on the history of translations by S. — L. Montesquieu in Russia]. *Studia Litterarum*. 2019. T. 4, № 2, pp. 128–143. (In Russ.)
3. Grechanaya E.P. Mladshaya sestra Bal'zaka: Marselina Debord-Val'mo. Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka. “Vtoraya proza”. [Balzac’s Younger sister: Marceline Desbordes-Valmore. French literature of the 30–40s of the XIX century. “The second prose”] M., *Nauka Publ.*, 2006, pp. 346–363 (In Russ.)
4. Desbordes-Valmore M. Semnadsat' skazok Marseliny i “Malysh s Eliseiskikh polei”. Sbornik skazok na frantsuzskom i russkomazykakh pod red. E. Belavinoi. [Seventeen tales of Marceline and “the Kid from the Champs Elysees”. Collection of fairy tales in French and Russian, edited by E. Belavina] Moscow, *KDU Publ.* 2018. (In Russ.)
5. Pavlova S.I. Frantsuzskaya avtobiografiya romanticheskoi ehpokhi: Konstan, Shatobrian, Lamartin. Diss. na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [French autobiography of the romantic era: Constant, Chateaubriand, Lamartine. Dissertation for the degree of candidate of philological Sciences] *dis.doc. philol. sciences*. Moscow. (In Russ.)
6. Pushkin A.S. Evgenii Onegin. Polnoe sobranie sochinenii v 6 tomakh. Tom tretii. [Yevgeny Onegin. The complete works in 6 volumes. 3 v.] M. *Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ.* 1950, pp. 5–187 (In Russ.)
7. Aulnoy, M. — C. Les Contes des Fées, Paris, Barbin, 4 vol., 1698. (In Fr.)
8. Czarniak-Duflot M. L'Éros du souvenir d'enfance dans les contes de Marceline Desbordes-Valmore. Thèse sous la direction de Steve Murphy, Rennes 2, 2008. (In Fr.)
9. Czarniak-Duflot M. Léonard Boitel, dit Léon Boitel. L'écrit à l'épreuve des médias du Moyen Age à l'ère électronique. Classiques Garnier, 2012. (In Fr.)

10. Desbordes-Valmore M. L'Atelier d'un peintre. Miroirs éditions. 1992. (In Fr.)
11. Desbordes-Valmore M. Correspondance intime de Marceline Desbordes-Valmore. Paris: A. Lemerre, 1896. (In Fr.)
12. Desbordes-Valmore M. Contes. Présentés par Marc Bertrand. Presses universitaires de Lyon, 1989. (In Fr.)
13. Desbordes-Valmore M. Les anges de la famille. P. Edition broché, 1849. (In Fr.)
14. Dufлот M. La figure paternelle chez Marceline Desbordes-Valmore. *Cahiers Robinson*, 2007. № 22, pp. 2–19. (In Fr.)
15. Lettres de Marceline Desbordes à Prosper Valmore publiées avec une préface et des notes par Boyer d'Agen, Paris: aux Editions de la Sirène, 2 vol. 1924. (In Fr.)
16. Luton L. La comtesse de Ségur: A Marquise de Sade. New York. Peter Lang, 1999. (In Fr.)
17. Planté Ch. *La petite sœur de Balzac. Essai sur la femme auteur*, Lyon, Presses universitaires de Lyon, 2015. (In Fr.)
18. Perrault Ch. Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités, Contes de ma mère l'Oye. Édition Jean de Bonnot d'après Barbin, 1697. (In Fr.)
19. Ségur, de S. Nouveaux Contes de fées. Librairie Hachette, 1896. (In Fr.)

А.А. Гугнин

КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВО АНДРИЧА

Учреждение образования

Полоцкий государственный университет

211446, Беларусь, Витебская обл., г. Новополоцк, ул. Блохина, 29

Статья предлагает подробный анализ монографии А.В. Наумовой «Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича» (Минск: РИВШ, 2018) и привлекает внимание не только к изучению творчества Иво Андрича, но и к историко-контекстуальному методу в изучении мировой литературы, который разрабатывается автором статьи уже многие годы, но пока известен лишь в кругу его непосредственных учеников.

Ключевые слова: Иво Андрич; андричеведение; культурное пограничье; демифологизация; «Времена Аники»; «Аника-воин»; историко-контекстуальный метод в литературоведении; «малое время»; «большое время»; пародия; символ; литературная игра в творчестве Иво Андрича.

В Беларуси появилось первое монографическое исследование, посвященное творчеству Иво Андрича, одного из известных писателей XX в., о котором не только следует знать, но стоит и говорить в курсах лекций по зарубежной литературе. К сожалению, в ее истории ему, как правило, уделяется незаслуженно мало места. Аспект, выбранный для монографии, весьма актуален. Своевременность предпринятого в монографии углубленного изучения проблемы «культурного пограничья» в творчестве одного из крупнейших писателей многонациональной Югославии, представленной на современных географических картах в виде нескольких разрозненных государств, сама А.В. Наумова подробно обосновывает во Введении к своей книге «Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича» (Минск: РИВШ, 2018):

«Особое место в творчестве Иво Андрича занимает Босния, ее истории посвящены многие прозаические произведения автора. Сегодня этот край, да и Балканы в целом, считается одним из самых противоречивых регионов Европы. Специфика данной

Гугнин Александр Александрович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета (e-mail: alexgug@tut.by).

среды издавна приводила к обострению многочисленных проблем, вызванных этнической и конфессиональной неоднородностью, — когда части населения одной страны, имеющие общее этническое происхождение, исповедуют ислам, православие и католичество. Культурный комплекс славянской части Балкан исчерчен многочисленными пересекающимися и накладывающимися друг на друга границами — языковыми, этническими, конфессиональными, цивилизационными»¹.

Принимая — со ссылкой на М.М. Бахтина и других ученых — *границу* как «одну из универсалий в структуре любой культурной системы», А.В. Наумова пишет:

«Любое пограничье — зона нестабильности. В результате столкновения разнородных подсистем любой культурной системы рождаются новые смыслы и явления культуры. Таким образом, граница является самым продуктивным узлом культурного пространства... Нас будет интересовать культурное и цивилизационное пограничье — своеобразная среда, жизнь в которой имеет целый ряд особенностей. Их стоит непременно учитывать во избежание проблем в политической, экономической и культурной сферах как в рамках одного государства, так и при построении стратегий международных отношений. Осмысление проблематики взаимодействия народов и культур является одной из самых актуальных задач современности, поскольку межнациональные конфликты весьма болезненны. Актуальность данного вопроса именно для нашей среды объясняется тем, что славянские страны уже не раз переживали геополитические кризисы: достаточно вспомнить войны в Югославии или обратиться к современным событиям в Украине. В обоих случаях проявился следующий фактор: одни смотрят на запад, другие — на восток; противоборствующие стороны исповедуют разные религии, говорят (или стремятся говорить) на разных языках. Все более реальной в свете последних событий становится угроза глобальной войны цивилизаций. Поэтому внимание к разработкам, объясняющим функционирование общества с точки зрения взаимодействия культурных единств и предлагающим пути разрешения кризисов, актуально как никогда» (с. 4).

Обосновывая методологию своего исследования, А.В. Наумова обращается к многим источникам и не только литературоведческим, но и философским, историческим и социологическим. Эти обра-

¹ С. 3 — здесь и далее ссылки на монографию приводятся в самом тексте в круглых скобках с указанием страницы.

щения проходят через весь текст работы и возникают тогда, когда она считает необходимым согласиться с мнением того или иного ученого или — наоборот — высказать свое несогласие с приведенной позицией. О главном объекте своего внимания исследователь говорит уже во Введении:

«При анализе методологии исследования стоит учитывать, что феномен пограничья в творчестве Андрича — специфический объект, связанный с актуальными проблемами общественного развития и предполагающий, во-первых, целостное понимание и интерпретацию художественного текста, во-вторых, анализ читательских реакций. Инструментарий для решения данных задач предлагают такие теоретические школы и направления, как *литературоведческая герменевтика* и *рецептивная эстетика*» (с. 7–8).

В соответствии с этой позицией монография состоит из двух основополагающих глав: в первой — более обширной — «Интерпретация феномена культурного пограничья» (с. 13–149) в отдельных разделах рассмотрены следующие проблемы: «Сюжетная реализация концепции пограничья», «Пограничье в образе человека», «Реализация концепции пограничья в хронотопе», «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию», «Футурология Иво Андрича», «Историософия Иво Андрича и цивилизационные исследования»; при этом каждый раздел включает от двух до пяти подразделов, раскрывающих отдельные аспекты означенных проблем. Подобным же образом структурирована и вторая глава «Рецепция феномена культурного пограничья» (с. 150–211), которая состоит из трех разделов: «Этнонациональная проблематика в литературе сербско-боснийского региона», «Проблемы рецепции этнокультурной проблематики творчества Иво Андрича», «Этнокультурная проблематика творчества Иво Андрича в литературоведении и современной публицистике восточных славян», а также Заключение и Списка литературы (399 наименований). В монографии много интереснейших наблюдений, связанных с анализом художественных и публицистических произведений писателя практически на всем протяжении его творчества, вовлекается обширнейший исторический контекст, прослеживающий динамику различных *границ* (государственных, этнических, конфессиональных, языковых, культурных), включая и динамику возникновения и развития отдельных национальных литератур этносов и народов, проживавших на территории Югославии. Новыми являются трактовки терминологических определений, предложенные по отноше-

нию к творчеству Андрича: «странники культур», «коллективный психологизм», «модель мира пограничья». Именно с помощью этих понятий исследователь смогла оригинально и убедительно объяснить своеобразие феномена пограничья, который, как она справедливо отмечает, «пронизывает» все уровни андричевского текста. А.В. Наумова изучила фольклорные и мифологические элементы исторической прозы Андрича, представляющие собой архетипическую объективизацию памяти о прошлом в сознании жителей Боснии. Важно, что, исходя из цели своего исследования, она рассматривает их в динамике, во взаимодействии. Таким образом, на примере разночтений в восприятии прошлого представителями разных этнокультурных групп демонстрируется столкновение субъектов пограничья и раскрывается сущность феномена пограничья в творчестве Андрича.

Многие исследователи отмечали специфическое использование категории времени в прозе Андрича, спорили о его линейности или цикличности. А.В. Наумова нашла новаторский путь в изучении хронотопа произведений Андрича в связи с воплощением феномена пограничья в его структуре. Она предлагает рассматривать структуру хронотопа его произведений как систему границ, воплощенных с разной степенью конкретности и абстрактности. Это границы между историческими эпохами, цивилизационными комплексами, между частями города, берегами реки, идеологическими противниками, воюющими сторонами и т.д.

Этот раздел сам по себе имеет большую научную значимость, так как представляет собой не столько фактический материал и «летопись» андричеведческих исследований, а весьма удачную попытку анализа рецепции этнокультурной проблематики Андрича в республиках бывшей Югославии, Беларуси, России и Украине. Автор приходит к интересным наблюдениям и выводам, связанным с расхождениями в рецепции исторической прозы Андрича в России — с одной стороны, в Беларуси и Украине — с другой; полемизирует с точкой зрения андричеведов из восточнославянских стран.

Но поскольку я хочу представить несколько «еретических» соображений, относящихся не только к рецензируемой монографии, но и к современному андричеведению в целом, я счел необходимым подтвердить мою общую высокую оценку рецензируемой монографии как целенаправленного научного исследования, которое, как и всякое подлинно научное исследование, закрывая определенную проблему, открывает простор для новых разысканий.

Тема пограничья меня заинтересовала давно — сначала в самой жизни: родной хутор под Новгородом, где до семи лет мое общение

было в основном с природой и домашними животными, затем пять классов школы — в Вильнюсе, после Вильнюса семья переехала в Полоцк, где я оканчивал среднюю школу и столкнулся с совершенно иной ситуацией, и т.д.: в течение всей жизни пограничье являлось и до сих пор является для меня одной из важнейших проблем... Уже во время длительной учебы в Московском государственном университете (1960—1975) я стал заниматься наукой, где проблема пограничья вставала постоянно и в самых разных аспектах начиная с проблемы раздробленности Германии, когда все 300 государств представляли собой сплошное «пограничье», включавшее и Сербскую Лужицу, часть которой принадлежала Пруссии (с ее четким протестантизмом), а другая часть находилась в Саксонии, где сравнительно мирно сосуществовали католики, протестанты и пиетисты... Для Беларуси проблема пограничья — в истории и современности — одна из важнейших. И в этом плане балканское пограничье заслуживает пристального внимания как аналогичная по многим признакам модель. Андрич в своем творчестве наиболее полно и глубоко осуществил осмысление этой модели, преломленное через историю и настоящее, через фольклор и литературу, через мироощущение всех субъектов балканского пограничья.

На провокационные мысли меня подвигла сама А.В. Наумова. Перечитывая более внимательно монографию, я натолкнулся в обосновании методов исследования на рассуждение о герменевтическом методе, отсылающее к Гадамеру: «Чтобы вычленив предрассудок в качестве такового, требуется, очевидным образом, приостановить его воздействие». — В нашем случае играет роль как временная дистанция, так и этнокультурная: мы осуществляем рассмотрение творчества Андрича из инославянской среды. — «Лишь отмирание всех актуальных связей делает зримым подлинный облик произведения и создает тем самым возможность такого его понимания, которое может претендовать на обязательность и всеобщность» (с. 8). Не могу утверждать, сумел ли сам Гадамер на совершенно конкретных произведениях доказать, как работает его метод в подобной формулировке, но весь мой жизненный и научный опыт восстает против подобных абстракций: историк литературы, пытаясь понять произведение, действует, как правило, по принципу, в свое время сформулированному великим Гёте: *Если хочешь понять поэта, иди в страну поэта*, т.е. прежде всего надо понять произведение поэта из самого текста, из контекста всей жизни и творчества поэта, затем из современной ему эпохи в контексте творчества других поэтов этой эпохи в данной национальной литературе... и т.д., последова-

тельно присоединяя новые и расширяющиеся контексты... И ничего «забывать» не надо, надо только проводить конкретный и последовательный анализ текста в различных контекстах... Подобные озарения и предчувствия постепенно привели к тому, что я сначала инстинктивно, а потом вполне осмысленно стал разрабатывать свой *историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы*, который окончательно оформился к 1998 г.

В первой главе монографии есть небольшой раздел «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию» (с. 93–100), где встречается понятие «демифологизация» и приводятся яркий пример, убедительно доказывающий, что демифологизация распространенных сюжетов и образов действительно занимала существенное место в мировоззрении и художественной палитре великого сербского писателя. Но всё же хотелось бы увидеть более подробное разъяснение того, каким образом этот писатель, прекрасно знавший и любивший с детства фольклор и мифологию сербов и боснийцев (и не только их), мог решиться на подобную демифологизацию, нередко граничившую с насмешкой и даже осмеянием. Имело ли значение его обширное европейское образование, приверженность к усвоенному в Западной Европе просветительскому пренебрежению к средневековым языческим и религиозным предрассудкам (Вольтер, Дидро и др.)? Или что-то связанное с различной трактовкой одних и тех же сюжетов и мифов в различных этнических и религиозных группах?.. Эти вопросы я задавал А.В. Наумовой еще на защите диссертации, но в голове оставались гораздо более важные проблемы, которые не решился озвучить, потому что их надо было еще проверять и перепроверять, чем я и занимался больше года и теперь, наконец, решаюсь высказать.

«Пограничность в прозе Андрича представлена тремя типами конфликта: общеисторическим, социальным и ситуативно-сюжетным», — эта фраза из второго положения, вынесенного на защиту, сразу задела меня и мне показалось, что чего-то здесь не хватает.

А.В. Наумова так глубоко погрузилась в югославские источники, в разногласия многочисленных андричеведов по отдельным проблемам творчества писателя, что оказалась «лицом к лицу» с самими югославами (и не только с югославами) в «малом времени», а попытки вести дискуссии с отдельными точками зрения натываются на такие противоречия с самими текстами Андрича, что волей-неволей вынуждают искать другие подходы и точки опоры. И прежде всего остается незамеченным то, что *великий писатель вел гораздо более*

крупную игру со всей европейской культурой, хотя и использовал в этой литературной игре югославянский материал. Вряд ли стоит напоминать, в каких городах и в каких университетах Андрич учился, какими языками он владел, какую дипломатическую карьеру он сделал, в том числе будучи многие годы — вплоть до начала Второй мировой войны — в Берлине в качестве чрезвычайного представителя югославского правительства. Как правило, исследователи забывают о том, какую сложнейшую эволюцию пришлось пережить Андричу за 83 года своей жизни и как по-разному воплощалась эта эволюция в его творчестве. Все эти факты сами по себе известны, но до сих пор недостаточно исследованы в литературных последствиях.

Остановимся более подробно на одном не простом, но зато весьма показательном примере. Мне долго не давало покоя название рассказа (я бы назвал его повестью) Андрича «Времена Аники»: что-то было в этом тексте захватывающее, интриговало уже само название, несомненно, связанное с широко распространенным сюжетом об Анике-воине, но как и чем связанное? Пришлось погрузиться в историю многочисленных текстов об этом удивительном персонаже, историю, тоже широко известную и изученную, представленную в России (но не только в России) огромным количеством духовных, светских, фольклорных, лубочных и авторских текстов.

В конце XV в. на русский язык был переведен немецкий христиански нравоучительный диалог «Спор жизни со смертью». Характерный для средневековой христианской литературы сюжет в XV—XVI вв. стал обрастать многочисленными национальными вариантами. В немецкой литературе это и фастнахтшпиль (“Fastnachtspiel Nic. Mercatoris”), и даже популярная народная песня, по жанру близкая к древним язычески-мифологическим и обрядовым песням, вроде спора «Зимы и лета». Оригиналом для первоначального русского перевода, по-видимому, послужил текст, напечатанный в Германии и перевезенный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном. Но литературное освоение внешне незамысловатого сюжета постепенно привело к его «беллетризации» в XVI в., к внесению в него своеобразного развлекательно-рыцарского элемента: некий богатырь, не знающий поражений, возомнил, что никого нет на свете, кто мог бы одолеть его. «Тут-то и прииде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо», узрев которую «храбрый той воин устрашился велми». Постепенно выяснилось, что сюжет об Анике-воине оказался необыкновенно живучим, он продолжал волновать и будоражить народную фантазию еще и в XIX в., вовлекая в свою орбиту творческих людей

из различных прослоек общества, включая и профессиональных поэтов (сошлюсь лишь на Некрасова, который в поэме «Кому на Руси жить хорошо» написал: «Эх вы, Аники-воины! / Со стариками, с бабами / Вам только воевать!»). Но и филологи-ученые тоже не отставали: во второй половине XIX в. за обработку и осмысление сюжетного материала взялся сам А.Н. Веселовский, а наряду с ним и целая когорта серьезных ученых, посвящавших этой проблематике не только большие статьи, но и целые монографии... Я не могу допустить, что Андрич, интересовавшийся, образно говоря, всем на свете, об этом не знал. Его повесть «Времена Аники» и «Аника-воин» не просто перекликаются именами главных героев (у Андрича — героиня) — они представляют собой некую увертюру к моим дальнейшим наблюдениям и размышлениям. Только стоит напомнить, что среди многочисленных сюжетов об Анике-воине есть и «свирепые» варианты, в которых Аника-воин выступает как страшный, безжалостный разбойник, не знавший поражений и уничтожавший всё на своем пути, — не щадивший ни стариков, ни детей, сокрушавший и сжигавший всё живое и оставлявший за собой только пепел, — до тех пор, пока он не встретился со Смертью или (по другой версии) не попытался поднять *тягу земную* — ту самую, которую не смог поднять даже сам Святогор при встрече с Микулой Селяниновичем. По этой версии Аника-воин не выдержал позора и скончался на месте. В этом контексте название рассказа «Времена Аники» приобретает поистине символический смысл.

Не подлежит сомнению, что Андрич подолгу учился, жил и работал в разных государствах и разных городах Западной Европы. Во всех странах и городах, где ему приходилось учиться, жить и работать, его интересовало буквально всё: политика, экономика, особенности культуры, национальный менталитет, язык, литература и т.д. Возьмем, к примеру, Вену, где он учился в университете, позднее — работал, и австрийский город Грац с прекрасным университетом, где он защитил докторскую диссертацию «Развитие духовной жизни в Боснии под влиянием турецкого владычества» (1924). Можно ли себе представить, что Андрич, постоянно бывая в Вене, где жил и работал Фрейд, слава которого вырастала в XX в., как на дрожжах, не интересовался его книгами и его учением? Такого представить невозможно, тем более что именно от Фрейда и его учеников произошел один из самых странных и в то же время модных (только мода эта захватила массовую публику надолго — можно даже сказать, вплоть до нашего времени) опознавательных символов (лозунгов, эмблем), «прилепившихся» к XX в. с самого его

начала, — с выхода книги «Толкование сновидений» (1900) Фрейда, продолженной затем книгой «Сексуальный голод» (1908) его ученика Фрица Виттеля... Всё это до сих пор нередко именуется «сексуальной революцией», которая, на мой взгляд, успешно продолжается и по сегодняшний день.

Но пора возвращаться к нашим Аникам. Мне пришлось внимательно перечитать многие произведения Андрича, и вот со всей очевидностью бросается в глаза то, чего я раньше не то, чтобы не замечал, но просто никак не решался поверить — хотя бы потому, что в критической литературе об Андриче ничего подобного не встречал. Во многих произведениях Андрича прямо-таки «выпирает» *необыкновенная жестокость героев, прорастающая на сексуальной почве и связанная с этой жестокостью ненависть к женщинам*, — словно бы это именно они, женщины, виноваты в том, что мужчины никак не могут насытить свой «сексуальный голод». И это не отдельные сексуальные маньяки, которых в XX в. расплодилось предостаточно. Как расценивать такую, например, сцену из новеллы «Мустафа мадьяр», где безумие охватывает уже целый отряд из 15 человек (повествование ведется от лица главного героя, командира отряда):

«Мустафа ехал с конным отрядом. Преследуя противника, отряд решил заночевать в имении, брошенном хозяевами. Конники собирались уже ложиться спать, когда обнаружили спрятавшихся за шкафами четырех мальчиков. Это были беленькие, аккуратно подстриженные, хорошо одетые барские дети. В отряде было пятнадцать человек, почти все из Анатолии. Они набросились на мальчиков и всю ночь передавали их, полумертвых от ужаса и боли, от одного к другому. Когда рассвело, дети, опухшие, посиневшие, не в силах были стоять на ногах. В это время налетел сильный отряд русских, и турки бежали, не успев даже прирезать детей. И вот теперь он видит их перед собой, всех четверых. Слышит топот русской конницы. Хочет вскочить на коня, но путается в стремях, они выскользывают, и конь рвется из рук»

Не лучше дело обстоит и в рассказе «Путь Али Держелеза», где герой буквально изнывает от «сексуального голода», т.е. готов гоняться за каждой мелькнувшей юбкой:

«Затем Держелез невольно бросил взгляд на угловое окно. При виде этого окна, закрытого, бездушного и загадочного, как взгляд женщины или человеческого сердце, в душе его с новой силой поднялись утихшие было гнев и боль. В безумном желании убить или оскорбить кого-нибудь протянул он свою волосатую

руку в сторону окна, потрясая кулаком и посылая проклятие: — Сука ты, сука! — Голос был глухим от злости».

«Держал, глядя на нее, растроганно и беспомощно разводил руками. Его пленили молодость, красота и даже пестрые шаровары, что развевались как знамя, сливаясь с верхушками сосен и ясного неба. Тоска его будто искала выхода в безудержном веселье. Лишь на мгновение в душе вспыхнули боль и стыд: так скоро отречься от своей недавней тоски и гневного решения никогда не приближаться к женщине! Даже к кошке! Даже к кошке!..»

И подобные цитаты из разных рассказов и повестей можно приводить достаточно долго. Но повесть «Времена Аника» намного перекрывает все сюжеты, подобные вышеупомянутым. Здесь в безумии «сексуального голода» (словно перед лицом смерти) впадают все без разбора: богатые и бедные, государственные чиновники и монахи, юноши и седые старцы. И всё во имя того, чтобы приблизиться к красавице, хотя бы дотронуться до нее или даже просто поговорить о ней с такими же бедолагами. Но всем дирижируют женщины (не только Аника, в рассказе упоминаются и другие женщины), они буквально натравливают героев друг на друга, и герои, словно в полусне, убивают своих соперников, но наводку (указание или даже приказ, высказанный мимоходом), дают именно женщины. особенно усердствует Аника, которая поначалу стремится испытать пределы своей власти над мужчинами. Пределов этих, кажется, и вовсе нет...

Не слишком ли подобные произведения напоминают карикатуру? Не гиперболу, не преувеличение, а именно карикатуру, пародию, очевидное желание что-то высмеять. Но как же тогда сербы, хорваты, боснийцы, турки, православные, католики и мусульмане все эти насмешки выдерживали и даже с удовольствием читали?.. Это отдельный вопрос, не будем на него отвлекаться. Но в то же время в истории культуры в разные века постоянно встречаются так называемые роковые женщины, от которых мужчины не могут оторваться ни при каких обстоятельствах. Даже если начинать только с античной мифологии... Когда я еще ничего не знал о «сексуальной революции», но в классе четвертом-пятом с огромным интересом читал «Илиаду» и «Одиссею», меня особенно поразило поведение старейшин Трои, которые, увидев Прекрасную Елену и не в силах оторвать от нее глаз, почти хором сказали, что за такую женщину они и сами бы жизни не пожалели. А разве не роковая любовь почти до безумия истерзала жизнь кавалера де Грие, который десятки раз хотел расстаться со своей возлюбленной Манон Леско, но вместо

этого ссорился со своим отцом, несколько раз ломал свою карьеру, почти нищенствовал, прощал своей возлюбленной измены, — но расстаться с ней так и не смог. А чего стоит биография Достоевского, отчасти отраженная в роковой героине «Братьев Карамазовых»! Подобных фактов можно легко набрать на десятки страниц. Что ж, согласимся, хотя это только подтверждает, что роковые женщины на самом деле существуют, и вовсе не являются созданиями большой фантазии Андрича. Но проблему «сексуального голода» и «сексуальной революции» это никак не упраздняет. Скорее уж, наоборот. Я уже несколько лет назад в дискуссии с одним итальянским профессором по сугубо литературоведческой проблеме (Жуковский — сентименталист, как считал А.Н. Веселовский, или всё же романтик, как это до сих пор считает большинство литературоведов) вдруг пришел к выводу, что формула *или — или* не только попахивает архаизмом (т.е. не выходит за пределы никак не отмирающего первобытно примитивного разделения на «свой» и «чужой»), но уже безнадежно устарела. Гораздо более приемлема формула *и — и*, позволяющая вести диалог, т.е. слушать не только себя и своих, и, следовательно, дает возможность приходиться к взаимопониманию...

Как это ни прискорбно, но получается, что современное андричеведение всё еще не может закончить «разборки» в «малом времени» и пока не хочет понять, что Андрич в это «малое время» никак не укладывается, что он очень рано начал прозревать «большое время», и сегодня совершенно очевидно, что с «большим временем» он прекрасно справился... Моя важнейшая гипотеза состоит в том, что повесть «Времена Аники» представляет собой изящную пародию на погрязшую в непоправимых грехах западную цивилизацию, которая накануне ею же развязанных мировых войн и страшных катастроф XX в. не придумала ничего лучшего, как прикрыться фиговым листком «сексуального голода» — лучшего (т.е. еще более примитивного) отвлекающего маневра эта цивилизация придумать не смогла. Ведь всё же Гитлер — порождение западной цивилизации, но уж отнюдь не славянской, которая именно Гитлером уничтожалась и выкорчевывалась с яростью, достойной легендарного Аники-воина. «Времена Аники» именно на это и намекают... Но намекают поначалу настолько «деликатно», в масштабах «большого времени», которое, как я уже отмечал выше, еще отнюдь не закончилось, и теперь уже не закончится — вплоть до новой всемирной катастрофы. Если принять эту гипотезу, то всё укладывается в достаточно ясную систему, отчего недостатки современного андричеведения проступают еще выпуклее.

Напомню, что в юности Андрич называл себя боснийским католиком (его отец был боснийским католиком и пытался привить соответствующее мировоззрение и сыну). Позднее Андрич предпочитал

называть себя сербом. Но ведь и сербы были разные, и о своем вероисповедании писатель, насколько мне известно, распространяться не любил. Но это так, к слову. Просто в молодости Андрич принадлежал к революционной террористической организации молодых анархистов, за что и пострадал и сидел в тюрьмах в 1914–1917 гг., так как один из членов этой террористической организации убил наследного австрийского принца. Отразился ли этот факт на творчестве писателя и каким образом? Безусловно отразился, как отразилось и всё, что он видел в разных странах. В произведениях Андрича, если попытаться расположить их хронологически, можно отчетливо увидеть, насколько внимательно он изучал европейские духовные и литературные движения и веяния. В его творчестве обнаруживается вся палитра литературных течений: от грубого *натурализма*, *импрессионизма*, *экспрессионизма*, *новой вещественности* и, наконец, *магического реализма*. Все это он пережил, и все это нашло отражение в его творчестве, хотя порой и в весьма причудливых соединениях и сочетаниях: трудно поверить, что всё это может присутствовать в одном и том же произведении. Уже отсюда вытекает целый ряд исследовательских задач: Андрич и натурализм; Андрич и экспрессионизм; Андрич и магический реализм и т.д.

К сожалению, не попадались мне исследования, где творчество Андрича рассматривалось бы в подобном ракурсе. Как мне кажется, такие исследования могут внести некоторую ясность и в трактовку повести «Времена Аники», поскольку могут способствовать более глубокому пониманию поэтики этого произведения, в котором писатель совершает скачок из «малого времени» в «большое время». Ранние стихотворные сборники Андрича явно экспрессионистичны, а такие произведения, как «Мост на Дрине» и «Проклятый двор» (и некоторые другие), по моему убеждению, свидетельствуют о внимательном изучении произведений немецких (и не только немецких) магических реалистов.

Alexander Gugnin

CULTURAL FRONTIER IN IVO ANDRIC'S WORKS

Polotsk State University

29 Blokhin Str., Novopolotsk, Vitebsk region, Belarus, 211446

The article offers a detailed analysis of the monograph by A.V. Naumova “The phenomenon of the cultural borderland in the work of Ivo Andrich!” (Minsk: RISH, 2018) and draws attention not only to the study of the work of Ivo Andrich,

but also to the historical and contextual method in the study of world literature, which has been developed by the author of the article for many years, but is still known only in the circle of his direct students.

Key words: Ivo Andrich; cultural borderland; demythologization; “The Times of Anika”; “Anika the Warrior”; historical and contextual method in literary management; “small time”; “big time”; parody; symbol; literary game.

About the author: *Alexander Gugin* — Prof. Dr., Department of World Literatures and Foreign Languages, Polotsk State University (e-mail: alexgug@tut.by).

А.Е. Козлов

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ СТАТЬИ
Н.Д. АХШАРУМОВА «О ПОРАБОЩЕНИИ ИСКУССТВА»¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

Новосибирский государственный педагогический университет

510023, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

Рассматривается специфика статьи Н.Д. Ахшарумова «О порабощении искусства» в аспекте авторской прагматики. В отличие от Дружинина или Анненкова, Чернышевского или Добролюбова, в равной мере претендовавших на то, чтобы стать «наследниками» Белинского, выделив интересующий их сегмент идеологической программы критика, Ахшарумов, относившийся к другому кругу, не участвовал в литературной борьбе 1840–1850-х годов. Выступив не с частной рецензией, направленной на оценку отдельного явления русской литературы, а с попыткой обзора, или даже взгляда на значительный период, уже многократно оцененный и понятый русской критикой, дебютант обозначал свою претензию на участие в общем споре, при том, что его имя было относительно новым для журнального поля (не имело «наличного капитала», по терминологии А. Григорьева). Декларативно-вторичная по своему содержанию и архаичная по излагаемым взглядам, эта статья примечательна в риторическом плане: описывая гибель целого литературного поколения, ее автор приближается к клермонтовской «Думе» или к «Дневнику лишнего человека» И.С. Тургенева. Полагая обреченной западноевропейскую и российскую реалистическую словесность XIX в., Ахшарумов в большой мере выражал сомнение, связанное с ценностью собственного литературного вклада: «мы точно стоим на конце нашего литературного поприща и далее этого конца не пойдем». В этом контексте писатели и поэты названы им «неоспоримо лишними людьми». В задачи исследования входит изучение рецепции статьи профессиональными читателями — критиками и цензорами.

Ключевые слова: русская журналистика XIX в.; история журналистики; история критики; литературная репутация; «Отечественные записки»; Н.Д. Ахшарумов.

Козлов Алексей Евгеньевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: alexeykozlov54@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (МК-841.2020.6 «Искра» (1859–1873) как энциклопедия русской жизни: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации).

Вышедшая через три года после публикации диссертация Чернышевского и соответственно после полемики, сопровождавшей понятие «гоголевский период русской литературы», статья «О порабощении искусства» явилась своего рода рефератом ключевых тезисов эстетической критики 1850-х годов [Егоров, 2009; Зельдович, 1973; Современник против Москвитянина, 2015]. Редакция «Отечественных записок», возможно, предвидя недоумение читателей, выразила свое решительное несогласие с позицией автора:

Хотя мы и не согласны с некоторыми выводами этой статьи, тем более, что в ней много как бы недосказанного, однако ж помещаем ее в журнале, полагая, что проникнутая горячим, честным убеждением, она может вызвать на бесплодное размышление о вопросе весьма важном в настоящее время для нашей литературы².

Такая стратегия использовалась журналами в 1850-е редко. Более распространенным было обратное решение, предполагающее «солидарность» и «партийность» [Эйхенбаум, 2009; Зыкова, 2005]. Тем более требует прояснения, почему в сущности вторичная по затрагиваемым вопросам статья вызвала такое демонстративное отторжение редакции.

По справедливому замечанию Б.М. Эйхенбаума, статья Ахшарумова — «не столько протест, сколько констатирование неблагоприятия в литературе» [Эйхенбаум, 2009: 320]. Называя критический дебют Ахшарумова «своего рода эстетической программой», Н.В. Володина указывает на «прямые переключки не только с работами представителей эстетической критики: А.В. Дружинина, В.П. Боткина, П.В. Анненкова, — но и А.А. Григорьева, Е.Н. Эдельсона, М.Н. Каткова» [Володина, 2019: 352]. Попытаемся провести эти параллели, чтобы приблизиться к ответу на вопрос о прагматике статьи Ахшарумова.

Ахшарумов начинает свою статью с «общего места», рассуждая о специфике своего времени. В отличие от предшественников он посвящает критике времени и цивилизации объемную часть выступления, при этом явления литературы (или даже искусства) рассматриваются только во второй ее части.

Переходом здесь служит закономерное обращение к термину *реализм*, понимаемому, вслед за Прудоном и Курбе, в первую очередь как система философских, а не собственно эстетических взглядов. В дебютной статье критик выступает против утилитаризма и эгоцентризма «нашего времени».

Мы все *реалисты* — слово, которым наше поколение очень верно определило свой настоящий характер. Значение этого слова

² От редакции // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7. С. 290.

может варьировать до бесконечности свои оттенки, проходя через призму личного понимания разных людей, но в главных чертах оно остается ненарушимо. Под словом *реалист* мы все понимаем такого человека, который так смышлен и толков, что не станет биться из чести или из чистой идеи, и так расчетлив, что не будет гоняться за тенью такого предмета, который, может быть, и вовсе не существует так, как мы его предполагаем, а если и существует, то не для нас, а для будущих поколений. Нет, *реалист* довольно мечтал в ту пору, когда он сидел еще на школьной скамейке, под командою у своих наставников-идеалистов, а теперь, когда он стал взрослым человеком, теперь ему подавай явную, ощутительную пользу, руками осязаемый результат. А если нет, то он и пальцем не пошевелит. Предки его были добрые и почтенные люди, но больше простаки. Они долгим, сухим и утомительным трудом скопили огромные силы, а употребление из них сделать не успели, или не умели, или просто не догадались. Но зато он, их наследник, он порастряс отцовские сундуки, он разом пустил в ход все, что лежало в запасе, и зато как славно он теперь живет. Вся выгода и польза, все положительные радости и наслаждения достались на его долю³.

В этом и подобных отступлениях проявляется тяготение Ахшарумова к линии, намеченной еще статьей А.В. Никитенко в «Современнике» (в конце 1840-х годов Ахшарумов посещает лекции в Петербургском университете). Чистое искусство критик понимает широко:

Деятельная сила, дающая мысли эту свободу, называется вдохновением. Практическое умение беречь и хранить ее, как зеницу ока, как самое драгоценное сокровище в мире, и развивать ее, и наслаждаться ею, и дарить ее другим людям — называется свободным искусством. Цель этой свободы — она сама, и выше этой цели не может быть ничего; результат же ее прекрасен, а прекрасен один только избыток жизни, совершенно свободный и не определяющий себя никакой нуждою. Да, один избыток прекрасен, в нем одном живет вечная красота (293).

Вынося в начале статьи своеобразный диагноз обществу (*общество больно, болезненный организм, недуг*), констатируя неизбежный упадок не только современного направления, но и общественного духа в целом (*мы состарились, старость, упадок, признаки старческо-*

³ Ахшарумов Н.Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. № 11. Т. 119. № 7. С. 290. Цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках. Статья в современной орфографии опубликована исследовательским коллективом: [Ахшарумов 2019].

го и болезненного состояния), Ахшарумов, как некогда и Эдельсон, противопоставляет критике мнение читателя, точнее, публики. Он прямо упрекает критику за взятую ей роль «няньки» и «наставницы» и демонстрирует своеобразное «восстание масс», состоящее в самостоятельном выборе читателя, вне зависимости от существующих критических тенденций. Иными словами, Ахшарумов признает право читателя на самоопределение и независимость; свобода личного выбора проецируется здесь на свободное искусство (т.е. освобожденное от догм современной критики).

Центральная эмоция, ведущий импульс статьи — раздражение, вызванное концепцией Чернышевского. Более того, защищая чистое искусство, Ахшарумов отчасти использует оружие своего вероятного оппонента: 1) сравнивая эстетические требования с физиологическими процессами (*больной желудок, соль для возбуждения аппетита; всё пропахло аптекою современного целительного направления; лечение литературою может стать теперь наряду с гомеопатиею, гидротатиею, с лечением посредством голода, гимнастики, магнетизма, электромагнетизма и проч.*); 2) сближая искусства и ремесла и вульгаризируя это сближение (сапоги и картины, изящество скульптуры и изящество весла или платья⁴), наконец, 3) проводя параллель между бытовой стороной жизни и эстетическим восприятием действительности. Однако выводы, к которым приходит критик, оказываются обратными:

Мы все захворали, состарились в несколько лет, мы все увидели вдруг, что осень для нас пришла прежде лета, что нам никогда не придется жить так, как мы понимаем жизнь, что мы должны сеять и садить для наших внуков и что они увидят обетованную землю, а мы погибнем в пустыне, в бесплодном краю, среди раскаленных песков и безводных равнин (297).

В изложении концепции литературного развития Ахшарумов идет вслед за «органической критикой» А. Григорьева. Пушкин здесь прямо назван Протеем, главой литературы, не оставившим после себя школы, потому что подражать ему было невозможно:

У него не было того, что теоретики называют стиль и манера, как не было их никогда у лучшего из художников — у природы; не было потому, что он не знал колеи и не нуждался в маршруте, а везде шел прямым путем к цели, не опасаясь заблудиться и не размеряя своих шагов по готовому, однообразному такту» (299)⁵.

⁴ См. о логике этих сближений: [Печерская, 2018].

⁵ В этой констатации Ахшарумов сближается с другим литературным героем — пушкинским Сальери: «(Как некий херувим, / Он несколько занес нам песен райских, / Чтоб, возмутив бескрылое желанье / В нас, чадах праха, после улететь!)».

Дальнейшее развитие литературы осмысляется как схождение с этого прямого пути и движение «по колеям» и торным тропам — здесь отчетливы отголоски влиятельной и авторитетной для своего времени концепции Каткова.

Намного архаичнее оценка, данная Гоголю. Как и Шевырев, Ахшарумов называет «Старосветских помещиков» лучшим произведением, отмечая, что в «Мертвых душах», «мучимый теоретическим сознанием своей односторонности, решился перешагнуть во что бы то ни стало за упомянутый барьер и перешагнул действительно, но не весь: моралист перешагнул, художник остался на другой стороне» (310). Так называемое закабаление искусства, выразившееся в его упадке, т.е. натуральной школе, Ахшарумов предсказуемо связывает с поверхностным пониманием прозы Гоголя. Как некогда Григорьев, для иллюстрации своей мысли Ахшарумов обращается к цитированию авторской исповеди.

Из своих современников критик выделяет Гончарова, Григоровича (оговариваясь о духе направления в их текстах) и Аксакова, чью «Семейную хронику» он принимает без оговорок. Статья лишена сколько-нибудь развернутого анализа, позволяющего доказательно и подробно отнести эти тексты к явлениям «освобожденного искусства». Знаменательно, что в выстраиваемом ряду нет ни молодого Толстого, ни признанного к тому времени Писемского, ни столь значимого для современности драматурга Островского.

Возникает впечатление, что статья Ахшарумова отражает даже не полемику 1850-х годов, довольно интенсивную и злободневную, но период несколько более ранний, связанный с радикальной перестройкой всей литературной системы после ареста петрашевцев — временем литературного дебюта Ахшарумова. Если бы не многочисленные цитирования без указания источника из статей предшественников и не полемическая заостренность против трактата Чернышевского, правомерным было бы предположить, что основа данной статьи сложилась в самом начале 1850-х годов.

В ряде случаев критик переходит к обсуждению общих мест. Так, ревизия наследия Белинского начинается с буквального «напоминания» читателю: «Современником Гоголя и Лермонтова в теоретическом отделе изящной словесности был Белинский» (312). Это напоминание, в свете интенсивной полемики, избыточно: к 1858-му году имя критика уже не было табуировано. Ахшарумов повторяет обвинения современников Белинского: Григорьева (*был пропитан теориями, был педагог и ментор, он беспощадно смеялся над рутиную семинарской пиитики и риторики и много способствовал к освобождению талантов второго разбора из битой колеи; но он не*

уважал свободного искусства в истинном смысле этого слова)⁶, Дружинина⁷ и более радикальную — Кс. Полевого (*взамен старого ига литературной педагогики, сорванного и яростно растоптанного под ногами, навязал нам на шею целое стадо модных авторитетов и молодых, зеленых, с иголки новых увлечений, из которых многие теперь уже отживают свой век там, где они родились и были воспитаны, а у нас, с его легкой руки, до сих пор ходят за совершенно новыми и до сих пор деспотически господствуют в изящной и неизящной словесности*)⁸. В этой ревизии, как мы видим, Белинский играет не самую привлекательную роль, маркируя авторитарную силу, мешающую развитию искусства.

⁶ Отмечая «венчание» и «развенчание» кумирчиков, критик «Москвитянина» писал о себе: «Разделяя когда-то многое с критикой, на которую он теперь вооружается, он не мог никогда разделять ни сатурналий насчет народности, ни увенчания кумирчиков гг. Д., Н. и т.д., ни вакханалии по поводу «Переписки с друзьями», как достаточно было засвидетельствовано статьей его в «Московском городском листке», удостоившегося того же глумления, как и книга Гоголя» [Современник против Москвитянина 2015: 493]. В этой же статье констатируется и ключевой эстетический принцип: «Искусство свободно и само себе цель; его высокие произведения идут в душе творцов от образов, а не от идей, но, тем не менее, посредством личностей творцов, плотью и кровью связаны с современностью» [ibid: 496].

⁷ «Всякий русский писатель, в особенности если он принимает на себя обязанность литературного ценителя, должен быть знаком с ходом идей и словесности трех самых литературных государств Европы <таким образом Дружинин демонстрировал слабую сторону критики Белинского. — А.К.>. Каковы бы ни были его критические способности, он не в силах обойтись без этого знакомства. Обходясь без путеводителей в своей области, он истратит всю свою энергию на первые шаги и на первые тропинки, будет истощать себя на решение вопросов, давно решенных, станет цепляться за теории, давно опровергнутые и свершившие свое назначение» (Редактор [Дружинин А.В.]. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Библиотека для чтения. 1856. № 12. С. 65).

⁸ «Он имел ум светлый, способный понимать самые отвлеченные истины, и душу благородную, доступную всем высоким ощущениям, но, по несчастью, оставленный без образования ум его отличался всегда какою-то жесткостью, даже дикостью, и это выражалась в сочинениях его, где всегда бывала мысль, но затемненная дурным выражением, а иногда и ребяческою гордостью, которая думает, что только она судит право и непреложно. Прекрасная душа его также была искажена несчастьями и непрерывным стеснением, от чего и характер его сделался желчным, подозрительным, и сам он часто бывал несправедливым и пристрастным в своих суждениях» (Полевой К. Виссарион Григорьевич Белинский // Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 124. С. 1). Как известно, эта комплементарная оценка, высказанная в некрологе, существенным образом изменилась при переходе Полевого в «Северную пчелу», где он продолжил развивать тезис о необразованности и безграмотности Белинского. В октябре 1859-го года Полевой писал о том, что издание сочинений Белинского «не имеет никакого литературного значения» (Полевой К. Русская литература. Сочинения В. Белинского // Северная пчела. 1859. № 229. С. 3). Несогласие с этим мнением выразили «Современник» и «Отечественные записки», «Искра» и «Санкт-Петербургские ведомости» [Белинский в оценке современников, 1911: 37].

Декларации, корректирующие программу Белинского в сторону 1830-х или 1840-х годов, имели больший вес и значение, когда высказывались его современниками и собеседниками. Как пронизательно отметил еще в 1847 г. Ю.Ф. Самарин, критик, перешедший в «Современник», «...как будто пренебрегает им <эстетическим чувством. — А.К.> и, обладая собственным капиталом, постоянно живет в долг» [Самарин, 1847: 189]. Возвращаясь к этой метафоре, произошедшую после смерти Белинского интеллектуальную ревизию можно уподобить разделу наследства [Егоров, 2009], когда «прямые наследники» — литераторы и общественные деятели: Анненков, Боткин, Дружинин, Тургенев, Дудышкин — усвоили программу Белинского 30-х годов, и, выступая в печати, обращались к авторитету статей именно этого периода, зачастую игнорируя статьи Белинского последнего десятилетия [Егоров, 2009; Современник против Москвитянина, 2015]. Однако от лица Ахшарумова — представителя другого литературного поколения, не участвовавшего в литературных спорах последнего десятилетия, а читавшего и узнавшего о них из статей своих предшественников, это вряд ли могло выглядеть корректным и становилось вызовом. Тем более, что после «Очерка гоголевского периода русской литературы» и полемического ответа Дружинина *versus et contra* были высказаны, мнения критиков поляризовались.

Пожалуй, единственным действительно отличающимся от всех перечисленных *common places* тропом становится постоянное утверждение и гиперболизация состояния упадка в литературе. Обращаясь к негативистскому пафосу, Ахшарумов предпринимает попытку перечеркнуть историю литературы последнего десятилетия. В его дебютной статье звучит приговор не только утилитаризму или реализму как частному направлению эстетики. Ее негативистский пафос охватывает всех «агентов литературного поля» — целое поколение читателей и критиков:

... мы отжили свой век и что в старческом дряхлом состоянии нашего поколения нам ничего лучшего не остается делать в мире искусства, как искать поэзии и утешения вне сферы нашего собственного быта — в картинах детской простоты и детского наивного образа жизни. Как истинные старики, мы смотрим в землю, стремимся к тому началу, из которого мы произошли, и потому очень естественно предпочитаем тихую беседу с детьми обществу наших сверстников. Если же и возвращаемся по нужде к этому последнему, то ничто, кроме ветхих сплетней или злой и едкой сатиры, не в состоянии занять нас. Мы, гордые реалисты и представители несравненного века, мы не любим в том признаваться,

но тайный голос на дне души шепчет нам горькую истину. Да, на дне души мы отжили свой век, мы поссорились непримиримо с настоящим, мы потеряли всю веру в свое современное и можем утешать себя только одной надеждою, что наши потомки когда-нибудь будут счастливее нас (326).

Статья о порабощенном искусстве превращается в думу или элегию [Зельдович, 1973], дневник лишнего человека, взятого не социально, а онтологически.

И надежда эта тем более может считаться основательною, что признаки возрождения, признаки новой жизни уже заметны кое-где. Там и сям пахивает уже весною; но многое, и в том числе наша литература, плетется еще по старой дороге. Придет, однако ж, время, когда и она стряхнет с себя старую кору, когда-нибудь и в ней должен начаться переворот, и тогда мы пойдем совершенно в отставку; о нас говорить даже перестанут, как о людях *нашего времени* — мы перейдем в историю. Новые лица, новые типы, новые интересы и элементы жизни выступят на арену — и всё опять зацветет, всё опять оденется зеленью; а наш период уже приходит к концу. И он был не так короток, как многие думают. Не с Гоголем, не с Лермонтовым он начался — нет, его детство помнит еще Державина, а литературная деятельность Пушкина была эпохою его цветущей силы, его меридианом, переступив за который, он начал клониться к упадку и достиг до конца не ранее, как теперь. Конец этот может продлиться еще на неопределенное время, но здесь не об объеме времени идет дело, а о том, что мы точно стоим на конце нашего литературного поприща и далее этого конца не пойдем. <...> На природные таланты писателей нашего времени ни малейшей тени укора не может бросить то обстоятельство, что они выросли и развились в эпоху упадка свободного искусства, в эпоху его печального, необходимого порабощения [Ахшарумов, 1858а: 326].

Итак, в своей дебютной статье Ахшарумов не предпринимает попыток построения нового литературного канона. Вполне возможно, сама идея такого строительства была глубоко чужда эстетической критике, во всяком случае, ни Эдельсон, ни Соловьев, бывшие в разное время сотрудниками «Отечественных записок», не выбирают данного механизма. Критик пытается разрушить сложившуюся концепцию литературного развития, находя порабощение искусства в действии реального направления (идеологии, подавившей эстетику). Отсюда и констатация неминуемой гибели целого поколения литераторов в большой истории литературы.

По-настоящему парадоксальным становится именно негативистский взгляд критика: отрицая фундаментальную роль Гоголя и Белинского, своей статьей Ахшарумов ставит под сомнение то, что считалось бесспорным завоеванием критики 1840-х годов. Знаменательным кажется, что использованное здесь местоимение «мы» имеет несколько граней интерпретации: оно маркирует не только принадлежность к элитарной группе писателей и критиков, но и принадлежность к поколению настоящего, обреченного на ветхозаветную гибель [Лаврова, 2018]. В этом свете особое напряжение приобретает оценка журнала «горячее, честное убеждение» и ключевые концепты статьи: «старость / увядание / смерть».

С другой стороны, возвращаясь к концепции Эдельсона 1850-х годов, мы видим в статье Ахшарумова своего рода голос читателя, восстающего против диктата критики. Этим отчасти объясняется отсутствие программы: Ахшарумов не претендует на построение канона, но, декларируя своей задачей «освобождение искусства», фактически ратует за освобождение читателя. Этим объясняется камерный характер осуществленного анализа и невыразительность общих выводов. Это была эпитафия направлению, школе и поколению.

«О порабощении искусства» не могло стать сколько-нибудь авторитетным высказыванием и явным образом не прибавило «личного капитала» имени Ахшарумова. Вместе с тем отказ «Отечественных записок» признать мнение критика исключал его из общей риторики журнала, а отсутствие сочувственных реплик позволяло «атаковать» статью Ахшарумова, не переходя на личности. Его статья, обеспечившая ему, по справедливой оценке Л. Соболева, «звание воинствующего защитника «искусства для искусства» [Соболев, 2002], стала удобным средством для ведения литературной полемики. Совершенно отстраняясь от сходства своей концепции и концепции Ахшарумова и признавая архаичность последней, Григорьев назовет ее «схоластической ерундищей», а самого Ахшарумова — «критиком, сильно хлопочущим об освобождении искусства от порабощения»⁹. Неожиданно солидаризируясь с Григорьевым, Писарев отнесет Ахшарумова к схоластикам XIX в. Нередко к цитированию «общих мест» статьи возвращался и Добролюбов.

Удивительна судьба статьи в контексте истории цензуры. В «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской

⁹ В отличие от Григорьева Б. Алмазов назвал статью Ахшарумова «превосходной». В то же время критик считал автором статьи не Николая, а Владимира Ахшарумова: «автора нескольких прекрасных стихотворений» (Б.Н. Взгляд на русскую литературу в 1858-м году // Утро. Литературный сборник. М., 1859. С. 85).

словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.», опубликованных под грифом «Секретно» для служебных нужд, сообщалось: «Весьма замечательна также, написанная в защиту свободного искусства статья г. Ахшарумова “О порабощении искусства” <...> Автор горько жалуется на существовавшее у нас тогда уже во всей силе отвлечение искусства от его истинных целей и приводит несколько весьма дельных фактов и соображений в доказательство необходимости, так сказать, эманципировать искусство»¹⁰.

Таким образом, дебютная статья сформировала репутацию Ахшарумова как представителя так называемого охранительного направления [Майорова, 1989; Козлов, 2015]. Попытка ревизии интеллектуально-критического пространства определила вторичность концепции Ахшарумова. В споре с Чернышевским и другими реалистами Ахшарумов не мог сказать «нового слова», поэтому «сбивался» на сказанное ранее и, как часто это бывает, не очень точно пересказывал содержание общеизвестных этапов.

Дальнейшее оформление его литературно-критической деятельности связано с выходом в свет литературного сборника «Весна» и активным участием в дискуссиях о задачах изящного искусства в 1860-е годы.

Список литературы

1. *Ахшарумов Н.Д.* О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. СХІХ. С. 287–325.
2. *Ахшарумов Н.Д.* Литературная критика и эстетика / Под ред. Н.В. Володиной, С.Ю. Лавровой, В.А. Веселовой. Череповец, 2019.
3. Белинский в оценке современников / Под ред. С. Ашевского. М., 1911.
4. *Володина Н.В.* Критерий пользы в оценке искусства русской литературной критикой 1860-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 172. № 20 (1). С. 93–107.
5. *Зельдович М.Г.* Судьба одной идеи (принцип объективного обоснования идеала в литературных дискуссиях 60-х годов XIX века) // Русская литература. 1973. № 2. С. 50–71.
6. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М., 2005.
7. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века // Эстетические идеи в России XIX века. СПб., 2009.
8. *Козлов А.Е.* К вопросу о литературной репутации Н.Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 30–35.

¹⁰ Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. СПб., 1865 (Типография Министерства внутренних дел [Секретно]). В.С. Нецаева атрибутирует эти записи В.Я. Фукусу [Нецаева, 1975].

9. Критика 60-х годов XIX века / Сост. Л.И. Соболева. М., 2002.
10. *Лаврова С.Ю.* Функциональный потенциал личного местоимения «мы» в литературной критике писателя-беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 1. С. 58–64.
11. *Майорова О.Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.
12. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.
13. *Печерская Т.И.* Разночинский дискурс русской литературы XIX века. Новосибирск, 2018.
14. «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. М., 2015.
15. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009.
16. *Bourdieu P.* Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field, Stanford University Press, 1996. (In English)

Alexey Kozlov

THE PRAGMATICS OF NIKOLAY AKSHARUMOV'S ARTICLE 'THE ENSLAVEMENT OF ART'

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyujskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

The article discusses pragmatics, strategies and tactics used by Nikolay Aksharumov in his manifesto 'The Enslavement of Art'. This so-called manifesto is Aksharumov's literature debut, where the young author makes an attempt to return to Belinsky style. However, experiencing "fear of influence", the novice critic rebels against the system created by Belinsky. At the beginning of the article Aksharumov ruminates over the definition of realism, following Proudhon and Courbet. After that he analyzes chronicles of evolution of Russian literature. Point of beginning is Pushkin. But after his death, from Aksharumov's standpoint, literature slides back towards degradation. It gets worse through Gogol, through a natural school. The only hope is the new works of Goncharov and Aksakov, but all this is perceived by the critic as part of enslaved art. Aksharumov considers the authoritarian teaching of the public erroneous. The solution is liberation of the reader. The only distinguishing path among the common places listed is the constant approval and hyperbolization of the state of decline in the literature. Aksharumov does not create a new model, but, turning to the negativistic pathos, makes an attempt to cross out the history of literature of the last decade. On the one hand, choosing the mask of an archaist, Aksharumov is close to radical deniers and nihilists. At

the end of the article, critical reception, the perception of the manifest by other critics and censors, is examined.

Key words: Russian journalism of the XIX century; history of journalism; literary reputation; Native Notes; criticism; Akhsharumov.

About the author: *Alexey Kozlov* — Senior Teaching Fellow, Department of Russian and Foreign Literatures, Theory of Literature and Methodology of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: alexeykozlov54@gmail.com).

References

1. Akhsharumov N.D. O poraboshchenii iskusstva [The Enslavement Art]. *Otechestvennye zapiski*. 1858. T. CXIX, pp. 287–325. (In Russ.)
2. Akhsharumov N.D. Literaturnaya kritika i estetika [Literature Criticism and Aesthetics]. Ed. N.V. Volodina, S. Ju. Lavrova, V.A. Veselova. Cherepovets: *Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet*, 2019, 426 p. (In Russ.)
3. Belinskii v otsenke sovremennikov [Belinsky According To Contemporaries]. Ed. S. Ashevsky. Moscow, 1911. 340 p. (In Russ.)
4. Volodina N.V. Kriterii pol'zy v otsenke iskusstva russkoi literaturnoi kritikoi 1860 [The Criterion of Usefulness in the Evaluation of Art in the Russian Literary Criticism of the 1860s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2018. T. 172. No 20 (1), pp. 93–1075. (In Russ.)
5. Zeldovich M.G. Sud'ba odnoi idei (printsip ob"ektivnogo obosnovaniya ideala v literaturnykh diskussiyakh 60-kh godov XIX veka) [About Principle of Objective Idealism in Literature Criticism of 60th of XIX]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1973. No 2, pp. 50–71.
6. Zyкова G.V. Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 [Poetics of The Russian Magazines 1830–1870]. Moscow, 2005, 204 p. (In Russ.)
7. Egorov B.F. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka [Aesthetic Ideas in Russia]. Saint-Petersburg, 2009. 664 p. (In Russ.)
8. Kozlov A.E. K voprosu o literaturnoi reputatsii N.D. Akhsharumova [To the Literary Reputation of Nicolay Akhsharumov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2015. No 1, pp. 30–35. (In Russ.)
9. Lavrova S. Yu. Funktsional'nyi potentsial lichnogo mestoimeniya “my” v literaturnoi kritike pisatelya-belletrista XIX veka N.D. Akhsharumova [The Functional Potential of the Personal Pronoun “We” in Literary Criticism of XIX cent. Writer and Novelist N.D. Akhsharumov]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No 1, pp. 58–64. (In Russ.)
10. Maiorova O.E. Akhsharumov Nikolai Dmitrievich. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. Moscow, 1989, pp. 131–132. (In Russ.)
11. Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh “Epokha”. 1864–1865 [The “Epoche” of Dostoevsky Brothers]. Moscow, 1975, 302 p. (In Russ.)
12. Pecherskaya T.I. Raznochinskii diskurs russkoi literatury XIX veka [Commoners Discourse of Russian literature]. Novosibirsk: *NSPU*, 2018, 202 p. (In Russ.)

13. Sobolev L.I. Kritika 60-kh godov XIX veka [Cryticism of 60th of XIX]. Moscow, 2002, 413 p. (In Russ.)
14. “Sovremennik” protiv “Moskvityanina». Literaturno-kriticheskaya polemika pervoi poloviny 1850-kh godov [“Sovremennik” protiv VS «Moskvityanina». Polemics of 1st part of 1850]. Ed. A.V. Vdovin, K. Yu. Zubkov, A.S. Fedotov. Moscow, 2015, 872 p. (In Russ.)
15. Eikhenbaum B.M. Lev Tolstoi: Issledovaniya [Reserches about Leo Tolstoy]. Saint-Petersburg, 2009, 952 p. (In Russ.)
16. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field, *Stanford University Press*, 1996, 409 p.

С.В. Алпатов

**«ПАПА РИМСКИЙ УМЕР»:
ИГРОВОЙ СЮЖЕТ И СЛОВЕСНАЯ ФОРМУЛА
В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Известная в Европе с середины XVII столетия детская игра “Light as a feather, stiff as a board” регулярно фиксируется исследователями русской традиционной культуры XX в. с характерными вариациями игрового сюжета и ключевой словесной формулы: «папа римский умер», «панночка помёрла» и т.п. С большой долей вероятности можно утверждать, что исследуемая игра бытовала в России уже на рубеже XIX–XX вв., о чем свидетельствуют не только прямое упоминание феномена Солженицыным в автобиографической поэме «Дороженька», но и цитирование заглавного топоса либо эксплуатация рифменной пары «умер — номер» в художественных текстах Б. Садовского, Анненского, Маяковского.

Популярность анализируемой игры в русском детском фольклоре обусловлена, с одной стороны, ее укорененностью в традиции святочных молодежных развлечений с мотивом «оживления покойника», с другой — связями с практиками советского уличного политического театра 1920–1930-х годов, и, наконец, выходом в прокат в 1967 г. кинофильма «Вий». В наши дни игра переживает очередной ренессанс благодаря интернет-публикации мистического романа Зои Орсен «Легкий как перышко» (2013), появлению в 2018 г. одноименного «хоррор»-сериала и тиражированию на youtube-каналах видеофиксаций детьми и подростками собственных игровых практик.

В свете сказанного возникают закономерные вопросы, во-первых, о причинах сохранности традиционного игрового сюжета на протяжении трех с половиной столетий, во-вторых, о факторах и механизмах варьирования вербальной составляющей детской игры, наконец, об изменении семантики и функций исследуемого фольклорного феномена в контексте массовой культуры XX в. и интернет-коммуникации наших дней.

Ключевые слова: детский фольклор; игра; топос; социокультурный контекст.

Алпатов Сергей Викторович — доктор филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alpserg19@yandex.ru).

Введение

Проблема форм бытования и функций фольклора в наши дни, в частности, вопрос о статусе фольклорных феноменов в интернет-пространстве, обретает особую актуальность в связи с изменением характера взаимодействия с сетевой средой рядового пользователя «всемирной паутины»: из потребителя цифрового контента он превращается в участника полноценной коммуникации, «топик стартера» или комментатора, носителя индивидуальной и вместе с тем типичной картины мира — полноправного представителя некогда «безмолвствующего большинства» демократической культуры, аутентичный голос прежде «безъязыкой улицы».

Анализ процессов экспансии устного слова и вернакулярных практик в сферу мультимедийных онлайн взаимодействий наиболее эффективно проводить на материале функционально дифференцированных и стилистически маркированных форм народной культуры. В этом смысле современный детский фольклор представляет исследовательское поле, характеризующееся следующими параметрами:

- включает фольклорные феномены, бытующие как оффлайн, так и онлайн;
- предполагает неотрефлексированное использование традиционного сюжетного, образного и жанрово-стилевого материала в интернет-коммуникации детей и подростков;
- выявляет меморативную и интегративную функции реплик детского фольклора доцифровой эпохи в социальных сетях, а также на локальных и тематических форумах взрослых пользователей;
- эксплицитно маркирует коммерческую эксплуатацию детского фольклора сетевыми агрегаторами страшного, смешного, «мимимишного» контента.

Настоящая статья представляет собой опыт анализа избранного сюжета детского игрового фольклора — «Папа римский умер; черти его хоронят» — в историко-культурной ретроспективе и в структуре современной сетевой коммуникации.

История игрового сюжета

Первая фиксация детской игры в «левитацию» / «оживление» умершего» принадлежит Сэмюэлю Пипсу, записавшему в дневнике 31 июля 1665 г.:

This evening with Mr. Brisband, speaking of enchantments and spells; I telling him some of my charms; he told me this of his owne knowledge, at Bourdeaux, in France. The words these:

Voyci un Corps mort,
Royde come un Baston,
Froid comme Marbre,
Leger come un esprit,
Levons to au nom de Jesus Christ.

He saw four little girles, very young ones, all kneeling, each of them, upon one knee; and one begun the first line, whispering in the eare of the next, and the second to the third, and the third to the fourth, and she to the first. Then the first begun the second line, and so round quite through, and, putting each one finger only to a boy that lay flat upon his back on the ground, as if he was dead; at the end of the words, they did with their four fingers raise this boy as high as they could reach [Pepys, 1665].

В современных англоязычных версиях игры сценарий с подъемом лежащего тела на кончиках пальцев сохраняется, однако усеченная заклинательная формула включена в каскад повторяемых хором реплик с последовательным описанием болезни, смерти и вознесения персонажа:

She's ill. She's ill. She's ill.
She's looking worse. She's looking worse.
She's dying. She's dying. She's dying.
She's dead. She's dead. She's dead.
Light as a feather, stiff as a board.
Light as a feather, stiff as a board.
— One, two, three!¹

В российской традиции второй половины XX — начала XXI в. игровой сюжет и ключевая формула сходны с европейским прототипом:

«Панночка» ложится на спину, остальные девочки садятся на корточки и подставляют под лежащую указательные пальцы рук. После этого все поочередно произносят примерно следующий набор реплик: «Панночка померла. Будем ее хоронить? Нет, пускай ее черти хоронят. Раз черт, два черт». После условленной последней фразы участники «обряда» поднимают «панночку» на пальцах. Если участники не выдерживают и начинают смеяться, задуманный подъем не получается. Принято считать, что без участия «нечистой силы» поднять человека указательными пальцами невозможно. Эта

¹ Видео “Light as a feather, stiff as a board (actually works)”, автор *ZombieSlayerz11* (2130 подписчиков). URL: https://www.youtube.com/channel/UCdJNOL_7-rJWm15s4H_R8lg (дата обращения: 24.03.2020).

магическая забава, по-видимому, навеяна фильмом «Вий» (1967) по одноименной повести Н.В. Гоголя. В данной магической забаве налицо все признаки сходства с распространенными в русской святочной традиции играми в покойника [Борисов, 2002: 61, 73].

В наши дни популярность исследуемой игры в европейской и российской детской аудитории обусловлена мощной поддержкой цифровых источников информации. В 2013 г. публикуется онлайн мистический роман Зои Орсен «Легкий как перышко» [Arsen, 2013], в 2018 г. выходит в свет одноименный телесериал в жанре «хоррор», что в свою очередь стимулирует тиражирование на youtube-каналах видеороликов с фиксациями подростками собственных игровых практик. При этом в отечественной традиции наряду с частотными инципитами «панночка помэрла», «папа римский умер» встречаются и более редкие: «умер поп», «умер царь», «черт подох», «мать чертей умерла». Столь широкое варьирование словесных формул игрового ритуала можно было бы объяснить факторами сетевой коммуникации, хаотично интегрирующей серийные и уникальные источники. Однако сходные процессы творческой контаминации фиксируют и воспоминания об устном каноне игр советской эпохи². Тем самым перед исследователем встает вопрос о факторах сохранности и о механизмах варьирования игрового сюжета и его вербальной составляющей в отечественной традиции [Леонова, 2008].

Формы и факторы варьирования игрового сюжета и словесной формулы

Референтным текстом, определяющим нижнюю временную границу и историко-культурный контекст бытования игры в России, является фрагмент автобиографической поэмы Солженицына «Дороженька»:

Там в гостинной,
Ещё сойдутся танцевать,
Олег Иванов меж гостями
Разыщет жертву — полной даме
Платком глаза схватят плотную,
И все, как дети, врассыпную, —
Бродить на ощупь в Опанаса,
Шарады в лицах представлять
И в Папу Римского играть

[Солженицын, 2016: 64].

² «В моем пионерлагере это звучало так: “Папа римский умер, черти его хоронят, он легок как пушинка, давайте его поднимем”» URL: http://forums.kuban.ru/f1048/artefakty_ili_fotoshop-3711946.html (дата обращения: 24.03.2020).

Воспроизводя по памяти детские впечатления 1920-х годов («В разгаре ужин был, но спать / Нас с Мишей слали со середины»), автор отмечает характерный сдвиг семантики игр в жмурки («Опана-са») и гляделки («Папу Римского»³): «детские» развлечения взрослых имеют специфические — состязательный и эротический — оттенки. Очевидно, что в начале XX в. искомая детская и документированная молодежная версии игры сосуществовали в смежных возрастных регистрах традиционной культуры, а процитированный «похоронный» топос («Папа римский болен, папа римский умер...») свободно мигрировал из одного игрового сюжета в другой.

Попытки найти синхронные варианты к зафиксированному Солженицыным игровому контексту, а также проследить предысторию топоса дают любопытные и вместе с тем неоднозначные результаты, требующие дальнейшего анализа и интерпретации.

Прежде всего, укажем на использование исследуемого топоса Б. Садовским в рассказе «Яблочный царек» (1911) в качестве расхожей формулы для апокалиптических слухов: «Старухи померли давно, помер и Агафон, и только Василий Иванович по-прежнему, как заговоренный, жив и по-прежнему всматривается через окно в небесные пространства тупым одичалым взором. И так же всё летит змей-время, разевая черную пасть: слышно, папа римский помер, бомбой царя убили, объявился в Кронштадте чудотворец» [Садовской, 1990: 268].

Практически одновременно возникает пародия Маяковского на строчку Крученых («Молитесь, молитесь: он не умер») из поэмы «Мирсконца» (1912): «Молитесь, молитесь: папа римский умер, прищепив на пуп номер» [Ziegler, 1978: 10], в структуре которой помимо анализируемой игровой формулы задействована рифменная пара, известная также по стихотворению «Зимний сон» Анненского: «Вот газеты свежий номер, <...> / Несомненно, что я умер» [Анненский, 1990: 176].

Та же рифменная пара фиксируется в черновом варианте стихотворения Некрасова «Всевышней волею Зевеса» (1857), где между первым и вторым куплетами были строки: «Клейнмихель прочь, Перовский умер... номер» [Максимович, 1949: 309].

Стабильность гротескной рифменной пары может означать как ее независимое функционирование в сфере литературно-бытового и

³ «Играющие в Папу Римского становятся спиной друг к другу. Затем медленно оборачиваются, глядят глаза в глаза, и один печально сообщает: “Папа Римский болен” или даже: “Папа Римский умер”. Другой должен так же печально кивнуть — не фыркнуть, не засмеяться, не скорчить гримасу. Иначе он проиграет» [Солженицын, 2016: 421].

фольклорного глума XIX—XX вв., так и инкорпорированность в круг народных игр с клерикальными персонажами («Игумен», «Вкруг келейки хожу») [Морозов, Слепцова, 2004: 446—451], а, сверх того, особую связь с «папским текстом» европейской сатиры рассматриваемого периода. В этом контексте следует упомянуть фигуры тезоименитых римских понтификов Пия IX (1792—1878)⁴, Пия X (1903—1914)⁵ и Пия XI (1922—1939)⁶, несомненно, повлиявших на формирование еще одного советского мема: «Ей-богу! И папа римский может подтвердить...» [«Начало карьеры» // Гудок, 16.01.1927]; «А кто брал? Папа римский брал?..» [Евгений Петров, Илья Ильф «Золотой теленок» (1931)]⁷.

Специфический синтез игровых сюжетов и топики традиционного хоровода с образами и мотивами советского уличного политического театра отразил 1 мая 1933 г. в своем дневнике двадцатилетний Аркадий Маньков:

«Я на демонстрации. <...> Работницы собираются небольшими группами, поют песни, развлекаются пляской. В центре тесного круга танцевали парень и девушка. Парень выделял ловкие крендели ногами, девушка, покрасневшись, упершись руками в бедра, бесшумно скользила вокруг, когда к этой группе подъехал агитавтомобиль. С него спрыгнул парень, пролез в середину круга и звучно крикнул: «Товарищи, сейчас мы организуем с вами коллективные игры. Возьмитесь все за руки и встаньте в круг. Понятно? Ну, вот. Сперва сыграем в Папу Римского». По моему свистку вы пойдете вправо по кругу, будете притоптывать и петь: «Папа, папа Римский, стой, папа, топни ногой». В это время я даю свисток, вы повернетесь и пойдете в обратную сторону с той же песней. Понятно? Начинаем», — махнул рукой он в сторону автомобиля. Оттуда заиграла гармоника. Свисток. Работницы пошли в круг одна за другой: «Папа, папа Римский, стой, папа, топни ногой», — тягуче запели они. Но игра, не успев возникнуть, зачухла. Кто-то предложил танцевать под гармонь — моментально круг расширился почти во всю набережную» [Маньков, 1994: 143].

Сценарий агитспектакля, очевидно, инверсирует структуру народных игр типа «Похороны Костромы»: в оригинале мифо-

⁴ Провозгласил догмат о непогрешимости папы; самый долгий понтификат.

⁵ Кончина понтифика (20.08.1914) пришлось на начало Первой мировой войны.

⁶ Ср. «1922 6 января. Завтра Рождество. Был в церкви у всенощной: полна народом. В Саратов пришло 30 вагонов муки — дар Папы Римского» [Ситников, 1999]. URL: <http://prozhito.org/note/36342> (дата обращения: 24.03.2020).

⁷ Цит. по базе «Национальный корпус русского языка». URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 24.03.2020).

логический персонаж сначала заболевает, ложится и умирает, а в конце игры к нему обращаются с призывом встать и сплясать — подтвердить свою жизнеспособность; в приведенной цитате «Папа Римский» сперва бодр и топает ногой, но вероятным финалом его игровой биографии будет «отпевание» и «похороны [чертями]».

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что приведенные акциональные и вербальные контексты, использующие архетипические мотивы смерти и воскресения титульного персонажа в целях пародии либо сатиры, демонстрируют богатство историко-генетических связей исследуемого топоса и требуют дальнейших разысканий в области фольклорно-литературных взаимодействий XIX—XX вв. с целью выявления механизмов преобразования семантики и прагматики фольклорного текста в иных социокультурных регистрах.

Эволюция семантики и функций традиционной игры в условиях интернет-коммуникации

Исследования последних десятилетий убедительно показывают, что изучаемый игровой феномен стабильно сохраняет свою структуру и функции как в российской, так и в зарубежных фольклорных традициях: “folk illusions involving some kind of levitation include a performance position that distributes the actor’s weight, and they include a verbal component that categorizes the lifting of the actor as abnormal and mysterious. While performance positions within the type are relatively stable, the verbal components show more variation, but even those variants are culturally restricted. That is, the verbal component’s theme must promote communal belief in the actuality of the unseen, mysterious forces that allow levitation to occur” [Barker, Rice, 2012: 461–462]. При этом интерпретация семантики рассматриваемой игры как ритуала левитации поддерживается архетипическими сюжетами о смерти мифологического персонажа⁸ и современными нарративами о детях, играющих со смертью [Tucker, 2007: 50–51].

Сравнение оффлайн и онлайн опыта поколения миллениалов в отношении игры “Light as a feather, stiff as a board” демонстрирует

⁸ См. АТУ 113А *Pan is Dead*: герой по дороге слышит голос, оплакивающий смерть локального божества (Пана в пересказе Плутарха; короля кошек в немецкой хронике XVI в.) либо просящий путника передать печальную весть в соседнее село (английские, немецкие, венгерские, чешские, польские, скандинавские, финские, прибалтийские, севернорусские былички с формулами типа «скажи Агафье, стогафья умерла», «скажи окутихе, остожиха умерла») [Hansen, 2002: 131–136; Алпатов, 2016: 735–737].

стабильную популярность феномена и в реальной, и в виртуальной коммуникации, а также сохранение таких социокультурных констант, как игровой хронотоп (школьная и спортивная рекреации, загородные лагеря, подростковые вечеринки без взрослых), девичья аудитория игры, традиционные заклинательные формулы. Вместе с тем исследователями отмечается растущее значение нарративного компонента: в онлайн формате игровой опыт регулярно дополняется изложением мотивирующих мистических историй [Tucker, 2007: 56–58].

Сходные эволюционные процессы демонстрируют бытующие в российском секторе всемирной паутины варианты текстов с титульными топосами «Папа римский помер» и «Панночка помэрла». Наряду с изложением правил проведения игрового ритуала или демонстрацией собственной игровой практики в Сети все чаще появляются видеоклипы развлекательного характера с пугающей или интригующей стилистикой, имитирующие трансляцию реального «мистического» опыта: «Здравствуйте, с вами Мастер. Я до сих пор в отъезде, поэтому эту историю мы пишем на дохленький диктофон. Не судите строго качество звука. Просто мне не хочется оставлять вас без историй надолго, а еще мой случайный попугачик рассказал мне об одной очень забавной игре...»⁹

Очевидно, что замогильный голос диктора, кровавые потеки в финальных титрах, мимикрия рядового фольклорного и сетевого контента под свежую «дорожную историю» выполняют функции совершенно отличные от функции детских игр: не совместное проживание сверстниками общего психоэмоционального опыта, но выпуск взрослым интернет-пользователем серийного медиапродукта в срок, обеспечивающий контроль числа подписчиков и эффективную отдачу от размещенной на канале рекламы. При этом автор коммерческого сетевого продукта заведомо воспроизводит собственные «фирменные» жанрово-стилевые паттерны «от Мастера» даже в том случае, когда они противоречат исконной семантике и прагматике эксплуатируемого фольклорного материала.

Заключение

Проведенный анализ ключевых этапов истории и форм современного бытования популярной детской игры «Папа римский

⁹ Видео «Панночка помэрла (the real story)», канал «Самые Страшные Истории (от Мастера)» (2600 подписчиков) <https://www.youtube.com/channel/UCmUYJgSD-FG6arPzIIOVttEA> (дата обращения: 24.03.2020).

умер; черти его хоронят» позволил не только выявить механизмы сохранения традиционного игрового сюжета и варьирования его вербальных клише на протяжении трех с половиной столетий, но и обозначить факторы изменения семантики и функций исследуемого фольклорного феномена в контексте массовой культуры XX в. и интернет-коммуникации XXI в.

Список литературы

1. Алпатов С.В. Топика русских стихотворных фацетий XVIII в. в контексте фольклорной традиции Нового времени // *Slavia Orientalis*. 2016. Т. 65. № 4. С. 733–739.
2. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
3. *Борисов С.В.* Мир русского девичества 70–90-х гг. XX в. М., 2002.
4. *Леонова Б.М.* «Черти хоронят Римского Папу» (К вопросу об архаических моделях в детском фольклоре Нового времени) // Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Сборник научных статей. Орел, 2008. С. 64–69.
5. *Максимович А.* Некрасов — участник «Свистка» // Литературное наследство. Т. 49–50. М., 1949. С. 299–348.
6. Маньков А.Г. Из дневника рядового человека // *Звезда*. 1994. № 5. С. 134–183; 1995. № 11. С. 167–199.
7. *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
8. *Садовской Б.А.* Лебединые клики. М., 1990.
9. Ситников В.Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя 1918–1931 годы / Публ. Ю. Песикова. Саратов, 1999.
10. *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 18: Раннее. М., 2016.
11. *Aarsen Z.* Light as a feather, stiff as a board. Wattpad story. 2013. URL: <https://www.wattpad.com/story/5949534-light-as-a-feather-stiff-as-a-board> (дата обращения: 24.03.2020).
12. ATU — *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Helsinki, 2004. Vol. I–III.
13. *Barker K.B., Rice C.* Folk Illusions: An Unrecognized Genre of Folklore // The Journal of American Folklore. 2012. Vol. 125. № 498. P. 444–473.
14. *Hansen W.* Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature. Ithaca 2002.
15. *Pepys S.* Diary, July 1665. URL: <http://www.gutenberg.net/4/1/5/4157/4157.txt> (дата обращения: 24.03.2020).
16. *Tucker E.* Levitation revisited // Children's Folklore Review. 2007. Vol. 30. P. 47–60.
17. *Ziegler R.* Briefe von A.E. Kručenyh an A.G. Ostrovskij // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 1. 1978. S. 5–22.

Sergey Alpatov

**‘POPE IS DEAD’: CHILDREN’S GAME PLOT
AND THE VERBAL TOPOS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Well known in Europe since the mid-17th century, the children’s game “Light as a feather, stiff as a board” is regularly recorded by researchers of Russian children’s folklore with versions of the game’s plot and of the verbal formula: “the pope is dead”, “the princess is dead”, etc. With a high degree of probability it can be argued that the game has existed in Russia since the middle of the 19th century as evidenced by quoting the title topos or its rhyme pattern in the texts by Nikolai Nekrasov, Boris Sadovsky, Innocent Annensky, Vladimir Mayakovsky and Alexander Solzhenitsyn. Besides the hypothetical European sources popular Russian children’s game is rooted in the domestic tradition of Christmas folk performances with the motive of “reviving the dead”, in the plays of the Soviet street political theater of the 1920–1930s, and, finally, in the mystical movie “Wij” (1967). Nowadays, the game is experiencing another renaissance thanks to the online publication of the novel “Light as a Feather” (2013) by Zoe Aarsen, the release in 2018 of the TV-horror of the same name, and the video recordings by teenagers of their game practices on YouTube. The paper discusses reasons for the preservation of the traditional game’s plot over the past three centuries, factors for varying verbal components of the game, and changes in the semantics and functions of the folklore phenomenon in the context of mass culture and on-line communications of the present day.

Key words: children’s folklore; game; topos; social and cultural context.

About the author: *Sergey Alpatov* — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Russian Folklore, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alpserg19@yandex.ru).

References

1. Alpatov S.V. Topika russkih stihotvornyh facecij XVIII v. v kontekste fol’klornoj tradicii Novogo vremeni [Topoi of Russian poetic facies of the 18th century in the context of the folk tradition of Modern Times]. *Slavia Orientalis*. 2016. T. 65. № 4. S. 733–739. (In Russ.)
2. Annenskij I.F. *Stihotvorenija i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad: Sovetskij pisatel’, 1990. (In Russ.)
3. Borisov S.V. *Mir russkogo devičestva 70–90-h gg. XX v.* [The world of Russian girlhood 1970–90-ths.] Moscow: Lodomir, 2002. (In Russ.)
4. Leonova B.M. “Cherti horonjat Rimskogo Papu” (K voprosu ob arhaicheskikh modeljah v detskom fol’klore Novogo vremeni) [“The devils bury the Pope” (On the question of archaic models in children’s folklore of the New Age)].

- Problemy izuchenija fol'klora i russskoj duhovnoj kul'tury*. Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sbornik nauchnyh statej. Orel: Orlovskij gosudarstvennyj universitet, 2008. (In Russ.)
5. Maksimovich A. Nekrasov — uchasnik “Svistka” [Nekrasov — participant of the “Whistle”]. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 49–50. Moscow: AN SSSR, 1949. S. 299–348. (In Russ.)
 6. Man'kov A.G. Iz dnevnika rjadovogo cheloveka [From the diary of an ordinary person]. *Zvezda*. 1994. № 5. S. 134–183; 1995. № 11. C. 167–199. (In Russ.)
 7. Morozov I.A., Slepцова I.S. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'anina (XIX–XX vv.)*. [The circle of the game. Feast and game in the life of a North Russian peasant (XIX-XX centuries)]. Moscow: Indrik, 2004. (In Russ.)
 8. Sadovskoj B.A. *Lebedinye kliki* [Swan calls]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. (In Russ.)
 9. Sitnikov V.N. *Perezhitoe: Dnevnik saratovskogo obyvatelja 1918–1931 gody* [Experienced: Diary of the Saratov layman 1918–1931 years]. Publ. Ju. Pesikova. Saratov: Slovo, 1999. (In Russ.)
 10. Solzhenicyn A.I. *Sobranie sochinenij v 30 tt.* [Collected Works in 30 vols.] T. 18. Rannee. Moscow: Vremja, 2016 (In Russ.)
 11. Aarsen Z. *Light as a feather, stiff as a board*. Wattpad story. 2013. URL: <https://www.wattpad.com/story/5949534-light-as-a-feather-stiff-as-a-board> (дата обращения: 24.03.2020).
 12. ATU — Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Helsinki, 2004. Vol. I–III.
 13. Barker K.B., Rice C. Folk Illusions: An Unrecognized Genre of Folklore. *The Journal of American Folklore*. 2012. Vol. 125. No. 498. P. 444–473.
 14. Hansen W. *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, Cornell University Press, 2002.
 15. Pepys S. *Diary*, July 1665. URL: <http://www.gutenberg.net/4/1/5/4157/4157.txt> (accessed: 24.03.2020).
 16. Tucker E. Levitation revisited. *Children's Folklore Review*. 2007. Vol. 30. P. 47–60.
 17. Ziegler R. Briefe von A.E. Kručenyh an A.G. Ostrovskij. *Wiener slawistischer Almanach*. Bd. 1. 1978. S. 5–22.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т.Р. Беляева

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕНАУЧНОЙ (АКАДЕМИЧЕСКОЙ) ЛЕКСИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ШКОЛЫ АНГЛИСТИКИ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Идея данной статьи продиктована не только актуальностью темы в свете вновь возросшего в последние годы в лингвистике внимания к лексике языка науки (в особенности общенаучной или академической, являющейся важной составляющей профессионального лексикона), но и соблазном в очередной раз проиллюстрировать, что «нет ничего нового под солнцем <...> это было уже в веках, бывших прежде нас». Многие проблемы современной англистики, касающиеся большого и малого синтаксиса, морфологии, лексикологии, лексикографии, а также методологии преподавания английского языка специальности и важного в связи с этим вопроса функционирования общенаучной лексики в разных областях научного знания, были не просто поставлены, но нередко и основательно изучены в работах отечественных лингвистов, в том числе представителей школы англистики МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора О.С. Ахмановой. Часть работ, опубликованных малыми тиражами в конце 1960 — начале 1980 г., не переиздавались, став поэтому малоизвестными. Возвращение в академический обиход этих материалов, представляющих значительную научную ценность и не потерявших своей актуальности, весьма своевременно: сочетание традиционных исследовательских подходов и новаторских методов корпусной лингвистики предоставляет возможность не только верифицировать выводы лингвистов «докорпусной» эпохи репрезентативной базой материалов, но и реализовать наиболее эффективную методологическую модель профессионально-ориентированной языковой подготовки молодых ученых, профессиональный успех и карьерный рост которых во многом зависят от свободного владения словарным составом английского языка специальности, включая способность эффективно использовать его в устной и письменной речи.

Беляева Татьяна Рафаэловна — соискатель кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: t.r.belyaeva@gmail.com).

Ключевые слова: общенаучная лексика; академическая лексика; школа англистики МГУ; методология исследования.

Общепризнанная роль английского языка как средства международного научного общения ставит его изучение по степени важности на один уровень с освоением узкопрофильных дисциплин будущей специальности на неязыковых факультетах высших учебных заведений: владение английским языком профессиональной направленности позволяет ученым транслировать мировому сообществу достижения российской науки в разных ее областях, что, безусловно, значимо для страны в целом.

Современное положение дел, когда «функционализм стал неотъемлемой частью лингвистических исследований в новом веке» [Александрова, 2018: 21], закономерно актуализирует многие вопросы языкознания, напрямую связанные с методологией преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах вузов и ранее основательно изученные отечественными лингвистами, создавшими фундаментальную теоретическую базу [Александрова, Гвишиани, 1987], которая сегодня, благодаря появлению электронных лингвистических корпусов разнообразной тематической и дисциплинарной направленности, получает эмпирическое подкрепление в виде научных данных о языковых реалиях, отличающихся высокой степенью репрезентативности. Представляется, что сочетание традиций и новаторских подходов дает возможность создания и реализации эффективной методологии языковой подготовки будущих специалистов в современных условиях.

Представители школы англистики МГУ имени М.В. Ломоносова были в числе первых, кто в 1960-е годы начал изучение научного стиля речи, что было обусловлено «прежде всего практической задачей поднять уровень преподавания английского языка специальности на нелингвистических факультетах МГУ и в вузах страны в целом» [Полубиченко, 2019: 27]. Вполне закономерно работы школы, основа которой была сформирована О.С. Ахмановой на идеях А.И. Смирницкого, были посвящены анализу лексики языка науки, так как только «подойдя к лексике как к системе и изучив ее как систему, можно должным образом выделить в ней существенное и характерное и описать ее состав...» [Смирницкий, 1956: 7]. Данный подход к исследованию больших массивов текстов привел к выделению в лексике научной речи не только английского, но и вообще любого языка, трех общепризнанных сегодня слоев: 1) общеупотребительного; 2) собственно терминологического и 3) общенаучного, состоящего из единиц лексики, используемой «в научных

текстах всех областей знания» [Кожина, 2003: 258], и занимающего почти такой же объем, как и терминологический. Методика данной стратификации подробно описана членами школы в коллективной монографии [Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования, 1974].

Учитывая некоторую условность проведенных разграничений, вытекающую из гибкости и динамичности развития языка, наиболее сложной проблемой для исследователей оказалось определение критериев отмежевания общеупотребительной лексики от общенаучной, так как слова широкой семантики при использовании в языке науки либо полностью, либо частично меняют свое общеупотребительное значение.

Коллективом ученых под руководством О.С. Ахмановой было установлено, что для общенаучной лексики в научных текстах характерна тематическая организация: исходя из логики поэтапности научного познания, было выделено шесть семантических полей — приобретение знаний, предвидение и перспективы, организация и систематизация материала, измерение и проверка, выводы, передача знаний [Шубова, 1969: 160]. Отмечалось, что лексические единицы, организованные подобным образом, «связывают любые научные тексты в силу того, что они отражают и изображают процесс научной деятельности вообще, безотносительно к конкретной науке. Единство этих шести смысловых групп слов проявляется, в частности, в том, что одно и то же слово может входить в разных значениях, характерных для научного текста, более чем в одну группу слов» [Рождественский, 1987: 68]. Тематическая классификация общенаучной лексики позволила поставить целый ряд вопросов: о взаимозаменяемости слов определенной тематической группы, контекстуальной синонимии, корреляционных отношениях слов внутри одной тематической группы и др.

Дальнейший процесс систематизации и категоризации лексического материала потребовал исследования семантических, морфологических и синтаксических характеристик различных частей речи в составе общенаучной лексики в аспекте их функционирования в текстах из разных областей научного знания.

Для начала в качестве основного объекта исследования был выбран глагол, так как «именно глагол является наиболее общим и адекватным способом выражения синтаксической предикации» [Глушко, 1977: 122]. На примере 18 общенаучных английских глаголов, относящихся к тематической группе организации и систематизации научных знаний (*adjust, arrange, classify, etc.*) [Шубова, 1972],

были наглядно продемонстрированы влияние морфосинтаксических особенностей глагола на изменение его общеупотребительной семантики (в пассивных или медиопассивных оборотах), а также семантические различия при функционировании в текстах разных наук (психологии, с одной стороны, и таких естественнонаучных дисциплин, как физика, математическая логика, химия и химическая физика, с другой).

Аналогичные выводы о различиях в семантике глагола в активных и пассивных оборотах сделаны на примере функционирования в языке физики 47 английских общенаучных глаголов двух других тематических групп — приобретения знаний и передачи знаний [Хомутова, 1972], каждая из которых, в свою очередь, была подразделена на пять и четыре семантические подгруппы, соответственно: *see, obtain, understand, study, think and show, illustrate, discuss, mention* (и их синонимы).

На материале научно-технических текстов были детально изучены и проиллюстрированы случаи семантических сдвигов лексических единиц, представленных различными частями речи, в результате: 1) терминологизации слов общего языка; 2) образования словосочетаний с другими лексическими единицами; 3) изменения системы глагольного управления; 4) дивергентного словообразования; 5) определенных морфосинтаксических отношений и др. [Долгополова, 1973]. В качестве критериев истинности реализации такого смещения принимались частотность употребления словоформ, их синтаксическое функционирование, морфологическое строение и лексико-семантический характер, демонстрирующие специфику конверсии семантики общенаучной лексики в языке науки.

Подобные исследования обратили внимание ученых, во-первых, на необходимость более подробного изучения особенностей семантики общенаучной лексики, а, во-вторых, на полное или частичное отсутствие лексикографического отображения интеллективного значения общенаучной лексики как в русскоязычной, так и в англоязычной справочной литературе, что очевидным образом осложняло выполнение перевода научных текстов и побудило к работе по созданию «Словаря общенаучной лексики» под руководством Ю.В. Рождественского.

Важным шагом в исследовании общенаучного лексического слоя стало его рассмотрение как «системы морфонологических отношений, объединяющих глаголы, существительные и прилагательные научного текста» [Миндели, 1987: 82]. Сопоставляя лексику матема-

тических и языковедческих текстов, автор выявляет так называемые триады глагольной, именной и адъективной репрезентаций одного и того же содержания (например: *to elaborate — elaboration — elaborate, to explain — explanation — explanatory* и т.д.) и устанавливает системный характер общенаучной лексики, «так как и глаголы, и существительные, и прилагательные достаточно четко укладываются в семантически единую, внутренне упорядоченную систему содержательных отношений» [Миндели, 1987: 81]. Обобщая полученные результаты, автор отмечает, что лексические единицы со значением «представление результатов исследования, передача информации» «как бы находятся на грани между общенаучной лексикой и лексикой новой научной дисциплины «науки о науке» (“*the science of science*”) как раздела семиотики, надстраивающейся над всеми остальными науками» [Миндели, 1987: 83].

Основополагающим принципом школы англистики МГУ с самого начала было немедленное внедрение результатов теоретических работ в практику. Все методики преподавания иностранного языка разрабатывались «исходя из реальных потребностей обучаемых (*student-oriented approach*), что полностью отвечает современным требованиям личностно-ориентированной педагогики» [Полубиченко, 2019: 28]. Так, полученные результаты исследований общенаучной лексики были в том числе реализованы в учебном пособии *What Is the English We Use?* [Akhmanova, Idzelis, 1978], представляющем полную характеристику научного стиля речи филолога на английском языке.

По мере изучения научного стиля изложения и преподаватели, и исследователи стали обращать все больше внимания на семантические различия в функционировании общенаучных лексических единиц в научно-техническом и научно-гуманитарном стилях изложения. Л.В. Полубиченко отмечает, что преподавателям английского языка, работающим в неязыковых вузах, «... на первых порах кажется, что самое сложное — это усвоить незнакомую лингвистам специальную терминологию, но со временем — могу утверждать это по собственному многолетнему опыту и опыту своих коллег — на первый план постепенно выходит разница в употреблении в разных языках для специальных целей общей, как принято считать, для всех наук общенаучной лексики» [Полубиченко, 2019: 28].

Различия такого рода становятся особенно очевидными при переходе на синтагматический уровень анализа — от изучения моноксемных единиц к анализу полилексемных образований. Заложены А.И. Смирницким [Смирницкий, 1957] и О.С. Ахмановой

[Ахманова, 1950] общие методологические основы изучения словосочетаний в англистике были развиты в работах уже нескольких поколений ученых, принадлежащих к школе англистики МГУ (С.Г. Тер-Минасовой, Н.Б. Гвишиани, З. Барейките, С.Т. Богатыревой и др.).

Изучению широко представленных в языке науки синтагматических последовательностей, образованных сложными «сцеплениями» именных и адъективных элементов, где в качестве одного или нескольких компонентов выступают единицы общенаучной лексики, исследователи уделили особое внимание, так как было замечено, что их роль важна для передачи в краткой форме сложных понятий, многие из которых входят в терминологическую базу конкретной научной области знания [Ахманова, 1958, 1974; Тер-Минасова, 1970].

При разработке методологии создания словника общенаучной лексики для дисциплин политэкономической направленности за основу был взят принцип возрастания связанности общенаучного слова с окружающим его контекстом [Кулик, 1987]. На основании сопоставительного анализа текстов по политэкономии и языкознанию автор выделяет базовые единицы общенаучной лексики, иллюстрируя при этом некоторые дисциплинарные различия в ее функционировании, а также обращая особое внимание на терминообразующую функцию общенаучной лексики.

Синтагматический подход к изучению языка науки получил дальнейшее развитие в работе А.П. Миньяр-Белоручевой [Миньяр-Белоручева, 1987]. На материале текстов исторических наук автор выделяет два вида предельных синтагматических последовательностей, вводя тем самым в научный обиход понятия «общенаучные предельные синтагматические последовательности» (*to express the outlook, basic theory, etc.*) и «специально-научные предельные синтагматические последовательности», создающиеся «соположением общенаучных исторических единиц и исторических терминов» (*materialist theory; revolutionary theory, etc.*). Изучение общенаучных и специально-научных синтагматических последовательностей получило дальнейшее развитие в исследованиях подъязыков искусствоведения и политологии.

Суммируя основные вехи развития лексикологии научной речи в рамках школы англистики МГУ, можно утверждать, что еще задолго до появления методов корпусной лингвистики изучение общенаучных лексических единиц проводилось в их естественной языковой среде — в научном тексте, что и позволило получить ре-

альную картину их функционирования и выработать определенные исследовательские подходы к проблемам, формулировкой и решением которых западные лингвисты начали основательно заниматься только лишь с появлением в лингвистике корпусных технологий. Именно последние позволяют сегодня создавать базовые списки общенаучной (академической) лексики и «педагогические» списки лексических минимумов по отдельным дисциплинам и областям научного знания, развивать синтагматический подход к изучению академической лексики. Достижения отечественной школы, тем самым, позволили ей влиться в мировой процесс всеобщей компьютеризации и цифровизации и в рамках «новой лингвистической парадигмы» [Гвишиани, Герви, 2001: 60] продолжить исследования уже на более высоком уровне репрезентативности, достигая существенных результатов.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Изучение языка в новых условиях знания о нем и его функционировании // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2018. № 32. С. 20–25.
2. *Александрова О.В., Гвишиани Н.Б.* Аксиология и методологические проблемы изучения языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1987. № 5. С. 46–53.
3. *Ахманова О.С.* Словосочетание в современном английском языке // Известия АН СССР. М., 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 476–491.
4. *Гвишиани Н.Б., Герви О.Ю.* Корпусная лингвистика и грамматика речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2001. № 2. С. 46–62.
5. *Глушко М.М.* Синтактика, семантика и прагматика научного текста. М., 1977.
6. *Долгополова И.М.* Смещение лексических единиц в стиле научного изложения: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1973.
7. *Кожина М.Н.* (ред.) Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.
8. *Кулик Л.В.* Состав и функции общенаучной лексики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.
9. *Миндели Е.И.* Принципы стратификации лексики в научном тексте. М., 1978. С. 91–99.
10. *Миндели Е.И.* Словарный состав научного текста как предмет тематического, морфонологического и морфосинтаксического изучения // Теория и практика английской научной речи / Под ред. М.М. Глушко. М., 1987.
11. *Миньяр-Белоручева А.П.* Предельные синтагматические последовательности в научных исторических текстах: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.

12. *Полубиченко Л.В.* Общенаучная лексика в составе научного дискурса: новые возможности изучения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2019. Т. 16. Вып. 1. С. 26–30.
13. *Рождественский Ю.В.* Словарное «хозяйство» и развитие языка // Теория и практика английской научной речи / Под ред. М.М. Глушко. М., 1987. С. 62–77.
14. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / Под ред. В.В. Пасека. М., 1956.
15. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
16. *Тер-Минасова С.Г., Гвишиани Н.Б.* К вопросу об эвристике словосочетания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1975. № 6.
17. *Тер-Минасова С.Г.* Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о «логике языка»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970.
18. *Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования* / Под ред. О.С. Ахмановой, М.М. Глушко. М., 1974.
19. *Хомутова Е.В.* Глаголы со значением передачи и приобретения знаний в научном языке современной физики: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1972.
20. *Шубова Н.А.* Глаголы со значением организации и систематизации материала в научном тексте // Место терминологии в системе современных наук: Тез. докл. и сообщ., 24–27 дек. 1969 г. М., 1969. С. 158–160.
21. *Шубова Н.А.* Лексика общенаучного текста. Тематическая группа глаголов организации и систематизации материала как стадия научного исследования: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.
22. *Akhmanova O.* Lexical and Syntactical Collocation in Contemporary English // Zeitschrift fur Anglistik und Amerikanistik. 6, 1, 1958. P. 14–21.
23. *Akhmanova O.S., Idzelis Rolandas F.* What is the English We Use? М., 1978.
24. *Word Combination: Theory and Method* / Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1974.

Tatiana Beliaeva

APPROACHES TO STUDYING GENERAL SCIENTIFIC VOCABULARY IN LOMONOSOV MOSCOW UNIVERSITY'S SCHOOL OF ANGLISTICS

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The idea of this article emerged in response to the renewed linguists' attention to the general scientific vocabulary, the essential component of professional lexicon. Many aspects of modern English, including academic vocabulary, in various disci-

plinary fields, have been greatly studied by Lomonosov Moscow State University's School of Anglistics under the supervision of the late Professor Olga Akhmanova. Some of the works published between the late 1960's and early 1980's have not been reprinted and are scarcely known today. The retrieval of these academically valuable materials is expedient and timely, in the age of new possibilities offered by corpus linguistics. The combination of traditional research approaches and innovative corpus linguistics methods provides an excellent opportunity not only to verify the findings of the "pre-corpus era", but also to implement the effective methodological model of professionally oriented language teaching aimed at young scientists, whose professional success and career growth largely depend on their fluency in academic English, including extensive knowledge of the vocabulary of their specialty.

Key words: general scientific vocabulary; Lomonosov Moscow State University's School of Anglistics; methodology of research.

About the author: *Tatiana Beliaeva* — PhD Student, English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: t.r.belyaeva@gmail.com).

References

1. Aleksandrova O.V. Izuchenie yazyka v novykh usloviyakh znaniya o nem i ego funktsionirovani [Language Research Within New Approaches to Its Knowledge and Functioning]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, № 32, pp. 20–25. (In Russ.)
2. Aleksandrova O.V., Gvishiani N.B. Aksiologiya i metodologicheskie problemy izucheniya yazyka [Axiology and methodological problems of language learning]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 1987, 5, pp. 46–53. (In Russ.)
3. Akhmanova O.S. Slovosochetanie v sovremennom angliiskom yazyke [Word combination in modern English]. *Izvestiya AN SSSR*, 1950, 9, Vyp. 6, pp. 476–491. (In Russ.)
4. Gvishiani N.B., Gervi O. Yu. Korpusnaya lingvistika i grammatika rechi [Corpus Linguistics and the Grammar of Speech]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2001, 2, pp. 46–62. (In Russ.)
5. Glushko M.M. Sintaktika, semantika i pragmatika nauchnogo teksta [Syntax, Semantics and Pragmatics of a Scientific Text]. M., *Izd-vo Moskovskogo univ.*, 1977. (In Russ.)
6. Dolgopolova I.M. *Smeshchenie leksicheskikh edinits v stile nauchnogo izlozheniya* Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk. [Lexical Units Shift in a Scientific Writing Style. Ph.D. philol. sci. diss. thesis]. Moscow, 1973. (In Russ.)
7. Kozhina M.N. (ed.) *Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2003. (In Russ.)

8. Kulik L.V. *Sostav i funktsii obshchenauchnoi leksiki*. Diss. ... kand. filol. nauk [Composition and Functioning of General Scientific Vocabulary. Ph.D. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987. (In Russ.)
9. Mindeli E.I. Printsipy stratifikatsii leksiki v nauchnom tekste [Principles of Vocabulary Stratification in a Scientific Text]. *Tekstologiya angliiskoi nauchnoi rechi* [Textual Studies of the English Scientific Speech], pod red. M.M. Glushko, Yu.A. Karulina. M., 1978, pp. 91–99. (In Russ.)
10. Mindeli E.I. Slovarnyi sostav nauchnogo teksta kak predmet tematicheskogo, morfonologicheskogo i morfosintaksicheskogo izucheniya [Dictionary Composition of Scientific Text as a Subject of Thematic, Morphological and Morphosyntactic Study]. *Teoriya i praktika angliiskoi nauchnoi rechi* [Theory and Practice of English Scientific Speech], pod red. M.M. Glushko. M., *Izd-vo Moskovskogo univ.*, 1987. (In Russ.)
11. Min'yar-Beloručeva A.P. *Predel'nye sintagmatische posledovatel'nosti v nauchnykh istoricheskikh tekstakh*. Diss. ... kand. filol. nauk. [Ultimate Syntagmatic Sequences in Academic Historical Texts. Ph.D. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987. (In Russ.)
12. Polubichenko L.V. Obshchenauchnaya leksika v sostave nauchnogo diskursa: novye vozmozhnosti izucheniya [General Scientific Vocabulary in Scientific Discourse: New Possibilities for Research]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. Habarovsk, 2019, 16, 1, pp. 26–30. (In Russ.)
13. Rozhdestvenskii Yu.V. Slovarnoe “khozyaistvo” i razvitie yazyka [Dictionary “economy” and language development]. *Teoriya i praktika angliiskoi nauchnoi rechi* [Theory and Practice of English Scientific Speech], pod red. M.M. Glushko. M.: *Izd-vo Moskovskogo univ.*, 1987, pp. 62–77. (In Russ.)
14. Smirnitkiĭ A.I. Leksikologiya angliiskogo yazyka [Lexicology of the English Language], pod red. V.V. Passeka. M., *Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh*, 1956. (In Russ.)
15. Smirnitkiĭ A.I. Sintaksis angliiskogo yazyka [Syntax of the English language], pod red. V.V. Passeka. M., *Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh*, 1957. (In Russ.)
16. Ter-Minasova S.G., Gvishiani N.B. K voprosu ob ehvristike slovosochetaniya [Concerning the heuristics of the word combination]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 1975. (In Russ.)
17. Ter-Minasova S.G. *Sintez produktivnykh i poluproduktivnykh slovosochetanii i vopros o “logike yazyka”*. Diss. ... kand. filol. nauk [Synthesis of productive and semi-productive word combinations and the question of “language logic”. Ph.D. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. (In Russ.)
18. Funktsional'nyi stil' obshchenauchnogo yazyka i metody ego issledovaniya [Functional style of a general scientific language and methods of its research], pod red. O.S. Akhmanovoi, M.M. Glushko. M., *Izd-vo Moskovskogo univ.*, 1974. (In Russ.)
19. Khomutova E.V. *Glagoly so znacheniem peredachi i priobreteniya znanii' v nauchnom yazyke sovremennoi' fiziki*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [Verbs with the meaning of the transfer and acquisition of knowledge in the scientific

- language of contemporary physics. Ph.D. philol. sci. diss. thesis]. Moscow, 1972. (In Russ.)
20. Shubova N.A. Glagoly so znacheniem organizatsii i sistematizatsii materiala v nauchnom tekste [Verbs with the meaning of the material organization and systematization in a scientific text]. *Tez. dokl. i soobshch 24–27 dek. 1969 g “Mesto terminologii v sisteme sovremennykh nauk”*. Moscow, 1969, pp. 158–160.
 21. Shubova N.A. *Leksika obshchenauchnogo teksta. Tematicheskaya gruppa glagolov organizatsii i sistematizatsii materiala kak stadiya nauchnogo issledovaniya*. Diss. ... kand. filol. nauk [The Vocabulary of a General Scientific Text. A Thematic Verb Group of The Material Organization and Systematization as a Stage of Scientific Research. Ph.D. philol. sci. diss.]. Moscow, 1972.
 22. Akhmanova O. Lexical and Syntactical Collocation in Contemporary English. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 6, 1, 1958, pp. 14–21.
 23. Akhmanova O.S., Idzelis Rolandas F. What is the English We Use? M., *Moscow Univ. Press*, 1978.
 24. Word-Combination: Theory and Method. Akhmanova O. (Ed.). M., *Moscow Univ. Press*, 1974.

Цзян Ино

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМИ ДИФТОНГАМИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В настоящей статье описан акустический эксперимент по сравнению русских гласных [a], [e] в позиции после мягких согласных и китайских дифтонгов [ia], [ie] для верификации гипотезы о сходстве русского [ʼa] и китайского [ia], русского [ʼe] и китайского [ie], сформированной на основании реализации гласных китайского и русского языков. Полученные результаты акустического эксперимента с участием шести носителей русского литературного языка и шести носителей китайского литературного языка свидетельствуют о том, что китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных представляют собой сходные звуки, вместе с тем существуют незначительные различия: частота F_2 китайского дифтонга [ia] изменяется более значительно, и в начале звука возможное стабильное наличие стационарного [i] -образного участка после согласного; в то же время между китайским дифтонгом [ie] и русским гласным [e] после мягких согласных нет различий, и в акустическом плане их можно рассматривать как одинаковые звуки. Для дальнейшей верификации гипотезы о сходстве звуков китайского и русского языков и проверки выводов акустического эксперимента планируется проведение перцептивного эксперимента.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; фонетика; дифтонгоид; дифтонг.

В реализации русских гласных (кроме [и]) в соседстве с мягкими согласными наряду с целевой артикуляцией имеется *и*-образный переходный участок, например, [ʰaʰ] в слове *пять* [Бондарко 1977: 91; Князев, Пожарицкая, 2017: 49], а на спектрограмме китайских дифтонгов и полифтонгов можно отметить явные переходные участки формант между начальным и завершающим участками [Lin Tao, Wang Lijia 1992: 97]. Таким образом, есть основания сформулировать гипотезу о том, что между русскими гласными [a], [e] после мягких согласных и китайскими дифтонгами [ia], [ie] существует

Цзян Ино — аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: quanguidaren1995@yandex.ru).

акустическое сходство. Для верификации этой гипотезы был проведен акустический эксперимент.

Целью эксперимента является сравнение акустических свойств русских гласных [a], [e] в позиции после мягких согласных и китайских дифтонгов [ia], [ie].

Материал исследования представляет собой отдельно взятые слоги в произношении носителей китайского и русского языков.

В китайском литературном языке возможны не все типы слогов. В современном китайском литературном языке (путунхуа) перед китайскими дифтонгами [ia], [ie] встречаются не все согласные фонемы. Фонемы /j/, /q/, /x/ реализуются звуками [tɕ], [tɕʰ], [ç] в слоге только перед гласными [i] или [y], в том числе перед полифтонгами [ia], [ie] [Huang Borong, Liao Xudong 2002: 95]. Звуки [tɕ], [tɕʰ] (реализация фонем /j/, /q/ в речи китайского языка) — глухие альвеолопалатальные аффрикаты, а звук [ç] (реализация фонем /x/ в речи китайского языка) — глухой альвеолопалатальный фрикативный согласный [Lin Tao, Wang Lijia 1992: 63; Huang Borong, Liao Xudong 2002: 38; Hu Yushu 2011: 43]. Для сравнения гласных после китайских звуков [tɕ], [tɕʰ], [ç] в качестве правого контекста были выбраны наиболее близкие к китайским звукам русские звуки — [тʰ], [чʰ], [шʰ]. В китайских неприкрытых слогах *ya* ([ia]), *ye* ([ie]) существует *j*-образное начало, поэтому для сравнения этих 2 китайских слогов с русскими были выбраны русские слоги, прикрытые согласным [j].

На акустические характеристики речевого сегмента может влиять просодическое оформление слога, особенно это касается тонов в китайском языке [Lin Tao, Wang Lijia 1992: 140] и фразовой позиции в русском. Чтобы избежать влияния на качество гласного тонов в китайском языке и интонационного оформления синтагм в русском, просодическое оформление исследуемых слогов должно быть одинаковым или по крайней мере сходным в русском и китайском языках.

В материале для эксперимента один слог являлся одной синтагмой. Для устранения влияния изменения частоты основного тона мы постарались организовать материал таким образом, чтобы тон слогов двух языков понижался с начала до конца сегмента. Такое интонационное оформление есть в обоих языках: в китайском языке — это четвертый тон, а в русском — ИК-2¹ с понижением тона на центре интонационной конструкции.

Таким образом, слоги были разделены на 2 группы:

1) слоги с китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных: *jia* и *тя*; *qia* и *ча*; *xia* и *ща*; *ya* и *я*;

¹ Здесь и далее интонационное оформление в русском языке дается в рамках системы описания русской интонации Е.А. Брызгуновой [Русская грамматика, 1980: 96–120].

2) слоги с китайским [iɛ] и русским [e] после мягких согласных: *jiè* и *te*; *qiè* и *ce*; *xiè* и *ce*; *yè* и *e*.

В эксперименте участвовали шесть русских **информантов** мужского пола от 20 до 65 лет, имеющие высшее образование и владеющие нормами литературного произношения, и шесть китайских **информантов** мужского пола от 20 до 65 лет, имеющие высшее образование, получившие уровень не менее Б2 на Государственном тесте на уровень знания путунхуа, что, по Закону об учителях КНР, позволяет стать учителем в учебном заведении.

От информантов скрыли цели эксперимента. В списке для китайских информантов нет иероглифов с несколькими вариантами произношения, чтобы они не сбивались. Если диктор ошибался или ему мешали какие-либо неязыковые причины, то его просили перечитать слоги еще раз. В результате почти весь материал был пригоден для анализа.

Для **анализа результатов** эксперимента использовалась программа Praat².

В ходе анализа были измерены значения частот первых двух формант вокалического фрагмента целого неприкрытого слога и части прикрытого слога — после согласных по спектрограмме исследуемых отрезков во всех группах сравнения. Значения были измерены автоматически программой Praat с визуальным контролем, иногда при необходимости они корректировались вручную.

В ходе предварительного анализа были выбраны точки в начале, в середине и в конце исследуемых частей, однако было обнаружено, что для группы [ia] и [a] после мягких согласных трех точек недостаточно для отражения изменений значений F_1 и F_2 исследуемого фрагмента, как показано на рис. 1А и 1Б.

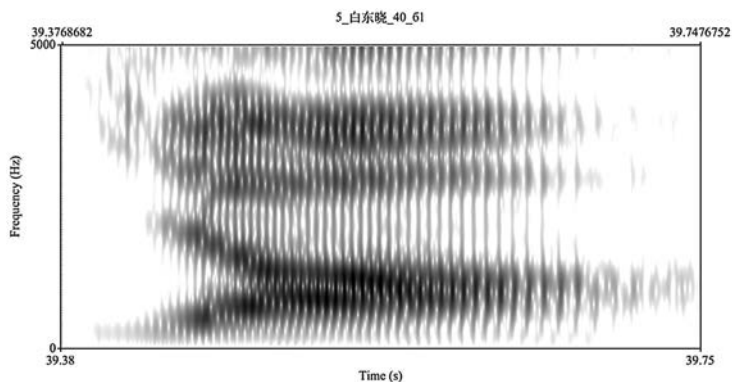

Рис. 1А. Спектрограмма слога *ya* ([ia]) в произношении информанта-китайца 1

² URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>

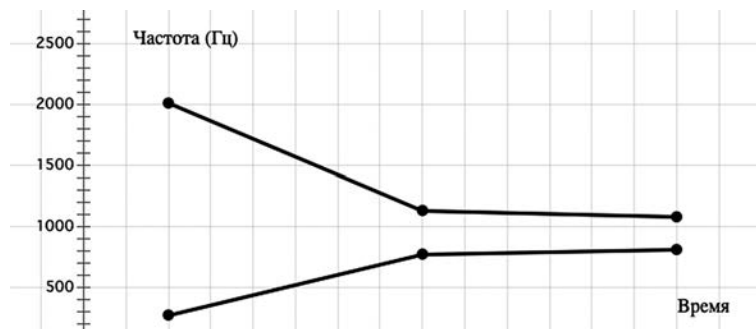

Рис. 1Б. График значений частот первых двух формант слога уа в произношении информанта-китайца 1, образованный точками в начале, в середине и в конце вокальной части

На спектрограмме заметно, что значения частоты F_1 и F_2 начальной части с начала до половины фрагмента изменяются не равномерно: значение F_1 повышается сначала резко, потом гораздо плавнее до половины отрезка; а значение F_2 понижается сначала резко, потом намного медленнее до половины фрагмента. При этом на графике видно, что значения F_1 и F_2 исследуемой части с начала до половины фрагмента изменяются равномерно: частота F_1 равномерно повышается, а частота F_2 равномерно понижается. После предварительного анализа всех исследуемых отрезков для адекватного отображения результатов была добавлена точка в $1/3$ первой половины части фрагмента, как показано на рис. 1В.

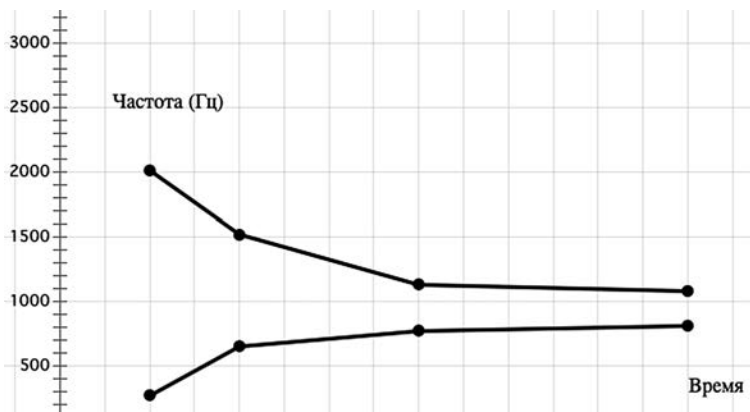

Рис. 1В. График значений частот первых двух формант слога уа в произношении информанта-китайца 1, образованный точками в начале, в одной шестой, в середине и в конце слога

График, приведенный на рис. 1В, адекватно отражает изменения F_1 и F_2 , видимые на спектрограмме. Таким образом, для дальнейшего анализа были выбраны точки в начале, в одной шестой, в середине и в конце исследуемых фрагментов.

Результаты эксперимента и обсуждение

Всего в ходе настоящего эксперимента было проанализировано 96 примеров, измерено 672 значения первой и второй формант. В дальнейшем были вычислены средние значения частот первых двух формант в каждой точке измерения исследуемых частей гласного в произношении каждого слога двух языков. Все полученные значения представлены в таблицах и линейных графиках.

1. Группа звуков с китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных

После измерения значений частот первых двух формант в начале, в первой одной шестой части, в середине и в конце исследуемых отрезков были вычислены средние значения F_1 и F_2 в каждой точке измерения, эти данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения частоты первых двух формант китайского [ia] и русского [a] после мягких согласных

Китайские информанты					
Слог	Средние значения частоты формант (Гц)				
		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
yà ([ia])	F_1	371	646	851	817
	F_2	2170	1750	1323	1241
jià ([tɕia])	F_1	366	540	850	784
	F_2	2168	1905	1361	1292
qià ([tɕʰia])	F_1	447	709	843	798
	F_2	1959	1669	1297	1281
xià ([cia])	F_1	362	542	841	792
	F_2	2007	1840	1359	1317
Русские информанты					
Слог	Средние значения частоты формант (Гц)				
		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
я ([ja])	F_1	325	473	740	788
	F_2	2176	1930	1438	1415

Слог	Средние значения частоты формант (Гц)				
		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
тя ([т'а])	F ₁	390	573	804	790
	F ₂	1946	1770	1455	1392
ча ([ч'а])	F ₁	431	634	781	807
	F ₂	1828	1629	1405	1384
ща ([ш'а])	F ₁	429	597	783	817
	F ₂	1850	1665	1457	1386

По значениям в табл. 1 были построены линейные графики значений F₁ и F₂ исследуемого отрезка каждого слога, представленные на рис. 2.

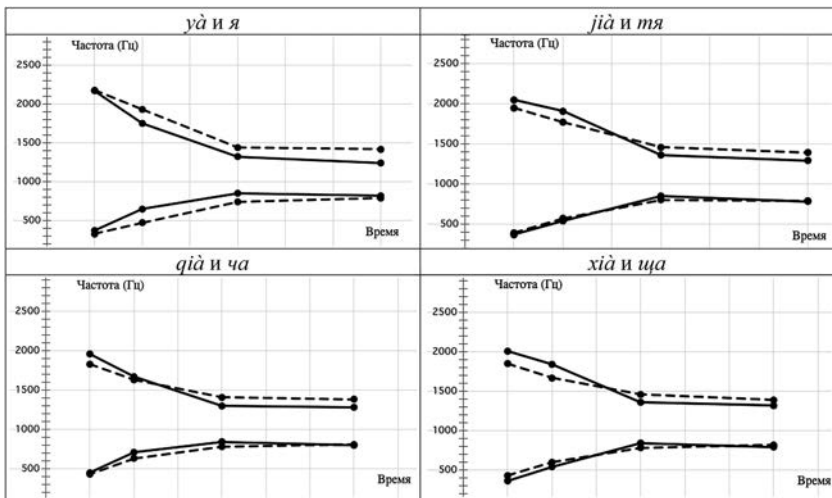

Рис. 2. Средние значения первых двух формант китайского [ia] и русского [a] после мягких согласных в четыре слога для сравнения. Сплошной линией обозначен китайский дифтонг [ia], пунктирной — русский звук [a] после мягких согласных

На рис. 2 видно, что структура графиков F₁ и F₂ фрагментов [ia] и [ʼa] в исследуемых слогах выглядит очень похоже: в первой половине фрагментов частота F₁ повышается, а частота F₂ понижается; с середины до конца наблюдаются стационарные участки, где значения F₁ и F₂ почти не изменяются.

Далее были проанализированы частоты первых двух формант исследуемых отрезков.

1. Частота первой форманты.

На графиках (рис. 2) можно увидеть, что в исследуемых фрагментах значения F_1 увеличиваются в среднем с 300 Гц до 800 Гц в первой половине отрезков, а с половины до конца фрагмента практически не изменяются. Графики значений частоты F_1 китайского [ia] и русского [a] в слогах *jià* и *тя*, *qià* и *ча*, *xià* и *ща* почти точно совпадают.

Таким образом, частоту F_1 китайского дифтонга [ia] и русского гласного [a] после мягких согласных можно считать одинаковой.

2. Частота второй форманты.

На графиках (рис. 2) видно, что значения F_2 уменьшаются в среднем с 2200 Гц до 1200 Гц в первой половине всех исследуемых фрагментов, и, как и значение F_1 , значения F_2 во второй половине во всех отрезках почти одинаковы.

В отличие от относительно одинаковых значений F_1 , значения F_2 в произношении китайского дифтонга [ia] в неприкрытом слоге и после согласных [tç], [tçʰ], [ç] понижаются значительно, чем в произношении русского [a] после согласных [j], [тʹ], [чʹ] и [шʹ]. Хотя в процессе понижения в слогах *уà* и *я* значение F_2 китайского [ia] всегда меньше, чем значение русского [a], их разность с начала до конца отрезка увеличивается с 6 Гц до 174 Гц.

В слогах *jià* и *тя*, *qià* и *ча*, *xià* и *ща* частота F_2 китайского дифтонга сначала больше, чем значения F_2 русского [a]. Вероятнее всего, это зависит от места образования согласных двух языков: в китайском языке [tç], [tçʰ], [ç] — альвеоло-палатальные согласные [Lin Tao, Wang Lijia, 1992: 63; Huang Borong, Liao Xudong, 2002: 38; Hu Yushu, 2011: 43], а в русском языке [тʹ] — зубной, [чʹ] и [шʹ] — переднеязычные согласные. Вследствие коартикуляции частота F_2 в соседстве с альвеоло-палатальными звуками выше, чем рядом с переднеязычными и зубными.

На протяжении дифтонга значение частоты F_2 китайского языка понижается быстрее и становится меньше, чем значение F_2 русского [a] в первой половине отрезков. Место, где «пересекаются» значения F_2 двух языков, располагается в первой половине исследуемых фрагментов. Тем не менее разность значений F_2 во всех четырех фрагментах не более 180 Гц, что не оказывает значительного влияния на тембр звука.

Таким образом, по частоте F_2 между китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных нет существенных различий.

Во второй половине китайского [ia] и русского [a] после мягких наблюдается стационарный *a*-образный участок. В ходе анализа

была отмечена еще и другая особенность произношения китайского дифтонга [ia] в прикрытом слоге: возможное наличие *и*-образного стационарного участка в начальной части китайского дифтонга. В русском языке такого участка не наблюдается (рис. 3А и 3Б).

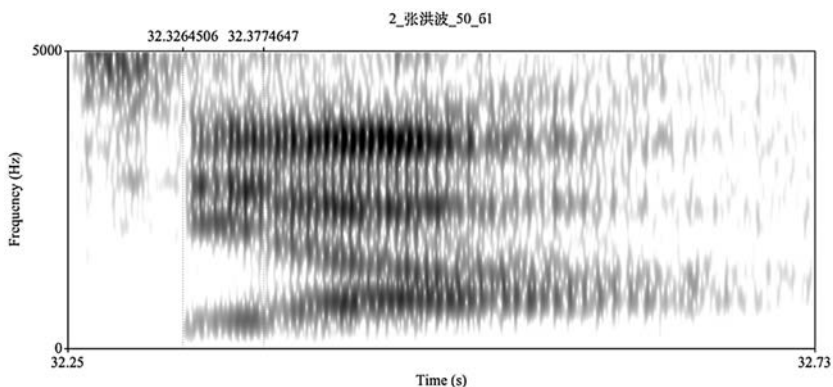

Рис. 3А. Спектрограмма китайского слога *jià* ([tɕia]) в произношении информанта-китайца 5

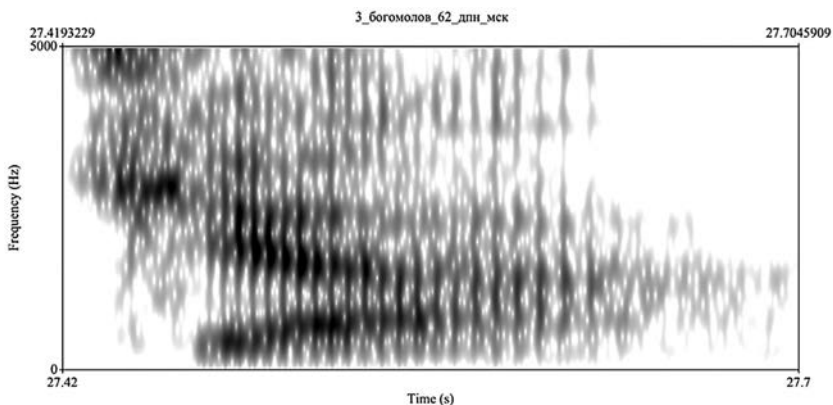

Рис. 3Б. Спектрограмма русского слога *тя* ([tʲa]) в произношении русского информанта 1

На рис. 3А разграничены стационарный участок звука [i], переходный участок от [i] до [a] и стационарный участок [a] китайского языка. Это указывает на то, что китайский дифтонг [ia] состоит из двух частей с двумя целевыми артикуляциями, соответствующими двум стационарным участкам — [i] и [a]. В русском языке (рис. 3Б) удалось разграничить только переходный *и*-образный участок

гласного [a] после [t'] и стационарный участок [a]. Стационарный участок [a] является результатом целевой артикуляции.

Однако на графиках (рис. 2) стационарный [i] -образный участок после согласного в китайском [ia] незаметен. Причина заключается в различиях в идиолектах информантов: на рис. 3А стационарный участок [i] в слове *jià* ([tɕia]) в произношении китайского информанта 2 составляет 51 мс, а в произношении других слогов у всех китайских дикторов его длительность различна (вплоть до полного отсутствия). На графиках же, представляющих усредненные значения частоты, данное явление не передается.

Таким образом, китайский дифтонг [ia] и русский гласный [a] после мягких согласных в значительной мере сходны по формантной картине: они характеризуются повышением частоты F_1 и понижением частоты F_2 в первой половине и почти неизменными значениями F_1 и F_2 во второй половине фрагментов. В этом отношении их можно считать одинаковыми звуками.

При этом в исследуемом материале наблюдается более значительное изменение частоты F_2 китайского [ia]. На графиках (рис. 2) в прикрытых слогах кривые, отражающие значения F_2 двух языков, пересекаются в первой половине исследуемых фрагментов.

Кроме того, было обнаружено еще одно различие между китайским дифтонгом [ia] в прикрытом слоге и русским гласным [a] после мягких согласных — возможное наличие стационарного [i] -образного участка после согласного в начале китайского дифтонга [ia]. Это можно объяснять тем, что в произношении медиали³ китайских восходящих дифтонгов и трифтонгов — в отличие от русских дифтонгоидов — положение языка может быть стабильным [Lin Tao, Wang Lijia, 1992: 112].

2. Группа звуков с китайским [iɛ] и русским [e] после мягких согласных

В ходе проведенного эксперимента также были измерены значения частот первых двух формант в начале, в 1/6, в середине и в конце исследуемых частей, вычислены средние значения F_1 и F_2 в каждой точке измерения. Они представлены в табл. 2.

На основании значений, приведенных в табл. 2, были сделаны линейные графики значений F_1 и F_2 исследуемого отрезка каждого слога, представленные на рис. 4.

³ Медиаль в китайском языке — это первый гласный восходящих дифтонгов и трифтонгов в слогах. Например, в слове [tɕia] медиаль — [i]. Китайские восходящие дифтонги можно рассматривать как «гласный» + «гласный», а трифтонги — как «гласный» + «нисходящий дифтонг».

**Средние значения частоты первых двух формант китайского дифтонга [iɛ]
и русского [e] после мягких согласных**

Китайские информанты					
Слог	Средние значения частоты формант (Гц)				
		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
yè ([iɛ])	F ₁	311	390	477	565
	F ₂	2238	2145	2050	1836
jiè ([tɕiɛ])	F ₁	323	417	460	545
	F ₂	2241	2225	2123	1805
qiè ([tɕʰiɛ])	F ₁	336	427	504	527
	F ₂	2220	2138	2007	1844
xiè ([ɕiɛ])	F ₁	357	402	511	564
	F ₂	2142	2160	2023	1850
Средние значения частоты формант (Гц)					
Слог		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
Русские информанты					
Слог	Средние значения частоты формант (Гц)				
		в начале фрагмента	в конце первой одной шестой части фрагмента	в середине фрагмента	в конце фрагмента
e ([jɛ])	F ₁	295	387	428	521
	F ₂	2199	2129	1974	1650
me ([ɾ'e])	F ₁	332	401	434	506
	F ₂	2062	2043	1947	1721
че ([ч'e])	F ₁	332	416	462	533
	F ₂	2058	2005	1876	1673
ще ([ш'e])	F ₁	348	418	467	561
	F ₂	2071	2080	1933	1678

На следующем этапе анализа были проанализированы частоты F₁ и F₂ исследуемых фрагментов и получены следующие результаты:

- во всех исследуемых фрагментах значения F₁ постепенно увеличиваются в среднем с 300 Гц до 570 Гц, и графики значений частоты F₁ двух языков почти точно совпадают (рис. 4);
- значения F₂ уменьшаются в среднем с 2250 Гц до 1670 Гц (рис. 4). Несмотря на несколько более высокую частоту второй форманты китайского дифтонга во всех четырех фрагментах, разность значений F₂ двух языков составляет не более 200 Гц, что не оказывает сильного влияния на тембр звука.

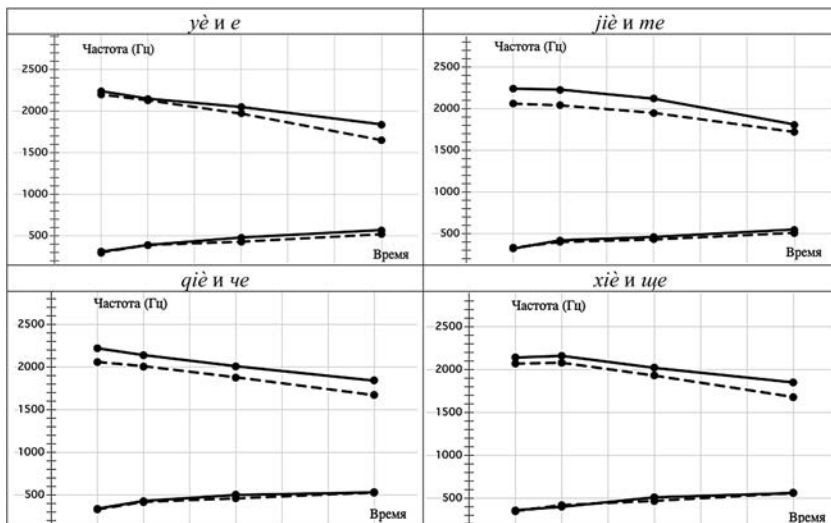

Рис. 4. Средние значения первых двух формант китайского [iɛ] и русского [e] после мягких согласных в 4 слогах для сравнения. Сплошной линией обозначен китайский дифтонг [iɛ], пунктирной — русский гласный [e] после мягких согласных

Описанные данные дают основания утверждать, что китайский дифтонг [iɛ] и русский гласный [e] после мягких согласных в значительной мере сходны по значениям частот первых двух формант; по сравнению с русским гласным, частота F_2 китайского дифтонга выше на 70–186 Гц, при одинаковых значениях первой форманты.

Выводы

На основании приведенных результатов эксперимента и их анализа можно сформулировать вывод о том, что китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных — довольно сходные звуки, наряду с этим, частота F_2 китайского дифтонга [ia] изменяется более значительно, и в начале звука возможно стабильное наличие стационарного [i] -образного участка после согласного. Китайский дифтонг [iɛ] и русский гласный [e] после мягких согласных в акустическом плане представляют собой одинаковые звуки. Для дальнейшей верификации данного вывода необходимо провести перцептивный эксперимент.

Список литературы

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
2. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2017.

3. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
4. *Huang Borong, Liao Xudong*. 现代汉语 (上册). 北京, 2002.
5. *Hu Yushu*. 现代汉语. 上海, 2010.
6. *Lin Tao, Wang Lijia*. 语音学教程. 北京, 1992.

Jiang YINUO

ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF RUSSIAN VOWELS AFTER SOFT CONSONANTS AND CHINESE DIPHTHONGS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the results of an acoustic experiment comparing Russian vowels [a], [e] in position after soft consonants and Chinese diphthongs [ia], [ie]. The experiment involving 6 native speakers of standard Russian and 6 native speakers of standard Chinese indicates that the Chinese diphthong [ia] and Russian [a] after soft consonants are similar sounds, with minor differences indicated: the F₂ frequency of the Chinese diphthong [ia] changes more significantly, and at the beginning of the sound a stable stationary [i]-shaped section after the consonant is possible; on the other hand, there are no differences between the Chinese diphthong [ie] and the Russian vowel [e] after soft consonants, thus, they can be regarded acoustically as the same sound types.

Key words: Russian; Chinese; phonetics; diphthongoid; diphthong.

About the author: *Jiang YINUO* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: quanguidaren1995@yandex.ru).

References

1. Bondarko L.V. *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka* [The sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1977. 175 p.
2. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. *Sovremennyy russkij literaturnyj jazyk: Fonetika, orfojepija, grafika, orfografija* [Modern Standard Russian: Phonetics, orthoepy, graphics, spelling]. Moscow, Jurajt Publ., 2017. 380 p.
3. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija* [The Russian Grammar Volume 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
4. Huang Borong, Liao Xudong. *Modern Chinese (Volume 1)*. Beijing, 2002. 337 p.
5. Hu Yushu. *Modern Chinese*. Shanghai, 2010. 561 p.
6. Lin Tao, Wang Lijia. *A course in phonetics*. Beijing, 1992. 208 p.

Н.Э. Микеладзе

КОМУ «СВОЙ МЕЧ ВРУЧАЕТ БОГ»? (ШЕКСПИР И ЕПИСКОП БИЛСОН)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Драматурга и актера Уильяма Шекспира (1564–1616) и епископа Уинчестерского Томаса Билсона (1546/7–1616) связывает в истории минимум один документ. Мы впервые попытались прояснить характер связи между этими двумя фигурами не на зыбкой почве отсутствующих документальных свидетельств, а на основе изучения их сочинений. В статье сравниваются образы облеченного «Божьим мечом» правителя, нарисованные в проповеди епископа Уинчестерского на коронации Якова I (1603) и в пьесе Шекспира «Мера за меру» (1604). Исследование показало, что драматург был знаком с текстом проповеди, но трактовал отдельные ее тезисы отлично от епископа, опираясь на Евангелия и смысл всего Послания к Римлянам, а не одной лишь 13-й главы. В статье делается вывод, что два образа начальника существенно отличаются в определении меры милосердия и жестокости, в понимании «грехов, которые взывают к небесам об отмщении», в признании модельной роли поведения правителя, в допущении возможности раскаяния и осознании высшей ценности человеческой жизни. Дискуссия о правах и обязанностях правителя, идущая в храме и на сцене, обретает особую актуальность в пору воцарения в Англии нового монарха. В «Мере за меру» Шекспир распространяет на правителей требования, обращенные Богом ко всем людям. В этой мысли, озвученной Герцогом, также узел полемики с Н. Макиавелли, который в трактате «Государь» придал исключительность сфере государственного управления и вывел государя из-под Божьих законов.

Ключевые слова: образ правителя; образ «Божьего меча»; Томас Билсон; епископ Уинчестерский; «Проповедь на коронации Якова I»; Послание к Римлянам; «Королевский дар»; Шекспир; Макиавелли; «Мера за меру».

Один из ключевых, а возможно, главный вопрос пьесы «Мера за меру» (1604) — это вопрос о свойствах монарха, его правах и обязан-

Микеладзе Наталья Эдуардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fornatalia@bk.ru).

ностях. Тема правителя, образцового государя (будь то христианский государь трактата Данте «О монархии» или гуманистически образованный правитель «Утопии» Рабле), как и его альтернативы (изображенной в трактате Макиавелли «Государь») — лейтмотив культуры европейского Средневековья и Возрождения. Неудивительно, что на излете эпохи, в преддверии глобальных перемен, актуальность этой проблематики возрастает. В Англии века Шекспира тема государя приобретает особую актуальность в период смены монархов и династий: Елизавета Тюдор умирает в 1603 г., и престол переходит к Якову Стюарту (1566–1625).

Король Шотландии сам подробно высказался на эту тему [Political Works of James I, 1918: 3–38] в трактате «Королевский дар» (Basilikon Doron, 1599), опубликованном в Англии в 1603 году незадолго до его въезда в Лондон в мае в качестве наследника престола. Точку зрения англичан, встречавших нового короля с надеждами и вполне понятными опасениями, изложил епископ Уинчестерский Томас Билсон (Thomas Bilson, 1546/7–1616) в проповеди на коронации Якова I в Вестминстере в июле 1603 г.

Актеры шекспировской труппы, недавно получившей королевский патент¹ на право выступать в качестве «Слуг его величества» (The King's Majesty's Servants), могли в той или иной форме участвовать в церемонии коронации, и Шекспир мог слышать речь епископа Билсона. Но даже если нет — в Лондоне свирепствовала чума и широкие торжества не проводились, — познакомиться с ней было нетрудно: она была немедленно опубликована [Bilson, 1603]. Поскольку уже в пьесе «Мера за меру», сыгранной перед двором в Уайтхолле в декабре 1604 г., а возможно, созданной еще летом [Lever, 2004: xxxi–xxxv], помимо ряда откликов на «Королевский дар», присутствуют и отсылки к коронационной проповеди. По большей части они носят полемический характер. Они рассыпаны во всей пьесе, но особенное звучание получают в сценах с Герцогом в платье монаха, обсуждающим и наставляющим, *каким* должно быть правителю (начальнику).

Человек ли «несущий Божий меч»?

Источником представлений об отношениях Бога, правителя и народа в век Шекспира было прежде всего Послание апостола Павла

¹ 28 апреля 1603 г. Елизавету Тюдор похоронили в Вестминстере. 10 апреля были освобождены узники по делу Эссекса, включая покровителя Шекспира 3-го графа Саутгемптона. 7 мая Яков прибыл в Лондон, а уже через десять дней шекспировской труппе были выписаны два королевских разрешения [Schoenbaum, 1975: 196–197].

к Римлянам. Об отношениях правителя и народа в нем, в частности, говорится: “For Magistrates are not to be feared for good works, but for evil. Wilt thou then be without fear of the power? Do well, so shalt thou have praise of the same. For he is the minister of God for thy wealth, but if thou do evil, fear: for he beareth not the sword for nought: for he is the minister of God to take vengeance on him that doeth evil” [Geneva Bible, 1599. Rom. 13:3–4].

В проповеди епископа Билсона, обращенной к Якову I, лейтмотивом проходит тема карающего меча правителя. Из атрибутов власти *меч* становится ключевым образом (употреблен 14 раз, скипетр — 8, трон — 12). Для сравнения: в «Королевском даре» в этом смысле меч упомянут лишь один раз (из пяти). В проповеди, вообще, замечен призыв к ужесточению, бóльшей суровости управления. Ссылку на апостола Павла («он Божий слуга, отмститель тому, кто делает злое»), епископ комментирует: “not this or that euil, but *any maner of euil*. ... The Sword is equally authorized against *all kinde* of euill, that may be discerned and iudged by Man”. И далее: “It is no small seruice, that Princes doe vnto GOD by repressing the *vnbrideled lusts* of mans corruption, and reuenging the wicked attempts of mans presumption; I meane Adulteries, Incests, Rapes, Robberies, Periuries, Conspiracies, Witchcrafts, Murders, Rebellions, Treasons, and *such like hainous and impious enormities*, which would ouerflow each Kingdome and Country, if the Princes Sword did not take due Reuenge of the Doers and Committers of such *Outrages*” (здесь и далее курсив в цитатах мой. — *Н.М.*) [Bilson, 1603].

Образ правителя (начальника) в центре пьесы Шекспира «Мера за меру». Но если епископ Билсон делает акцент на первых стихах гл. 13 послания (1–5), то Шекспир рассматривает проблему в контексте всего Послания к Римлянам и евангельской проповеди Христа. И лейтмотивом рассуждений его Герцога (в платье монаха) о начальнике неслучайно становится оппозиция закон принятый — закон нарушаемый:

He who the sword of heaven will bear²
Should be as holy as severe;
Pattern in himself to know,
Grace to stand, and virtue go;
More nor less to others paying
Than by self-offences weighing.
Shame to him whose cruel striking
Kills for faults of his own liking!.. (III, 2, 254–261)³

² В название статьи вынесена первая строка этого монолога в русском переводе Т. Щепкиной-Куперник.

³ Здесь и далее текст пьесы приводится по арденскому изданию второй серии [Shakespeare, Measure for Measure, 2004].

Герой Шекспира не считает начальника априори Божьим слугой, он говорит, как *должен* вести себя облеченный мечом правитель, чтобы по праву называться таковым: только праведность правителя дает ему право сурово карать подданных. Утверждая, что *никто* не исключается из-под действия Божьего закона, герой Шекспира следует духу и букве Послания к Римлянам: «Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и сам делая то же?» (Рим. 2:3)⁴.

В «Мере за меру» Шекспир распространяет на правителей требования, обращенные Богом ко всем людям. Именно эту мысль озвучивает его Герцог. В ней узел полемики с Н. Макиавелли, который в трактате «Государь» придал исключительность сфере государственного управления. Шекспировский Герцог не считает возможным выводить правителя из-под общих для всех Божеских установлений, требует от него (от себя) быть *образцом* праведности: «пример являть». И это имеет определяющее значение. Таким образом, Шекспир наделяет Герцога чертами *антимакиавелли*.

Оппозиции: дрейф смысла назад к Евангелиям

В чем Шекспир согласен с епископом Уинчестерским, так это в том, что внутренний и внешний человек должны быть сходны, в неприятии лицемерия: “God neuer alloweth the *outward* Man to dissent from the *inward* in any kinde of dutie: the mouth blesseth, where the heart loueth: and the bodie stoopeth, when the minde honoureth” [Bilson, 1603].

Оппозиция внешнего и внутреннего человека проходит в пьесе лейтмотивом. Наместник Анджело, по словам Изабеллы, лишь *внешне* святой (“this outward-sainted deputy” III, 1, 88). Герцог-монах вторит ей: “O, what may man within him hide, Though angel on the outward side!” (III, 2, 263–264).

Шекспир, на первый взгляд, согласен с епископом Билсоном и в том, что злодеев начальник должен уметь отличать от добрых людей: “The righteous are the sonnes of God, and worthie to receiue consolation: The wicked are the seruants of sin, and well deserue due correction: both feare and praise haue their vses; the one as a *bridle* to restraine *malefactours*, the other as a *spurre* to edge on *well doers*. Rewarde of good, and reuenge of euill, are the sinews of each common-wealth” [Bilson, 1603].

В высказываниях шекспировского Герцога присутствуют оба образа. *Узда* в значении «смирять, обуздывать»: «Узда (curbs) нужна для лошадей упрямых» (I, 3, 20). И *шпора* в значении «побудить, подстегнуть». Но это не шпора-похвала/награда, а шпора-*пример*:

⁴ См. также Рим. 2:17–23.

«Смирляет он ... в себе самом то, с чем побуждает (spurs) своей властью справиться других» («He doth ... subdue That in himself which he spurs on his power To qualify in others» IV, 2, 79–81). Отказавшись от употребленной епископом Билсоном *оппозиции* узды и шпоры (узды — для одних, шпора — для других), Шекспир уходит и от категорического противопоставления грешных и праведных. Его Герцог распространяет узду и шпору (то есть сдерживание дурных страстей и побуждение справляться с пороками и слабостями) не на отдельные категории, а на *всех*. Иными словами, Герцог предлагает каждому, и в первую очередь власти, начать с себя, заняться самообузданием и самовоспитанием.

Свое противопоставление «лиходеев» и «добродеев» епископ Билсон сопроводил рассуждением о милосердии и жестокости: “I may not deny, but *mercy* on the penitent, where the men are not wicked, nor the *Offences hainous*, is a most princely vertue, considering man’s weaknesse, & resembling Gods goodness: yet in *sins that crie to heauen for vengeance*, if *seueritie* be not vsed, Gods anger is kindled, and he often spareth neither Prince nor People, where such *outragious sins* are freely suffered” [Bilson, 1603].

С пониманием милости как «самой царственной добродетели» Шекспир, очевидно, согласен, его Изабелла говорит о том же: “Well, believe this: No ceremony that to great ones ‘longs <...> Become them with one half so good a grace As mercy does” (II, 2, 58–59, 62–63).

Однако епископ Билсон заметно сужает сферу милосердия: он говорит о милости «к кающимся, там, где и люди не порочны и преступления не отвратительны». Тогда как прелюбодеяния, кровосмешения, похищения, грабежи, лжесвидетельства, заговоры, убийства, нарушения клятв... «и подобные им отвратительные» (and such like hainous and impious enormities) — заслуживают жестокой кары.

Герцог-монах у Шекспира, напротив, обусловливает суровость наказания безгрешностью наказывающего: «Пусть будет так же свят, как строг» (“Should be as holy as severe”). Как в евангельском эпизоде казни блудницы, остановленной словом Христа («кто из вас без греха...» Ин. 8:7).

Кроме того, в жизни нередко возникают ситуации, когда «добро сгубить нас может, грех — спасти» (Some rise by sin, and some by virtue fall⁵, II, 1, 38). Это на первый взгляд парадоксальное высказывание Эскала прямо отсылает к рассуждению апостола Павла о грехе и добре (Рим. 5–9), показывающему, что ветхое понимание добра

⁵ Единственная строка в пьесе, выделенная при публикации в Фолио курсивом [Микеладзе, 2020: 110–113].

(неукоснительное исполнение *буквы* закона) может нас погубить, а новое понимание греха (*дух* милости, любовь к ближнему) может нас спасти. И всё — в том числе и земная власть — в руке «Бога милующего» (9:16).

А как быть, если облеченный властью чиновник не различает и путает (*mislaces*) добродеев (*benefactors*) с лиходеями (*malefactors*)? И Шекспир создает комическую сценку (II, 1, 41–87) с приставом, который приводит к судьям двух «отъявленных добродеев» — повесу и сводника («... я толком не знаю, кто они такие; одно мне доподлинно известно — что они сущие негодяи, и нет в них никакой профанации, которая должна быть у доброго христианина»). Разобрав дело, Эскал в конечном счете отпускает всех: дурака — с предостережением, сводника — с угрозой в следующий раз выпороть, пристава — с поручением подобрать себе замену. Каждый получил то, что заслуживает, но никто не получил н е о б р а т и м о г о наказания. Из этого смехового эпизода следует, что драматург (как и добрый Эскал) на стороне милости, а не жестокости. И не так уж много людских грехов, на деле, «кричат к Небу об отмщении» и заслуживают сурового наказания. Так корректирует Шекспир призывы епископа к королю карать строже. Его основание незыблемо: он напоминает о сохраняющейся у человека, *пока он жив*, возможности раскаяться и обратиться к добру. Ведь сегодняшний лиходей, и правда, завтра может стать добродеем... Поэтому, по словам Эскала, «лучше в гнев нам слегка поранить, Чем *на смерть* зарубить»⁶ (II, 1, 5–6; курсив мой. — *Н.М.*).

Полагаю, что монах, к которому в I действии Герцог приходит за приютом, советом и платьем, неслучайно был назван в Фолио 1623 г. (а при жизни Шекспира пьеса не издавалась) «братом Томасом» (*Friar Thomas*). Их беседа тоже содержит элемент спора с епископом Билсоном.

Епископ в проповеди придал функциям правителя *Отец — Господин* жесткость оппозиции: “*Feare of vengeance is a medicine prouided to preuent sinne... The King, as a Father, should cherish the good with fauour and encouragement: as a Lord hee should repress the badde with feare and punishment*” [Bilson, 1603]. Отец должен поощрять одно и одних (*cherish the good*), а Господин — подавлять другое и других (*repress the bad*). Епископу чужды полутона: «страх наказания» мгновенно

⁶ В оригинале “*bruise to death*” — забить до смерти. Комментаторы не заметили, что эта образность отсылает к *побиению камнями*, древней казни, предписанной законом Моисея для ряда преступлений и отмененной Христом в эпизоде с «женщиной, взятой в прелюбодеянии» (Ин. 8:3–11).

оказывается в его рассуждении за скобками, и он переходит к «подавлению страхом и наказанием».

В беседе с братом Томасом Герцог сетует на ослабевшие законы, объясняя тем, что расположен к мягкому правлению, как нежный отец, который лишь *грозит* детям, но не наказывает (“For terror, not to use” I, 3, 26). Брат Томас, в стиле проповеди епископа Билсона, возражает правителю: в его власти вернуть законам силу и устрашить подданных. Но в шекспировском герое преобладает отцовская природа, он видит больше пользы в страхе наказания, чем в собственно каре. Он не склонен противопоставлять в начальнике Отца и Господина (которых понимает как *шпору-пример* и *узду-сдерживание*), собственно для него дурные и добрые — это всё те же люди, добро и зло смешано в них в разных пропорциях. Наконец, он признает главное: «Это моя вина» (“twas my fault).

Стыд казнящему, или Заключение

В целом, епископ Уинчестерский в коронационной проповеди делал упор на *суровое* правление. Слово «страх» (feare) употреблено им 12 раз, наказание (punish, -ing, -ment) — девять, «любовь» (loue, loued) — семь раз, слово «милость» (mercy) — всего дважды. Необходима карающая рука, наставляет нового короля его советник в религиозных вопросах. Он называет «римской ошибкой»⁷ призыв «благословляйте проклинаящих вас», «любите тех, кто поносит вас»: “Is Gods hand shortned that hee cannot strike? Or his will altered that hee will honour those that dishonour him, and blesse them that hate him? It is a Romish Error Repugnant to the word of God, and to the examples eof the best Kings and Monarchs...” [Bilson, 1603].

У Шекспира, использующего тот же глагол strike (разить), но также и kill (казнить), Герцог-монах взывает к совести начальствующих:

Shame to him whose cruel striking
Kills for faults of his own liking! (III, 3, 260–261)

Таким образом, выявленный ряд лексико-семантических параллелей говорит о знакомстве драматурга с «Проповедью на коронации Якова I» и ее критике в пьесе. Тему карающего могущества Шекспир последовательно дополняет темой милующего могущества. Не оспаривая необходимость наказывать преступления, драматург устами своего героя высказывается против казней, лишения человека жизни, и настаивает: несущий Божий меч должен уподобиться Богу

⁷ Подразумевается римская церковь, критикуемая англиканским священником.

во всем, и прежде всего, в милосердии. Проведенный анализ также подтвердил⁸, что комические эпизоды в проблемных пьесах Шекспира носили *разъясняющий* характер, донося в доступной и запоминающейся благодаря смеху форме основные идеи пьесы до зрителей разной степени образованности и способности к концентрации.

Post Scriptum: факты и комментарий

В 1597 г. Томас Билсон стал епископом Уинчестерским. С этого времени он собирал налоги от деятельности всех заведений Саутуорка (включая театры и арены, игорные и публичные дома и пр.), находившихся на территории его диоцеза. Б. Гиббонс ошибочно назвал его «главным владельцем» (the major brothel-owner) публичных домов Бэнксайда [Gibbons, 2006: 23 fn 2]. Владельцем епископ, разумеется, не был, но осуществлял налоговый надзор над районом [Schoenbaum, 1975: 163].

В записи от шестого октября 1600 г. Уильям Шекспир фигурирует в качестве должника по налогу на недвижимое имущество (в размере 13 шиллингов и четыре доллара). Документ имеет на полях пометку *Episcopo Wintonensi* [Chambers, 1930, 2: 88]. Это указывает, что долг Шекспира (изначально в пять шиллингов), с 1597 г. числившийся за ним по району Бишопсгейт, Казначейский суд передал епископу Уинчестерскому.

Вероятно, это выросшее почти в три раза (уже к октябрю 1598 г.) недвижимое имущество представляло собой пай Шекспира в театрах, принадлежавших его труппе. Именно этим обстоятельством может объясняться передача долга в канцелярию епископа Уинчестерского после открытия театра на Бэнксайде в 1599 г. (отметка об этом сделана в год, следующий за налоговым периодом). Возможно, Шекспир уплатил долг в ведомстве епископа Билсона, так как после 1600 г. его следов не обнаружено. Документы могли и не сохраниться, как резиденция епископа, от которой осталась одна стена. Некоторые исследователи [Шенбаум, 1985: 289] считают, что Шекспир переселился в 1599 г. на другой берег Темзы. Доказательств переселения не найдено, а передача долга, по всей вероятности, сопровождала переезд самого *недвижимого имущества* — театра, который, будучи возведен на другом берегу, получил название «Глобус».

Таковы документальные факты и наша гипотеза, возникшая на этой зыбкой (по причине недостатка свидетельств) почве. Однако

⁸ Как в сцене с могильщиками в «Гамлете» (V, 1) в смеховой форме были рассмотрены варианты «причинения смерти» с точки зрения божественного и человеческого права [Микеладзе, 2010].

проведенное исследование сохранившихся сочинений говорит о гораздо более важных вопросах, интерес к которым проявляли одновременно драматург Шекспир и епископ Билсон.

Список литературы

1. *Микеладзе Н.Э.* Притчи Иисуса, Деяния и Послания апостолов в идейной и образной структуре пьесы «Мера за меру» // *Studia Litterarum* 2020. Т. 5. № 1. С. 94–117.
2. *Микеладзе Н.Э.* Преобразование сюжета мести в «Гамлете» // *Медиа-скоп*. 2010. Вып. 4. URL: <http://mediascope.ru/node/676> (дата обращения: 25.05.20).
3. *Шенбаум С.* Шекспир: краткая документальная биография. М., 1985.
4. *Bilson T.* A sermon preached at Westminster before the King and Queenes Maiesties, at their coronations on Saint Iames his day, being the 28. of Iuly. 1603. By the Reuerend Father in God, the Lord Bishop of Winchester. L., 1603.
5. URL: <https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/bitstream/handle/20.500.12024/A16148/A16148.html?sequence=5&isAllowed=y> (дата обращения: 20.05.20).
6. *Chambers E.K.* William Shakespeare: A Study of the Facts and Problems, 2 vols. Vol. 2. Oxford, 1930.
7. Geneva Bible 1599. Rom. 13:3–4.
8. *Gibbons B.C.* Introduction // *Shakespeare W.* Measure for Measure. Cambridge, 2006. P. 1–83.
9. *James I.* Basilikon Doron or His Majesties Instrvctions To His Dearest Sonne, Henry the Prince // *Political Works of James I.* Ed. Charles Howard McIlwain. Cambridge, 1918. P. 3–52.
10. *Lever J.W.* Introduction // *Shakespeare W.* Measure for Measure / Ed. J.W. Lever. London, 2004. P. xxxi–xxxv.
11. *Schoenbaum S.* William Shakespeare: A Documentary Life. N.Y.; Oxford, 1975.

Natalia Mikeladze

SHAKESPEARE AND BISHOP BILSON: “HE *WHO* THE SWORD OF HEAVEN WILL BEAR?”

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Playwright William Shakespeare (1564–1616) and Bishop of Winchester Thomas Bilson (1546/7–1616) were contemporaries, their names are connected

in history by at least one document. The paper first makes an attempt to clarify the nature of the relationship between the two figures not on the unsteady ground of missing documentary evidence, but on the basis of a study of their works. The paper compares the images of a ruler bearing God's Sword in the Sermon at the coronation of James I (1603) and in *Measure for Measure* (1604) and proves that the playwright was familiar with the text of sermon but interpreted some of its theses differently, relying on the Gospel and the meaning of the entire *Epistle to Romans* (not only chapter XIII). The two ruler-characters differ significantly in knowing the measure of mercy and severity, in understanding of "sins that cry to heaven for vengeance", in behavior pattern of the ruler himself, in acceptance of possibility to repent and recognition of utmost value of human life. The discussion about the rights and obligations of the ruler takes place in the church and on the stage and acquires special relevance at the time of the accession of a new monarch.

Key words: image of ruler; image of God's Sword; Thomas Bilson; Bishop of Winchester; Sermon at the Coronation of James I; Epistle to Romans; Basilikon Doron; Shakespeare; Machiavelli; Measure for Measure.

About the author: *Natalia Mikeladze* — Prof. Dr., Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fornatalia@bk.ru).

References

1. Mikeladze N.E. Pritchii Iisusa, Deyaniya i Poslaniya apostolov v idejnoj i obraznoj strukture p'esy "Mera za meru" [Parables of Heaven, Acts and Epistles of the Apostles in *Measure for Measure*]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2020, 5, 1, pp. 94–117. (In Russ.)
2. Mikeladze N.E. Preobrazovanie syuzheta mesti v "Gamlete" [Transformation of the revenge plot in "Hamlet"]. *Mediaskop* [Mediascope], 2010, 4. <http://mediascope.ru/node/676> (accessed: 25.05.20). (In Russ.)
3. Schoenbaum S. Shekspir: kratkaia dokumentalnaia biografiia. [Schoenbaum S. William Shakespeare. A Compact Documentary Life]. Moscow, *Progress Publ.*, 1985. 432 p. (In Russ.)
4. *Bilson T.* A sermon preached at Westminster before the King and Queenes Maiesties, at their coronations on Saint James his day, being the 28. of Iuly. 1603. By the Reuerend Father in God, the Lord Bishop of Winchester. London, *V.S. Publ.*, 1603. 44 p.
5. URL: <https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/bitstream/handle/20.500.12024/A16148/A16148.html?sequence=5&isAllowed=y> (accessed: 20.05.20)
6. *Chambers E.K.* William Shakespeare: A Study of the Facts and Problems, 2 vols. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press Publ., 1930. 448 p.
7. Geneva Bible 1599. Rom. 13:3–4.
8. Gibbons B.C. Introduction. *Shakespeare W.* Measure for Measure. Cambridge, CUP, 2006, pp. 1–83.

9. *James I. Basilikon Doron or His Majesties Instrvctions To His Dearest Sonne, Henry the Prince. Political Works of James I.* Cambridge: Harvard University Press, 1918, pp. 3–52.
10. *Lever J.W.* Introduction. Shakespeare W. *Measure for Measure*. London, *Thomson Learning Publ.*, 2004. P. xxxi–xxxv.
11. *Schoenbaum S.* William Shakespeare: A Documentary Life. New York, Oxford, *Oxford UP*, 1975. xix+273 p.

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Константинова

**BASTRAKOVA K. D., PHILIPPOVA M. M.
POLITICAL EUPHEMISM AS A LINGUISTIC “NUCLEAR
WEAPON”. Moscow: Moscow University Press, 2021. 182, [2] p.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Кубанский государственный технологический университет»

350072, Краснодарский край, Краснодар, ул. Московская, 2

В рецензии обсуждается написанное на английском языке учебное пособие, знакомящее читательскую аудиторию с особенностями бытования англо-американских эвфемизмов в политической сфере. В книге освещается понятие политического дискурса, комплексному рассмотрению подвергается явление эвфемизмов, анализируется «маскирующая» функция этих единиц в политической риторике, описывается специфика применения эвфемизмов в военном секторе англо-американского политического дискурса. В рецензии отмечается четкое построение учебного пособия, широта охвата материала, методически грамотно составленные практические задания; подчеркивается актуальность затрагиваемых авторами аспектов темы. Наряду с этим указываются некоторые дискуссионные моменты, связанные с иллюстративным материалом и формулировкой названия книги.

Ключевые слова: эвфемизмы; политический дискурс; политическое манипулирование; военно-политический дискурс; пропаганда в массмедиа.

Эвфемизмы присутствуют в разных сферах жизни общества — бытовой, профессионально-деловой и, конечно же, политической. Эвфемистические единицы пополняют язык и наполняют речь, так как представляют собой уклончивые — направленные на избежание возможного конфликта — вербальные обозначения «чувствительных» или неудобных тем, идеологических воззрений и практик и т.п. Вместе с тем в риторике высокопоставленных чиновников, видных политических деятелей эвфемистически «настроенный» язык может превратиться в довольно эффективное (а в некоторых случаях опасное) орудие манипуляции. Как справедливо подмечено в современной американской пословице, политика — не зрительский вид спорта (“Politics is not a spectator sport”), а, следовательно, речевые усилия политиков направлены на вовлечение или побуждение к желаемому действию. В этой связи современному человеку чрезвычайно важно не только быть осведомленным о самом

Константинова Анна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков № 2 Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета (e-mail: constanna@mail.ru).

феномене эвфемизации, а также порождающих этот процесс мотивах, но и быть готовым, а, возможно, и вооруженным специальными навыками по распознаванию подобных «языковых уловок» и вдумчивому последующему действию.

В свете приводимых выше размышлений, актуальность и своевременность рецензируемого издания “Political Euphemism as a Linguistic ‘Nuclear Weapon’”, заявленного как учебное пособие, трудно переоценить. Книга написана на английском языке и адресована широкой аудитории студентов и специалистов, владеющих английским на продвинутом уровне. К.Д. Бастракова и М.М. Филиппова избирают путь знакомства читателя со спецификой применения эвфемизмов в политической сфере через вводное рассмотрение понятия «политический дискурс», с одной стороны, и эвфемизмов как естественного явления языка и речи, с другой. С первых страниц книги ощущается особенное отношение к теме: авторы пишут о магической силе эвфемизмов (с. 10 “the magical function of euphemisms”) и ставят перед собой довольно амбициозную цель — постараться научить своих читателей выявлять в тексте методы «вуаляирования» действительности и сокрытия правды (с. 12) и, таким образом, сделать их более компетентными потребителями политически «заряженной» информации.

Учебное пособие имеет четкую и логичную структуру. Четыре главы книги разделены на теоретическую и практическую «зоны». Теоретическая часть каждой главы начинается с краткого обзора ее содержания (chapter overview) и ключевых терминов (key terms), а завершается кратко сформулированными основными положениями (chapter summary). Так, схематичность в представлении информации позволяет составителям пособия создать для читателей опорные точки в использовании и усвоении материала. Условно названная нами практическая «зона» всех глав включает набор вопросов и заданий, подводящих читателя к осмыслению изложенной информации и побуждающих высказать собственное мнение по наиболее значимым аспектам. Ряд упражнений нацелен на актуализацию в устной и письменной речи ключевых терминов. Содержание переводческих заданий, по концепции авторов, должно, очевидно, соответствовать тематическому наполнению главы. Ввиду этого, несколько выбивающимся из организационной логики оказывается предложенное задание 4 (с. 79) третьей главы “Political Euphemism as a Tool for Camouflaging Reality”, так как тематически оно относится, скорее, ко второй главе “The Concept of Euphemism”. Каждую главу завершает список дополнительной литературы, рекомендованной для дальнейшего, более глубокого, ознакомления с темой.

В первой главе “The Phenomenon of Political Discourse” освещаются важные аспекты, связанные с изучением политического дискурса (определение и научные подходы). Естественным образом, в фокусе внимания здесь также оказываются основные лексические и семантические средства, позволяющие массмедиа и политическим деятелям искусно манипулировать аудиторией — синонимы, дисфемизмы, метафоры, языковые формулы/клише и т.п. Цитируя Д. Шиффрин [Schiffirin, 1994], авторы заостряют внимание на одной из ипостасей языка — его

использовании как инструмента власти, что обнаруживается на всех уровнях социального взаимодействия (с. 17).

Во второй главе “The Concept of Euphemism” явление эвфемизмов подвергается комплексному рассмотрению: авторы выделяют подходы к определению, классификации, описанию их функций и семантических процессов, посредством которых они создаются, затрагивают исторические аспекты и культурноспецифические характеристики. Детально обсуждается специфика эвфемизмов как единиц языка и речи.

Третья глава “Political Euphemism as a Tool for Camouflaging Reality” посвящена кругу вопросов, связанных с «маскирующей» функцией эвфемизмов в политическом дискурсе: на конкретных примерах анализируются лексико-стилистические особенности политических эвфемизмов, приводится их типология, прослеживается их связь с пропагандой в массмедиа, описываются некоторые приемы семантической обработки информации в пропаганде.

Последняя, четвертая, глава “Political Euphemisms in Practice” нацелена на рассмотрение политических эвфемизмов в действии. Здесь основной линией раскрытия темы является освещение функционирования анализируемых единиц в англо-американском военно-политическом дискурсе. В качестве иллюстративного материала авторы избирают военную риторику Б. Обамы, известного своим незаурядным ораторским мастерством, но, к сожалению, ограничиваются лишь цитатами из статьи журналистки К. Стейнметц, в которой она делится своими наблюдениями за речевым поведением 44 президента США [Steinmetz, 2013].

Систематизация научного состояния поднимаемых в книге проблем проведена, с нашей точки зрения, в общем, достаточно полно. В некоторых случаях, однако, длина параграфа составляет всего 1–2 абзаца (например, разделы 2.7; 3.1), поэтому при прочтении возник вопрос о целесообразности оформления подобных отрезков текста как самостоятельных структурных элементов. Отдельные параграфы представляют собой пересказ частей известных англоязычных научных трудов [Ayto, 1994; Orwell, 1946; Schiffrin, 1994] или перевод работ российских исследователей [Данилова, 2009]. Применение такого способа содержательного наполнения учебного пособия, думается, вполне методически обосновано, так как придает ему некоторую хрестоматийность, а также знакомит потенциальную англоязычную читательскую аудиторию с воззрениями российских ученых на обсуждаемые вопросы.

По нашему мнению, К.Д. Бастраковой и М.М. Филипповой удалось показать тесную связь эвфемизмов с феноменом власти и попытками манипулирования общественным мнением, а также феноменом политкорректности, пронизывающей различные сферы жизни англо-американского общества. Обсуждение названных явлений оказывается особенно актуальным, так как позволяет проникнуть в *акциональное* измерение политического дискурса, основными целями которого являются убеждение и побуждение к *действию*. На интересных иллюстративных примерах авторы продемонстрировали тропическую природу эвфемизмов и обусловленную этим семантическую неоднозначность,

допускающую разные толкования. В данной связи — и это подчеркнуто в книге — стратегически важным является понимание зависимости значения эвфемистической единицы и того, как выстраивается процесс ее толкования, от контекста использования. Ценным дополнением к книге является подборка отрывков из специальных текстов авторитетных исследователей, сопровождаемых рядом вопросов аналитического характера (*Selections of Literature*).

Переходя к дискуссионным моментам в нашей рецензии, отметим, что неоднозначным представляется выбор несколько «агрессивной» аналогии между политическими эвфемизмами и ядерным оружием, присутствующей в названии. Если прибегнуть к метафорическому метаязыку для описания когнитивно-прагматической природы политических эвфемизмов, то, на наш взгляд, в книге, бесспорно, показано, как эти единицы могут становиться «фигурными листочками» [Allan, Burrige, 2006: 97], оберегающими от конфликта, или «кривым зеркалом», искажающим реальность (см., например, раздел 3.7). Насколько их использование в дискурсе может иметь разрушительный эффект подобно последствиям применения ядерного оружия — вопрос, оставшийся для нас непрояснённым в рассуждениях авторов и их комментариях к практическому материалу.

Несмотря на то что в текст книги вкраплено много примеров эвфемизмов, причем, несомненно, очень интересных и показательно иллюстрирующих теоретические выкладки и размышления авторов, думается, что пособию недостает более современных контекстов использования этих единиц в политическом дискурсе на английском языке (скажем, последнего десятилетия, отмеченного активной общественно-политической жизнью англо-американского общества). Это в большей степени касается практических заданий, в которых, с нашей точки зрения, не столь широко представлен эвфемистический материал в его живом дискурсивном функционировании.

Все высказанные замечания, конечно же, не влияют на общее положительное впечатление от книги. Считаем, что по своему замыслу и широте охвата материала рецензируемое учебное пособие могло бы стать основой для специального академического курса. Смеем предположить, что издание будет достойным англоязычным источником знания о «волшебном» (вспомним эпитет авторов!) и нередко ускользающем от неискушенного участника коммуникации явлении эвфемизмов.

Список литературы

1. Allan K., Burrige K. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. N.Y., 2006.
2. Ayto J. *Euphemisms*. L., 1994.
3. Orwell G. *Politics and the English Language*, 1946. URL: https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit (дата обращения: 29.01.2021).
4. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford UK; Cambridge, Mass., USA, 1994.

5. Steinmetz K. Six Ways Obama Talks about War without Saying “War”. Time, 2013 URL: <https://swampland.time.com/2013/09/10/six-ways-obama-talks-about-war-without-saying-war/print/> (дата обращения: 25.01.2021).
6. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2009.

Anna Konstantinova

**BASTRAKOVA K.D., PHILIPPOVA M.M.
POLITICAL EUPHEMISM AS A LINGUISTIC “NUCLEAR
WEAPON”. Moscow: Moscow University Press, 2021. 182, [2] p.**

*Kuban State University of Technology
2 Moskovskaya street, Krasnodar, 350072*

This essay examines an English-language textbook dealing with the intriguing topic of Anglo-American euphemisms in political communication. The book discusses a number of major issues, like the notion of political discourse, the complex nature of the phenomenon of euphemism, its “camouflaging” function in political rhetoric, and the peculiarities of military euphemisms deployed by politicians. The authors logically structure the textbook making use of a wide scope of practical material and offering well-devised exercises to prospective students. Some arguable points, as shown in the review, include the choice of the title of the book and the noticeable scarcity of modern illustrative examples.

Key words: euphemisms; political discourse; political manipulation; military discourse; mass media propaganda.

About the author: Anna Konstantinova – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages № 2, Institute of Fundamental Sciences Kuban State University of Technology, Krasnodar, Russia (e-mail: constanna@mail.ru).

References

1. Allan K., Burridge K. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. New York, 2006.
2. Ayto J. *Euphemisms*. London, 1994.
3. Orwell G. *Politics and the English Language*, 1946. URL: https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit (accessed: 29.01.2021).
4. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford UK; Cambridge, Mass., USA, 1994.
5. Steinmetz K. *Six Ways Obama Talks about War without Saying “War”*. Time, 2013. URL: <https://swampland.time.com/2013/09/10/six-ways-obama-talks-about-war-without-saying-war/print/> (accessed: 25.01.2021).
6. Danilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii [Verbal Manipulation in Mass Media]*. Moscow, 2009.

Т.А. Капырина, С.Н. Мироненко

**ДЕНИСОВ А.Е. ПИЛЬНЯКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
В КОЛОМНЕ. ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А.П. АУЭРА.
Коломна: Серебро Слов, 2019. 106 с.**

*Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»
140411, Коломна, Россия, ул. Зеленая, д. 30*

Монография представляет историю Пильняковских чтений и деятельность А.П. Ауэра, направленную на возвращение, изучение и популяризацию наследия писателя.

Ключевые слова: Б.А. Пильняк; история филологии; Пильняковские чтения; региональное литературоведение; краеведение; А.П. Ауэр.

Новая книга коломенского краеведа А.Е. Денисова связывает два тематических центра: зарождение и функционирование «Пильняковских чтений» и деятельность профессора А.П. Ауэра, способствовавшего организации чтений и «возвращению» Бориса Пильняка. Выход книги был приурочен к XIII Пильняковским чтениям.

В Советском Союзе отношение к Пильняку было противоречивым и менялось от эпохи к эпохе. Названный Луначарским «попутчиком», но бывший председателем Всероссийского союза писателей, Пильняк фактически официально представлял лицо новой литературы СССР в Европе, США, Японии; с конца 1930-х годов и до Перестройки был фактически забыт, — что неудивительно для репрессированного. Впрочем, дата и обстоятельства смерти Пильняка до Перестройки оставались непроясненными, например, в качестве даты смерти указывался 1941 год, оставляя место для спекуляций о гибели на фронте.

В далеком 1989 г., на волне Перестройки, в Коломне прошли I Пильняковские чтения. Постепенно они превратятся в живую дискуссионную площадку, объединившую исследователей не только творчества Пильняка, но и русского авангарда, литературы раннего СССР. Конференция, выживет в кризисе 1990-х годов, пройдет через «сытые 2000-е»... Ее межвузовские сборники отражают — порой даже своим внешним видом — эти турбулентные годы: часть выпусков из семи была

Капырина Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы с возложением обязанностей декана филологического факультета (e-mail: mgosgi-fil@mail.ru).

Мироненко Сергей Николаевич — редактор отдела научно-исследовательской деятельности Государственного социально-гуманитарного университета (e-mail: gio-kgri@yandex.ru).

сдвоена, печатались они почти ручным способом, на газетной бумаге. Регулярные чтения стали возможны не только благодаря изменившемуся в стране социокультурному контексту, но также и кропотливой и интенсивной работе коломенского профессора А.П. Ауэра. Пильняк стал частью феномена возвращенной литературы, активно изучаемой в 1990-е годы. Эту историю Пильняковских чтений в Коломне и обобщает книга А.Е. Денисова.

Несомненное ее достоинство — библиографический раздел. Впервые обобщены и представлены единым списком все доклады, прозвучавшие в рамках чтений с 1989 по 2018 г. Глядя на старые программки, мы видим, как менялись интересы исследователей, как эпоха влияла на научные интересы исследователей литературы XX в. Первые чтения были однодневными, их цель заключалась в «возвращении» Пильняка. Исследователей интересовали взгляды критиков на творчество писателя, воспоминания о нем современников, творчество Пильняка в «ближнем кругу» его личных знакомых (Пильняк и Ахматова, Пильняк и Замятин). Тогда же возник краеведческий аспект.

Постепенно, в условиях общего интереса литературоведения к «возвращенным именам», конференция расширяется — географически и тематически. Последующие Пильняковские чтения были многодневными, среди докладчиков — представители Германии, Польши, Южной Кореи, США, Казахстана, Латвии, Эстонии, Венгрии, Франции, Финляндии... Добавляется культурологическая тематика, компаративистика широкого, скорее типологического, плана, появляются доклады по лингвопоэтике.

Книга А.Е. Денисова предлагает не только библиографию конференций, но и список посвященных Пильняку работ А.П. Ауэра. Что важно: приведены не только статьи в научных журналах («Литературное обозрение», «Русская литература» и др.): рядом с исследовательскими интерпретациями поставлены его публицистические выступления, в том числе в местной прессе («Коломенская правда», «Народный учитель», «Коломенский альманах» и др.). Публицистика редка в библиографиях ученых, хотя такие публикации позволяют проследить общественную и культурно-просветительскую миссию. Смешение в одном списке научных и публицистических материалов профессора Ауэра демонстрирует, как активно он работал, разрушая стереотипы, вводя Пильняка в круг чтения соотечественников.

Другой тематический центр книги А.Е. Денисова — краеведение. Републикуется очерк Пильняка «На родине Лажечникова», который прочерчивает двойственное отношение писателя к городу: с одной стороны, провинциальный и не ценящий своей истории, с другой — дышащий ею.

В книгу включены тексты писем Б.Б. Андроникашвили-Пильняка и Соколовой-Вогау, адресованных библиотеке им. И.И. Лажечникова и краеведческому музею Коломны, статьи О. Шилова «Коломенские реалии в романе Б.А. Пильняка “Соляной амбар”» и самого А.Е. Денисова «Прогулка по Коломне с Борисом Пильняком»: творчество Пильняка предложено осмыслить через заочную экскурсию по Коломне, сопровождаемую фотографиями и репродукциями почтовых открыток с видами

Коломны начала XX в. В основе экскурсии — текст очерка Пильняка «На родине Лажечникова».

Регионально-литературоведческий аспект составляет «фишку» рецензируемой монографии. И в то же время... постоянно акцентируя этот момент, книга фактически представляет Пильняка как исключительно коломенского писателя, а его творчество — как литературу о Коломне. Но не в «Заволочье», ни в «Таджикистане — Седьмой советской», ни в «Корнях японского солнца», ни в «Созревании плодов» Коломна не играет сколь-нибудь значимой роли. Претензия Пильняка на всемирность творчества, глобальный характер эстетического видения из книги выпали, как и прочтение Пильняка нашими иностранными коллегами, которые находят творчество этого писателя интересным и созвучным им.

Книга представляет собой безусловный интерес для филологов, краеведов и всех, кто интересуется историей литературоведения XX в., «возвращенной литературой», региональным литературоведением и, конечно же, творчеством самого Бориса Пильняка.

Tatyana Kapyrina, Sergey Mironenko

**DENISOV A. E. PILNYAK READINGS IN KOLOMNA.
IN MEMORY OF A.P. AUER.**

Kolomna: Serebro Slovo, 2019. 106 pp.

*State University in Sociology and Humanities,
Zelenaya Ulitsa, 30, Kolomna, Moscow Oblast, 140411*

The present review is devoted to the book “Pilnyak Readings in Kolomna. In Memory of A.P. Auer” by A.E. Denisov (Kolomna, 2019). Two focal points of the book are discussed, i.e. history of the *Pilnyak Readings* held in Kolomna since 1989 on biannual basis and the personal input of late Alexander Petrovich Auer, a professor at Kolomna University and a towering figure in Pilnyak Studies in USSR and Russia. The book features some sources on Russian Literary Studies from 1980–2000s, namely: the full list of presentations given in the *Pilnyak Readings* and the list of A.P. Auer’s articles on Boris Pilnyak biography, his literary oeuvre and aesthetics. We show the regional dimension and the sources assembled in this volume as the most important elements of the new publication.

Key words: B.A. Pilnyak; Russian literary studies; Pilnyak Readings; regional literary studies; A.P. Auer.

About the authors: Tatyana Kapyrina — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, State University of Social Studies and Humanities (e-mail: mgosgi-fil@mail.ru); Sergey Mironenko — Editor, Department of Science and Research, State University of Social Studies and Humanities (e-mail: rio-kgpi@yandex.ru).

Е.В. Балдина

**ВОРОПАЕВ В.А. НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ...:
О ГОГОЛЕ И НЕ ТОЛЬКО. М.: Белый город, 2019. 448 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Новая книга В.А. Воропаева, изданная в связи с 210-летием со дня рождения Гоголя, составлена из работ, посвященных дискуссионным и малоизученным вопросам биографии и творчества писателя. Статьи и очерки, написанные в разное время, переработаны и дополнены с учетом новых данных; представлены неизвестные факты жизни Гоголя, предложены оригинальные интерпретации как хрестоматийных, так и почти не знакомых широкому читателю произведений. Несомненным достоинством издания является воссоздание обширного историко-культурного контекста: это и портреты современников писателя, и важнейшие исторические события, и наиболее значимые явления русской культуры XIX в. Особое внимание уделено освещению церковной жизни гоголевского времени.

Ключевые слова: история русской литературы; биография писателя; поэтика; Н.В. Гоголь; историко-культурный контекст.

Имя российского литературоведа Владимира Алексеевича Воропаева известно не только специалистам-филологам. С работами ученого знакома широкая аудитория читателей, интересующихся всем, что связано с жизнью и творчеством Н.В. Гоголя. В 2019 г. в связи с 210-летием со дня рождения писателя вышла новая книга, в которую вошли дополненные и переработанные с учетом новых данных работы В.А. Воропаева разных лет, отражающие многолетние научные изыскания.

Жизненный и творческий путь Гоголя осмыслен исследователем в его сложности и многогранности и одновременно с этим — в цельности и постоянстве художественных и нравственных ориентиров. Об этом свидетельствует название книги, в котором цитируется одна из предсмертных записей Гоголя — своего рода ключ к разгадке тайны личности писателя: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник». Открывается книга статьей «*Нет другой двери...* Гоголь и

Балдина Елена Викторовна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: baldinalena@mail.ru).

Евангелие», а завершается очерком «Гоголь как мыслитель», где, как бы возвращаясь к началу книги, исследователь выводит читателя в послегоголевское время, связывая творчество Гоголя с истоками русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.

Примерно треть сборника составляют статьи, посвященные произведениям Гоголя. Несмотря на очевидный интерес исследователя преимущественно к поздним гоголевским сочинениям, не обойдены вниманием и хрестоматийные произведения — поэма «Мертвые души», повесть «Тарас Бульба». В издание вошли две статьи о комедии «Ревизор», в одной из которых дается несколько неожиданная, но достаточно убедительная интерпретация образа Хлестакова.

Наряду с художественными произведениями Гоголя рассматривается публицистика и сочинения религиозно-нравственного характера (во многих современных изданиях эти тексты публикуются как духовная проза): «Выбранные места из переписки с друзьями»; «Размышления о Божественной Литургии». К этому же тематическому блоку в сборнике примыкает небольшая работа о сочинении Гоголя, которое можно отнести к духовной поэзии: подробно изложена история бытования текста гоголевской стихотворной молитвы, получившей широкое распространение за пределами России и Малороссии, прежде всего в славянских странах.

Значительная часть работ посвящена вопросам, связанным с неоднозначным осмыслением некоторых фактов биографии Гоголя. В статьях «*Да будет воля Твоя. О причинах смерти Гоголя*» и «*Ей, гряди, Господи Иисусе! Кончина Гоголя как его завещание потомкам*» В.А. Воропаев подводит итог почти полуторауголового полемике.

Как известно, существенную часть жизни Гоголя составляли путешествия, особое место в странствиях занимали паломнические поездки. Наиболее значимым для писателя стало паломничество в Иерусалим; в статье «Путешествие ко Гробу Господню» уточнены сведения о маршруте Гоголя: по прибытии из Неаполя на Мальту, изменив первоначальный план, он продолжает путь в Иерусалим через остров Корфу. С пребыванием на Корфу связан подробно описанный исследователем один из самых загадочных эпизодов биографии Гоголя.

Книга, как свидетельствует ее название, предполагает воссоздание историко-культурного фона эпохи. Прежде всего это ближайшее окружение Гоголя, в которое входило немало лиц, оставивших яркий след в истории русской культуры XIX в.: Жуковский; Языков; Шевырев; Погодин; Щепкин; Хомяков; А.О. Смирнова; семьи Аксаковых и Виельгорских и др. Помимо светских лиц важнейшую роль в жизни Гоголя сыграли представители духовного сословия, некоторые из которых были известны как выдающиеся церковные деятели своего времени: святитель Филарет, митрополит Московский; преподобный Макарий Оптинский и др. Особенно важным для Гоголя было знакомство с протоиереем Матфеем Константиновским — отношения писателя и священника посвящена одна из статей, где представлены новые документальные свидетельства.

Особенностью книги является внимание автора не только к собственно историко-литературным темам и к светской культуре. В.А. Воропаев подробно описывает и церковную жизнь гоголевского времени: черты церковного быта; важнейшие события церковного года; наиболее известные религиозно-нравственные сочинения. Обычно эта сторона национальной культуры редко привлекает внимание литературоведов, однако без ее учета многие историко-литературные факты могут быть истолкованы в лучшем случае неполно.

Ряд статей можно объединить под условным названием «Эпоха Гоголя», подразумеваемым как исторически значимые события, так и важнейшие тенденции в культурной жизни России гоголевского и послегоголевского времени. Наиболее интересной представляется статья «Вас развратило Самовластье...», посвященная одноименному стихотворению Тютчева и раскрывающая свободное от поздних идеологических наслоений значение слова «самовластье», что не только меняет общепринятую трактовку тютчевского текста, но и проясняет отношение Гоголя к «декабризму».

Еще одно из интереснейших явлений гоголевской эпохи нашло отражение в статье «Церковь одна. Хомяков и Гоголь». История богословского сочинения, искусно стилизованного под перевод с греческого языка и известного современникам Хомякова (в том числе и Гоголю) лишь в рукописной версии, представлена в контексте эволюции русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.

Рецензируемое издание — своего рода «малая энциклопедия» жизни и творчества Гоголя. Академическая точность и глубина сочетаются здесь с простотой и ясностью изложения, научно выверенные интерпретации органично соединены с увлекательным рассказом. Это создает «эффект погружения» в бесконечные глубины мира произведений Гоголя, неотделимых от своего времени и от личности автора. На страницах книги каждый читатель найдет для себя новое как в давно знакомом, так и в малоизвестном.

Elena Baldina

**VOROPAYEV V. A. NO OTHER DOOR...
ABOUT GOGOL AND NOT ONLY HIM.
M.: Bely Gorod Publ., 2019. 448 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The new book of V.A. Voropayev, issued in honour of the 210th anniversary contains studies devoted to controversial and understudied subjects of the biography and literary works of Gogol. Articles and essays written at different times have been

reworked and supplemented with new data; The book presents unknown facts from the writer's biography and original interpretations of both well-known and lesser-known Gogol's works. The undoubted advantage of the publication is the reconstruction of an extensive historical and cultural context: these are portraits of the writer's contemporaries, the most important historical events, and the most significant phenomena of Russian culture of the 19th century. Particular attention is paid to the coverage of church life in Gogol's time.

Key words: history of Russian literature; biography of the writer; poetics; N.V. Gogol; historical and cultural context.

About the author: *Elena Baldina* — PhD Teaching Fellow, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: baldinalena@mail.ru).

Н.В. Сорокина

**ГОЛУБКОВ М.М. ЮРИЙ ПОЛЯКОВ:
КОНТЕКСТ, ПОДТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ
И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТЕКСТА: УЧЕНЫЕ
(И НЕ ОЧЕНЬ) ЗАПИСКИ ОДНОГО СЕМИНАРА.
М.: Изд-во АСТ, 2020. 256 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

В рецензии представлена книга, составленная по результатам работы семинара «XX век как литературная эпоха», действующего на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Руководитель семинара — заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса профессор М.М. Голубков. В центре внимания авторов «ученых записок» — творчество Ю.М. Полякова как одного из ярких и знаковых представителей современной отечественной литературы, рассмотренное в широком общественно-культурном контексте. В представленных работах М.М. Голубкова, его коллег и учеников осмысливаются особенности литературной ситуации рубежа XX–XXI вв., проводятся параллели прозы Ю.М. Полякова с произведениями предшественников и современников писателя. Издание подобного рода показывает активное сотрудничество авторитетных и молодых ученых в атмосфере творческого поиска, свободного обмена мнениями. Практика оформления научных исследований молодых филологов в формате коллективного печатного труда с сохранением элементов устного обсуждения заслуживает внимания университетских научных сообществ.

Ключевые слова: проза Ю.М. Полякова; современный литературный процесс; литературная эпоха XX в.; литературоведческая школа МГУ имени М.В. Ломоносова; М.М. Голубков.

Традиции семинаров как академической школы научного поиска, диспута, оформления творческих, теоретических концепций, приоритетов заложены лучшими учеными XX в. Такие занятия многим давали «путевку» в большую академическую науку.

Семинар «XX век как литературная эпоха», уже много лет действующий на филологическом факультете Московского университета под

Сорокина Наталья Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (e-mail: sorok_tam@rambler.ru).

руководством заведующего кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса профессора М.М. Голубкова, — пример плодотворного преподавательско-студенческого исследовательского содружества.

Отрадно, что деятельность семинара получила публикационное отражение в оригинальном формате «ученых (и не очень) записок» — жанре, подразумевающим и академическое изложение, и долю иронии и игрового (игривого) настроя — «под статью ее герою, писателю Юрию Полякову» [Голубков, 2020].

В статьях сборника М.М. Голубков продолжает развивать историко-литературную концепцию, изложенную им в его фундаментальных монографиях «Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы» (М., 1992) и «Русская литература XX века. После раскола» (М., 2002), «История русской литературной критики XX века» (М., 2019) и др.

Из разнообразной палитры явлений литературы первых десятилетий XXI века М.М. Голубков выделил два имени — Алексей Варламов и Юрий Поляков: «Очень разные писатели, с различной, но всё же в чем-то и схожей аксиологией. Их будут читать в обозримом историческом пространстве (50, 100 лет), по их произведениям будут судить о нашем времени» [Голубков, 2020].

Ю.М. Поляков — действительно заметная фигура современного литературного процесса. Он не только его непосредственный участник в качестве писателя, но и организатор как редактор «Литературной газеты» на протяжении многих лет. В связи с этим рассмотрение его творчества как одного из заметных и ярких авторов текущего периода во многом расширяет представление о состоянии отечественной словесности, ее ведущих направлениях и художественных поисках.

Книга открывается обстоятельной проблемно-обзорной статьей М.М. Голубкова «Когда началась современная литература?» Ответ на вопрос заглавия дается конкретный: период современной литературы следует начинать с рубежа 1980—1990-х годов. Нижнюю временную границу — 1985—1987 гг. — характеризуют сформировавшие общественные условия, существенно повлиявшие на развитие литературы: изменившиеся отношения между государством и литературой, утрата русской культурой литературоцентризма, отмена политической цензуры, снижение прежнего статуса писателя, сужение читательской аудитории и ее атомизация, рыночный характер издательской политики.

Особенности современной ситуации вынуждают скорректировать и некоторые традиционные понятия. Вместо *литературного процесса* М.М. Голубков предлагает использовать *литературное пространство* для обозначения нынешнего состояния словесности: «Современная литература представляет собой бескрайнее поле, если позволительна такая метафора, засеянное множеством литературных семян и дающее самые разнообразные плоды — от цветов зла до ярчайших роз и пионов; от сорняков до культурных растений; от полевых цветов до рафинированных голландских тюльпанов. Однако это бескрайнее поле оказывается необозримо: на нем нет вышки, на которую мог бы

подняться читатель (или критик как квалифицированный читатель) и обозреть все поле» (с. 22).

Выступления руководителя семинара определяют общую концепцию коллективного труда, уточняют ключевые теоретические моменты. Всем статьям свойственен свободный стиль, информационные и исследовательские моменты перемежаются с воспоминаниями и риторическими вопросами.

Творчество Полякова в рецензируемом издании представлено глазами авторитетных и молодых литературоведов. Диапазон представленных в коллективном труде ракурсов изучения прозы писателя достаточно широк. Исследуются «мысль семейная» в романах писателя (И.Б. Ничипоров), пути трансформации («эрозии») любви в повести «Небо падших» (Н. Ибадова), константы художественного мира Полякова в романе «Любовь в эпоху перемен» (М.В. Бочкина), приемы изображения литературной среды в романах «Козленок в молоке» и «Веселая жизнь, или Секс в СССР» (Е.П. Мельничук), принципы художественного осмысления искусства и творчества в «Гипсовом трубаче» (Д.В. Кротова). Поляков, будучи свидетелем и участником литературно-общественного процесса, обозначил это время как «эпоха перемен». Об этом размышляет Е.В. Жуйкова, делая обзор литературных тенденций «лихих девяностых».

М.М. Голубков и его ученики очерчивают круг авторов, близких Полякову по идейным и художественным концепциям. Писатель продолжает опыт А.И. Солженицына, И. Дедкова и «московской школы», Ю.В. Трифонова.

Атмосфера свободного общения и обмена мнениями делает семинары подлинной школой филологического поиска. Издание сохранило эту живую атмосферу. Даются реплики руководителя и участников, комментарии. Например, на утверждение аспирантки, что «1990-е годы, полные предательства, лжи и крови, справедливо назвали в России лихими», М.М. Голубков возражает: «Ну нельзя же так! Не только к этому сводилась сложная и противоречивая эпоха 1990-х годов! И предшествующий доклад это как раз и показал» (с. 93). Или подытоживает, уточняет выступления своих питомцев, ставя перед ними новые вопросы: «Так чего же больше в его книгах? Иронии как формы инакомыслия? Иронии разрушительной? Или все же спасительной?» (с. 103). Руководитель устанавливает смысловые связи между выступлениями, выстраивает логику единого научного поиска.

В круг анализируемых на семинаре тем не вошла драматургия Полякова. Вероятно, это один из возможных векторов дальнейшей работы. Пьесы Полякова вызывают интерес у российских театральных коллективов из разных регионов. Многочисленные спектакли позволили организовать регулярный специальный Фестиваль современной драматургии «Смотрины» по пьесам Полякова (2015–2019).

Многообещающая концовка опубликованных штудий: «У наших записок такой же открытый финал, как и у творчества Юрия Полякова. Ждем новых романов, новых пьес — их и будем обсуждать. А потом составим следующий том “записок одного семинара”. Точку не ставим — ставим многоточие...»

Список литературы

1. Голубков М.М. Отрицать всегда легче //Лит. Россия. 2020. 13 февр. [Электронный ресурс] URL: <https://litrossia.ru/item/otricat-vsegda-legche/> (дата обращения: 04.08.2020).

Natalia Sorokina

GOLUBKOV M. M. YURI POLYAKOV: CONTEXT, SUBTEXT, INTERTEXT AND OTHER “ADVENTURES” OF THE TEXT. A FEW NOTES FROM A SEMINAR. M.: AST Edition, 2020. 256 p.

*Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000*

The article presents the review of the book based on the materials of a seminar “The Literary Epoch of the XXth century” at the Philological Department of Lomonosov Moscow State University. The coordinator of the conference is Professor M.M. Golubkov, the Head of Chair of Newer Literature and Modern Literary Process. The scholars focus on compositions by Y.M. Polyakov, one of the greatest and the most significant writers of nowadays, and give the detailed analysis of his literary works in social and cultural context. The works by M.M. Golubkov, his colleagues and students deal with the literature at the turn of the century (XX–XXI), drawing parallels between Y.M. Polyakov’s prose and the prose written by his predecessors and contemporaries. The edition demonstrates an example of partnership between the professors and the young researchers, forming the atmosphere of freedom that makes creative endeavour and exchange of opinions possible. The idea to include elements of oral discussion into the scholarly collection of papers deserves attention and seems to be useful.

Key words: Y.M. Polyakov’s prose; the newer literature; the literary epoch of the XX century; literary studies at Lomonosov Moscow State University; M.M. Golubkov.

About the author: *Natalia Sorokina* — Prof. Dr., Department of Russian and Foreign Literature, Journalism, Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University (e-mail: sorok_tam@rambler.ru).

References

1. Golubkov M.M. 2020. Otriczat’ vseгда legche [The way of denial is the easiest one]. *Lit. Rossiya*, 2020, 13 февр. URL: <https://litrossia.ru/item/otricat-vsegda-legche/> (accessed: 04.08.2020).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.К. Онипенко

ЛП ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2*

Статья посвящена краткому изложению докладов, прочитанных на 52 Виноградовских чтениях в МГУ. Тема чтений — «О соотношении традиций и новаторства в филологическом мышлении (Уроки В.В. Виноградова)». На чтениях присутствовали более 100 слушателей из разных вузов и научных институтов России, а также русисты из стран ближнего и дальнего зарубежья. В программу вошли девять докладов, представлявших актуальные проблемы современной русистики: история русской лингвистической науки как взаимообогащающий диалог разных научных школ и направлений, дискуссионные проблемы современной грамматики, современная интерпретация виноградовской теории образа автора, исследовательский потенциал современной корпусной лингвистики. Чтения 2021 г. еще раз подтвердили интерес научной общественности к наследию академика В.В. Виноградова, доказали силу и убедительность его идей, плодотворность его научного метода.

Ключевые слова: лингвистика; филология; анализ текста; образ автора; нарративный тип; глагол; вид глагола; перфект; стилистика; модальный глагол; сериальные конструкции; науковедение; залог глагола.

20 января 2021 г. в онлайн-формате прошли ЛП Виноградовские чтения, организованные филологическим факультетом МГУ. Тема чтений — «О соотношении традиций и новаторства в филологическом мышлении (Уроки В.В. Виноградова)». В программу чтений 2021 г. вошли девять докладов, посвященных актуальным проблемам современной русистики. На чтениях присутствовали более 100 слушателей из разных вузов и научных институтов России, а также русисты из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Во вступительном слове президент филологического факультета профессор *М.Л. Ремнева* сказала о значимости В.В. Виноградова для филологической науки. Виктор Владимирович соединял лучшие традиции русистики XIX в. с новаторскими идеями XX в., тонкое чутье языкового материала и энциклопедическое знание текстов со строгой научной теорией, высочайший уровень научного исследования с муд-

Онипенко Надежда — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

ростью и требовательностью учителя в самом высоком смысле этого слова. Если сравнить тематику научных трудов В.В. Виноградова и направления научных исследований, которые развиваются сегодня на кафедре русского языка, то можно сказать, что вся кафедра и есть Школа академика В.В. Виноградова.

Программу чтений открыл доклад чл.-корр. РАН *В.М. Алпатова* (ИЯз РАН) «Традиции и новаторство в отечественной лингвистике». Докладчик представил историю развития русистики как диалог научных парадигм, как сложное методологическое взаимодействие традиций и новаторства. Отечественная лингвистика всегда была частью мировой лингвистической науки и в основном проходила те же этапы развития. В XIX в. сложились две основные парадигмы языкознания: компаративная и философская (гумбольдтианская). Затем в России, как и на Западе, почти полвека господствовал позитивизм (*Ф.Ф. Фортунатов* и его школа). Главным задачей позитивистской лингвистики было сосредоточение на явлениях, доступных непосредственному наблюдению или выводимых из них по строго определенным правилам. В начале XX в. новаторство в методах исследований соединялось с традиционализмом в теоретических построениях. С 1920-х годов сложился структурализм, для которого характерен отказ от эмпиризма, понимание языка как знаковой системы, рассмотрение объекта по образцу естественных наук с позиции извне. Одновременно существовала и традиционная лингвистика: она обладала нестрогим понятийным аппаратом и ориентировалась на русский язык, представленный изнутри, с точки зрения носителя языка. С 1970-х годов сложилась функциональная, в том числе когнитивная парадигма, которой свойственно значительно расширение тематики и стремление к установлению связей со многими науками о человеке.

Профессор *Т.В. Шмелева* (НовГУ) в докладе «Виноградовский “образ автора” и авторское начало медиатекста» соединила виноградовское понятие «образа автора» с задачами лингвистического анализа современных медиатекстов. Для интерпретации субъективного начала в тексте были предложены пять параметров: проявление автора в тексте (категория лица местоимений и глаголов); хронотоп текста (категории модальности и времени, выраженные грамматически и лексически); авторские оценки информации, событий, явлений и персонажей; метатекст (модусные предикаты, модальные частицы, вводные слова); прецедентность текста (наличие явных и скрытых цитат). В результате комплексного анализа текста докладчик приходит к выводу о том, что «образ автора» — это сложная структура, включающая в себя разные авторские позиции и разные способы перехода от одной позиции к другой. Авторское начало медиатекста есть грамматическая проекция «образа автора». Зерно авторского начала текста — это модус предложения как комплекс авторских оценок, или субъективные смыслы высказывания.

Доклад профессора *Е.В. Петрухиной* (МГУ) «Взаимодействие залога и вида: семантические эффекты и их интерпретация» был посвящен объяснению того факта, что категория залога в русском языке значи-

тельно отличается от категории залога в других славянских языках. По мнению докладчика, это связано с различиями в семантике категории вида (информацию об этом и тексты ряда статей Е.В. Петрухиной см. в <http://istina.msu.ru/profile/PetrukhinaEV9265/>). Было предложено различать два принципа системной организации пассивных форм — симметричный (например, в чешском) и асимметричный (в русском). При симметричной организации (как, например, в чешском языке) причастная и возвратная системы выражения пассивного залога автономны (противопоставленные по виду формы есть и в причастной системе, и в системе возвратных глаголов). При асимметричной организации (как в русском языке) причастная и возвратно-финитная системы связаны между собой и должны рассматриваться во взаимосвязи. В русском языке маркированный член видовой оппозиции (совершенный вид) актуализирует временную границу между смежными ситуациями (ПРЕДЕЛ действия). В чешском языке СВ выражает идею ЦЕЛОСТНОСТИ без актуализации границ действия. Это различие влияет и на семантику видового соотношения в пассивном залоге: при употреблении возвратных пассивных форм, образованных от глаголов СВ, в русском языке часто возникает декаузативный эффект, не свойственный чешскому языку (а также ряду других славянских языков).

Профессор *М.Ю. Сидорова* (МГУ) в докладе «С чего начинается синтаксис: взгляд на русское предложение сквозь призму порождающего подхода» показала актуальность виноградовского подхода к определению сущности предложения как коммуникативной синтаксической единицы. Предложение — это не абстрактный образец, отвлеченный от реальных высказываний в результате абстрагирующего мышления лингвиста, не пустая форма, заполняемая лексемами, предложение — это результат когнитивно-коммуникативной деятельности говорящего. В.В. Виноградов определял предложение как «грамматически оформленную по законам данного языка, целостную единицу речи, являющуюся средством формирования, выражения и сообщения мысли». В этом определении для докладчика наиболее важным было слово «формирование» (мысли), которое в докладе было соотнесено с методами современного порождающего подхода к предложению.

Виноградовскую традицию изучения истории слов развивал в своем докладе «*Дикость и одичание* в истории русского языка и русской культуры» профессор *А.Д. Шмелев* (ИРЯ РАН, МПГУ), который показал, что семантика прилагательного *дикий* и производных от него существительных *дикость* и *одичание* связана с противопоставлением понятию «культура» в его разных значениях. Если в XIX в. *дикими* были не только животные, но и народы, то в наше время в основном круге употреблений слово *дикий* применяется не к людям и народам, а к растениям и животным. *Диким* называется все природное, не обработанное человеком. Кроме того, понятие *дикости* связано с противопоставлением «своего, обжитого» и «чужого, необжитого» пространства, с противопоставлением мира и воли. Противоположность *дикости* — смиренное, или в народной речи *смирное*, поведение. От этого противопоставления еще один

шаг приводит к появлению у слова *дикий* и его производных значения высокой степени чего-либо, т.е. значения 'переходящий границы нормального, очень сильный'. *Дикостью* мы называем нарушение принятых в культурном сообществе правил приличия и норм поведения, открытую демонстрацию необразованности и низкого культурного уровня. Докладчик рассмотрел также «парадоксы» *одичания*: животное дичает, когда оказывается за пределами на воле, человек дичает, когда оказывается в одиночестве, замыкается дома, в своем личном пространстве.

Во вторую часть программы были включены четыре доклада, представлявшие результаты корпусных исследований в сфере простого и сложного предложения.

Диахронный аспект изучения семантико-синтаксических свойств служебных единиц языка стал предметом обсуждения в докладе «Семантика союза *как* в диахронном аспекте» канд. филол. наук *Н.В. Сердобольской* (ИЯз РАН, ГИРЯП) и профессора *И.М. Кобозевой* (МГУ). Рассматривалось два аспекта развития семантики союза *как* (*како*, *какъ*) в связи с типологическими обобщениями относительно путей грамматикализации вопросительных наречий образа действия (НОД) и типологией сравнительных конструкций. Так, в [Boye, Sørensen, 2016]¹ предложен следующий сценарий: вопросительное НОД → относительное НОД в «косвенном вопросе» → союз, вводящий сентенциальный актант (СА) в статусе «события» → союз, вводящий СА в статусе «факта / пропозиции». В докладе на основе данных истории русского языка были предложены два альтернативных сценария: 1) событийное употребление развивается из конструкций при перцептивных и ментальных глаголах; 2) происходит постепенное сужение функций подчинительного союза с общим, недифференцированным значением. Были представлены данные в пользу того, что в древнерусский период сравнительные союзы были дополнительно распределены по двум сравнительным значениям: симилятива (*акы / аки*) и экватива (*како*, *какъ*), но впоследствии такая система, сохранившаяся в ряде европейских языков, в русском языке уступила место системе, в которой различие этих двух значений передается не различием союзов, а различием простого и соотносительного СПП с союзом *как*.

Канд. филол. наук *М.А. Холодилова* (ИЛИ РАН, ИРЯ РАН, ВШЭ) представила доклад «Грамматикализация вспомогательных глаголов в русском языке», в котором на основе корпусного исследования и многофакторного подхода обосновала грамматическую сущность семантики модальных глаголов. В нем были перечислены признаки (морфологические и синтаксические), указывающие на потерю глаголом самостоятельного лексического значения. При сравнении глаголов *мочь* и *уметь* было показано, что глагол *мочь* в большей степени грамматикализован, нежели глагол *уметь*.

¹ *Boye K. & Sørensen M.L.* The grammaticalization of 'how' — complementizers, talk given at the 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europea, University of Naples, Napoli, Italy, 31 August — 3 September, 2016.

В докладе канд. филол. наук *Н.М. Стойновой* (ИРЯ РАН) и канд. филол. наук *А.Б. Шлуинского* (ИЯз РАН) «Русские сериальные глагольные конструкции: типологические и конкретноязыковые ограничения» рассматривались русские «двойные глаголы» на фоне подобных явлений в других языках. Основными ареалами распространения сериальных конструкций (СК) признаются Западная Африка, Юго-Восточная Азия, Океания и Папуа Новая Гвинея; кроме того, СК распространены в креольских языках. Для типичного языка с сериализацией характерна аналитическая морфология, изолирующий тип и малое количество нефинитных форм глагола. Русский язык — пример языка с СК как периферийной стратегией. СК в русском языке в значительной мере укладывается в типологические ожидания: для них обычно совпадение вида, времени и наклонения; преобладание модифицирующих СК с глаголами движения и позиции; иконический порядок глаголов. Но есть и то, что не отвечает типологическим ожиданиям: последовательно употребляются СК «импер-НСВ + импер-СВ» (*иди возьми*); есть маргинальные примеры типа *пришел сидит*; маргинальные примеры с независимым отрицанием; повышенная частотность императива и других форм со значением побуждения.

Завершал программу чтений доклад канд. филол. наук *М.Ю. Князева* (ИЛИ РАН) «Приименные актантные придаточные в русском языке: синхронный анализ и диахроническая перспектива», в котором сравнивалась частотность сложных предложений с разными вариантами соединения предикативных частей: (1) *настаивает на той мысли, что...*; (2) *настаивает на мысли, что...*; (3) *настаивает на мысли о том, что...* Корпусной анализ позволил автору увидеть спады и подъемы в активности этих конструкций. Так, для второй трети XIX в. наиболее частотной была конструкция (1), а в XX в. конструкции с указательным местоимением перед существительным (1) уступают место конструкциям с указательным местоимением после существительного (3). По мнению докладчика, это произошло под действием аналогии с глагольными синонимичными конструкциями (*настаивает на том, что...*). Однако есть существительные, которые сохраняют доминирование конструкции с препозицией указательного местоимения (*по той причине, что...*; *на том основании, что...*; *под тем предлогом, что...*).

Итоги ЛП Виноградовских чтений в МГУ подвела *М.Л. Ремнева*, которая отметила высокий научный уровень докладов, актуальность тем и широту проблематики, освещенной в докладах. Чтения 2021 г. еще раз подтвердили интерес научной общественности к наследию академика Виноградова, доказали силу и убедительность его идей, плодотворность его научного метода. 50 лет назад Г.А. Золотова, перефразируя слова А.И. Соболевского об А.Х. Востокове, написала о своем учителе: «...не дожидаясь суда потомков, можно с уверенностью предсказать: чем ближе к путям В.В. Виноградова, тем для науки будет больше пользы».

Виноградовские чтения 2021 г. подтверждают это предсказание.

Nadezhda Onipenko

LII VINOGRADOV READINGS

Federal State Budgetary Scientific Institution V.V. Vinogradov

Russian Language Institute of RAS

18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019

The article is devoted to a summary of the reports read at 52 Vinogradov readings at Moscow State University. The topic of the readings is “On the relationship between traditions and innovation in philological thinking (Lessons by V. Vinogradov)”. The readings were attended by over 100 listeners from various universities and research institutes in Russia, as well as Russian scholars from the countries of near and far abroad. The program included 9 reports that presented topical problems of modern Russian studies: the history of Russian linguistic science as a mutually enriching dialogue between different scientific schools and trends, controversial problems of modern grammar, a modern interpretation of Vinogradov’s theory of the author’s image, the research potential of modern corpus linguistics. The readings of 2021 once again confirmed the interest of the scientific community in the legacy of Academician Vinogradov, proved the strength and persuasiveness of his ideas, the fruitfulness of his scientific method.

Key words: linguistics; philology; image of the author; text analysis; type of narration; verb; aspect; perfect; stylistics; union; modal verb; serial constructions; science of science; verb voice.

About the author: *Nadia Onipenko* — PhD in Philology, Leading Researcher IRA RAS (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

И.В. Мухачёва

ЧТЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАВДИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОРШКОВОЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре подводятся итоги прошедших 13 января 2021 г. на филологическом факультете МГУ Чтений, которые были посвящены 100-летию со дня рождения К.В. Горшковой, заслуженного деятеля наук Российской Федерации, доктора филологических наук, заслуженного профессора МГУ, одного из ведущих отечественных исследователей русского языка и его истории. В сферу научных интересов К.В. Горшковой входили многие области лингвистики: фонетика, фонология, орфоэпия, диалектология, лингвистическая география, история языка. К.В. Горшкова была противницей разделения проблематики современного русского языка и истории русского языка. Первая часть Чтений была посвящена воспоминаниям учеников о К.В. Горшковой; во второй и третьей частях прозвучали доклады, в которых обсуждались различные идеи К.В. Горшковой. В обзоре излагается содержание научных докладов.

Ключевые слова: К.В. Горшкова; фонетика; фонология; орфоэпия; диалектология; лингвистическая география; история языка.

12 января 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Клавдии Васильевны Горшковой (1921–2002). Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, один из ведущих отечественных исследователей русского языка и его истории, К.В. Горшкова всю свою жизнь посвятила кафедре русского языка филологического факультета МГУ, пройдя путь от ассистента (1945) до заведующего кафедрой (1971–1995).

В честь этой знаменательной даты 13 января 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась «Чтения к 100-летию со дня рождения Клавдии Васильевны Горшковой», организованные кафедрой русского языка. На них выступили с воспоминаниями и докладами ученики Клавдии Васильевны и ученики ее учеников из России, Казахстана, Германии, Австрии, Литвы. Среди слушателей были филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, из Италии, Казахстана, Китая, Словении, Испании.

Мухачёва Ирина Валерьевна — лаборант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imukhachyova@yandex.ru).

К Читениям была подготовлена виртуальная выставка «Клавдия Васильевна Горшкова — Ученый, Учитель, Человек» (URL: <https://www.philol.msu.ru/K-yubileyu-Klavdii-Vasilievny-Gorshkovoy/>), на которой размещены фотографии Клавдии Васильевны, публикации о ней, библиографический список ее работ, часть из которых доступна для скачивания. Сами Читения также прошли в онлайн-формате.

Чтения открыла президент филологического факультета МГУ, заведующий кафедрой русского языка проф. *М.Л. Ремнёва*, преемница К.В. Горшковой на посту руководителя кафедрой и ее ученица. М.Л. Ремнёва охарактеризовала К.В. Горшкову как хорошего администратора и широко мыслящего учителя, разрешающего свободу выбора своим ученикам. М.Л. Ремнёва отметила, что К.В. Горшкова много сделала не только для кафедры, но и для факультета; ее ценило и уважало руководство университета.

Первая часть Чтений была посвящена воспоминаниям о К.В. Горшковой ее учеников. Эту часть вела проректор МГУ, член-корреспондент Российской академии образования, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов проф. *Т.В. Кортава*. В своей речи, искренней и проникновенной, Т.В. Кортава вспоминала К.В. Горшкову не только как талантливого учителя, умеющего направлять своих учеников на новые научные маршруты, но и как необыкновенного человека, сыгравшего значимую роль в жизни многих людей. И М.Л. Ремнёва, и Т.В. Кортава единодушно заметили: необходимо хранить память о Клавдии Васильевне и быть благодарными ей.

Эта же мысль звучала и в выступлениях других учеников К.В. Горшковой. Проф. *Е.В. Клобуков* (МГУ) подчеркнул, что К.В. Горшкова отличалась постоянной тягой к получению научных знаний. По замечанию *Е.В. Клобукова*, среди ее учеников много масштабных личностей. *Н.Д. Ахвледiani* (Вена, Австрия) охарактеризовала К.В. Горшкову как требовательного, но отзывчивого научного руководителя, прекрасного педагога, умеющего найти индивидуальный подход к каждому своему ученику. Доц. *Е.М. Коницкая* (Вильнюсский университет, Литва) благодарна К.В. Горшковой за то, что Клавдия Васильевна научила ее систематическому подходу к исследованию языковых фактов и работе с текстом. Доц. *О.Н. Григорьева* (МГУ) отметила строгость Клавдии Васильевны вкпе с доброжелательностью и заботой, а также мудрое и уважительное отношение к ученикам. *М.К. Башаратьян* (Москва) благодарен К.В. Горшковой не только за то, что она вводила своих учеников в научный мир, но и за то, что формировала в них лучшие человеческие качества. Доц. *Н.Н. Запольская* (МГУ, Институт славяноведения РАН) выразила признательность К.В. Горшковой за передачу важной мысли о том, что на языковые факты нужно смотреть системно, и отметила роль Клавдии Васильевны в формировании кафедры русского языка и создании на ней доброжелательной обстановки.

Вторая часть Чтений, «Научное и методологическое наследие К.В. Горшковой», прошла под руководством проф. *Л.О. Чернейко* (МГУ). Докладчики, выступившие в рамках второй части, говорили об идеях К.В. Горшковой, которые не утратили своей актуальности.

В докладе проф. *Е.Л. Бархударовой* (МГУ) «Фонологические взгляды К.В. Горшковой» было показано, что в трудах Клавдии Васильевны и в сочинениях ее последователей всесторонне разрабатывались две основные проблемы, значимые в русле концепции Московской фонологической школы: проблема соотношения консонантизма и вокализма и проблема соотношения парадигматики и синтагматики в звуковом строе русского языка. Е.Л. Бархударова также отметила роль К.В. Горшковой в формировании мысли о том, что фонема структурирована в языке так же, как структурированы значимые единицы языка — морфема и слово.

Сходная проблематика нашла отражение в докладе доц. *Е.М. Большевой* (МГУ) «О фонологических идеях К.В. Горшковой». Е.М. Большева рассказала о постулатах теории, сформулированной Клавдией Васильевной в 1980-е годы с опорой на идеи Р.И. Аванесова о фонемном ряде, высказанные им в 1956 г. Фонема, согласно теории Аванесова—Горшковой (именно так автор предлагает обозначать данную теорию), выступает как единица со сложным внутренним устройством, как парадигма сильных и слабых членов, функциональное тождество которых устанавливается в пределах морфемы и различительные возможности которых обязательно не совпадают. Каждый член парадигмы фонемы являет функциональное тождество иного порядка, а именно тождество звуков, реализующих этот член в словоформе в определенных позициях.

В докладе «“Уроки” К.В. Горшковой: от пассивных конструкций в “Вестях-курантах” — к современному медийному дискурсу» доц. *Г.П. Байгарина* (Казахстанский Филиал МГУ) продемонстрировала, как реализовывались идеи К.В. Горшковой о комплексном подходе к изучению языковых явлений, предполагающем объединение проблематики пассива с общими проблемами формирования первых средств массовой информации и, в частности, со становлением новостного дискурса, признаки которого наблюдаются уже в «Вестях-Курантах». Г.П. Байгарина обратила внимание на то, что среди устойчивых лингвистических признаков формирующегося информационного дискурса — пассивные конструкции, которые можно отнести к так называемым «языковым стандартам речевой формы “констатации факта”».

Доц. *С.М. Треблер* (Казахстанский Филиал МГУ) в докладе «О своеобразии лингвистического мировоззрения К.В. Горшковой: история языка, диалектология, лингвистическая география» отметила разнообразие научных интересов Клавдии Васильевны, в числе которых была и лингвистическая география. Выступающая показала, что для К.В. Горшковой была важна историческая интерпретация таких комплексов изоглосс, которые могут дать основания для предположения о едином генезисе или тесной обусловленности нескольких языковых процессов, несмотря на различия в характере и интенсивности их современного распространения.

Сообщение *Л.О. Чернейко* на тему «К докладу К.В. Горшковой на VIII съезде славистов “История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования”» посвящено не утратившей своей дискуссионной остроты проблеме определения статуса категории числа имени существительного в русском

языке. Автор заметила, что К.В. Горшкова была среди тех отечественных исследователей, кто первым обратил внимание на «расширяющееся в современном русском языке образование множественного числа от отвлеченных имен существительных с суффиксом *-ость* (*сложности* — *сложности*, *влажности*, *яркости*, *мощности*, *инициативы*)», и поставила вопрос о значимости семантических расхождений форм единственного числа и множественного числа этого лексико-грамматического разряда существительных, предвосхитив почти на 20 лет идею зависимости грамматических форм единиц языка от их семантики, взятую на вооружение когнитивной лингвистикой, обозначившей наметившийся исследовательский вектор словосочетанием «лексикализация грамматики».

Третьей частью Чтений, в которой прозвучало несколько научных докладов, руководила проф. *М.В. Шульга* (МГУ). И название третьей части — «От фонетики и орфоэпии до истории литературного языка», — и расположение докладов отразили определенную последовательность в смене научных интересов К.В. Горшковой, которая была принципиальной противницей разделения проблематики современного русского языка и истории русского языка.

В докладе проф. *С.М. Колесниковой* (МПГУ) «Звуки, слоги, ударение как средства актуализации градуального смысла в художественно-поэтическом тексте» отмечена важная роль слуховых предикатов и авторских пунктуационных знаков, передающих эмоционально-экспрессивные качества поэтической речи и индивидуально-художественное значение слова в поэтическом тексте *М.И. Цветаевой*, который завораживает звуками. Благодаря этому, по мысли автора, поэтический текст *М.И. Цветаевой* превращается в единую, не поддающуюся расчленению, словесную структуру, в которой вещи, понятия и их вербальные выражения взаимодействуют по аналогиям, рождающимся из родственных звучаний и смыслов, в том числе и градуальных.

Доклад проф. *Е.А. Галинской* (МГУ) «Некоторые особенности языка Северо-Восточной Руси XV века» содержал обобщения, к которым удалось прийти автору при исследовании грамот XV в.¹ Как сообщила автор, в тверском диалекте XV в. еще не отвердели шипящие [ш] и [ж], а вот примеры отвердения <ц> (примерно на полвека более древние, чем те, которые упоминаются в научной литературе) были найдены. Кроме того, во второй половине XV в. сохранялись древние формы действительных причастий прошедшего времени типа *поче^н*, *вынемши^и*, которые сейчас в говорах центра отсутствуют; а стяженные формы глаголов, распространенные ныне в генетически ростово-суздальских говорах, существовали уже в первой половине XV в.: *сказыва^ш* (б). *Е.А. Галинской* удалось обнаружить более ранние, чем известные до сих пор, примеры оглушения [в] в [ф] — *Витофтъ* — и гиперкорректное написание *по старымъ девтеремъ*.

В докладе «К истории фонологических оппозиций» *М.В. Шульга* обобщила ряд работ К.В. Горшковой, посвященных проблеме перехода [е] в [о] и истории фонемы <ѣ>. По мнению *М.В. Шульги*, из общей

¹ Исследованы по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

логики работ К.В. Горшковой следует, что изменение [e] в [o] осуществлялось независимо от позиции в слове, т.е. и в конце слова, и перед согласным в закрытом и открытом слоге. Оно стало результатом фонологических преобразований, представлявших собой обобщение основного варианта фонемы — варианта [o] — и устранения позиционного варианта [e]. В позиции между мягкими согласными звук [e] приобретал верхнесредний подъем и совпадал со звуком [ɤ], что препятствовало переходу гласного в [o]. В результате признак верхнесреднего подъема у фонемы <ѣ> подвергся нейтрализации, и фонемы <ѣ> и <o> совпали по признаку подъема. Только на этом этапе, считает докладчик, сформировалась оппозиция фонемы <ѣ> и фонемы <o> по дифференциальному признаку лабиализации.

В докладе «Еще раз о прошедших временах в Повести временных лет» доц. *М.Н. Шевелёва* (МГУ) рассмотрела вопрос об употреблении форм прошедшего времени в Повести временных лет (ПВЛ), напрямую связанный с проблемой текстологической неоднородности памятника. По наблюдениям докладчика, в древнейшей части ПВЛ, восходящей к её первоначальному «ядру» начала XI в., аорист является основным прошедшим временем не только в нарративе, но и в чужой речи, перфект же используется при необходимости специально маркировать релевантность результата. В поздней части ПВЛ, созданной на сто лет позже — в начале XII в., аорист практически уходит из чужой речи, оставаясь в речевом режиме почти исключительно в библейских цитатах и книжных клише; основной формой прошедшего времени в чужой речи становится перфект. М.Н. Шевелёва заключила, что выявленные различия между древнейшей и поздней частями ПВЛ можно связывать с происшедшими за эти сто лет изменениями во временной системе живого древнерусского языка и превращением перфекта в претерит.

Доц. *Е.И. Панина* (МГИМО) в докладе «Префиксальное образование русского глагола: стилистический аспект» на примере лексико-грамматической группы префиксальных глаголов *всчать (всчинать) — зачать (зачинать) — начать (начинать) — почать (починать) — учать (учинать)* рассматривает возможные модели лексической и стилистической дифференциации данных образований на разных синхронных срезах. Докладчиком вводится понятие префиксальной парадигмы, позволяющее сделать ряд обобщений. Анализ выполнен на материале русской классической литературы XIX в., данных авторитетных словарей русского языка. Кроме того, Е.И. Паниной были привлечены примеры, взятые из памятников XVII в. — «Вестей Курантов», которые стали прообразом первых русских газет.

В докладе проф. *М.В. Ивановой* (Литературный институт им. А.М. Горького) «Разговорная стихия языка Жития Михаила Клопского» был представлен историко-лингвистический анализ Первой редакции Жития Михаила Клопского по девяти спискам. М.В. Иванова отметила, что этот оригинальный древнерусский письменный памятник, созданный в 1478–1479 гг., отличается, во-первых, неканоничностью построения, во-вторых, разговорностью и использованием просторечия в повествовании. Главное внимание в докладе было уделено именно

лексическим и грамматическим разговорным элементам в тексте, обилие которых позволяет выявить не только собственно языковые проблемы, но и историко-культурные.

Доклад проф. *Т.В. Пентковской* (МГУ) «От рукописи к изданию: об орфографии печатного перевода Корана 1716 г.» был посвящен анализу орфографических исправлений, вносимых редакторами в рукопись и корректурный печатный экземпляр при подготовке издания Корана 1716 г. Этот перевод петровской эпохи был сделан с французского перевода Андре Дю Рие, получившего широкую известность в Европе. На основании особенностей передачи арабских букв в русской рукописи Корана Т.В. Пентковской удалось установить, что русский переводчик имел в своем распоряжении одно из поздних переизданий французского текста, в котором наблюдается смешение одних арабских символов и отсутствие других. Это смешение воспроизводится в корректурной русской рукописи, при этом в печатном русском тексте арабские буквы устранены. Такое редакторское решение является частным случаем отражения предназначенности перевода для широкой читающей публики.

В заключительном докладе «У истоков русского литературного языка нового типа: альтернативные модели кодификации в доломоновских грамматиках» проф. *Светлана Менгель* (Университет имени Мартина Лютера, Германия) рассказала о различных моделях кодификации русского языка, отраженных в первых, доломоновских, русских грамматиках, созданных иностранными авторами в конце XVII — первой трети XVIII в. При этом авторы грамматик опирались на известные им западноевропейские модели формирования национальных языков и на различные узусы русского языка в России. Так, J. Sohler в своей грамматике ориентировался на язык образованных людей в соответствии с французской грамматической традицией; немецкие авторы H.W. Ludolf, J. Chr. Stahl, E. Glück рассматривали в качестве основы литературного языка народный язык по модели, разработанной немецкими просветителями; J.W. Paus в своей грамматике предложил вариант синтеза церковнославянского и живого русского языков.

Чтения, прошедшие в теплой атмосфере, не только внесли весомый вклад в осмысление разнообразных идей К.В. Горшковой, но и позволили вспомнить Клавдию Васильевну как необыкновенного человека всем, в чьей судьбе она оставила свой след.

Irina Mukhachyova

THE READINGS DEVOTED TO 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY OF KLAVDIYA VASIL'EVNA GORSHKOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review accumulates the result of the readings at the Faculty of Philology, Moscow State University, marking the 100th anniversary of the birthday of Klavdiya

Vasil'evna Gorshkova, a honoured worker of science of Russian Federation, a PhD in Philology, a honoured professor of Moscow State University, one of distinguished Russian researcher of Russian language and its history. K. Gorshkova was interested in many various scientific fields: phonetics, phonology, orthoepy, dialectology, linguistic geography, history of language. She was opposed to delimitation of problems of modern Russian language with history of Russian language. The first part of readings was devoted to memories of learners of K. Gorshkova. The second and the third parts consist of papers in which different ideas of K. Gorshkova were discussed. The review presents the content of scientific reports.

Key words: K. Gorshkova; phonetics; phonology; orthoepy; dialectology; linguistic geography; history of language.

About the author: *Irina Mukhachyova* — laboratory assistant at the Department of Russian Language of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: imukhachyova@yandex.ru).

Е.А. Ковригина

**ЧТЕНИЯ К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Г.А. ХАБУРГАЕВА (1931–1991)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье излагается содержание научных докладов, прочитанных на международных Хабургаевских чтениях, посвященных 90-летию со дня рождения профессора кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Г.А. Хабургаева. Основное внимание докладчики уделили актуальным проблемам и вопросам отечественной палеославистики и исторической русистики, намеченных еще в работах Г.А. Хабургаева.

Ключевые слова: историческая русистика; глаголическая азбука; количественные числительные; берестяные грамоты; преподавание истории русского языка за рубежом; полипредикативные конструкции; сложное будущее время.

3 февраля 2021 г. на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялись Международные Хабургаевские чтения, посвященные 90-летию со дня рождения профессора *Георгия Александровича Хабургаева*. В конференции приняли участие ученики и продолжатели научных традиций Г.А. Хабургаева из МГУ имени М.В. Ломоносова (филологический факультет), Института славяноведения РАН (Москва), НИУ ВШЭ (Москва), Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва), Института литовского языка (Вильнюс), Вильнюсского университета (Вильнюс), Даугавпилсского университета (Даугавпилс). Всего было представлено 12 докладов.

Во вступительном слове президент филологического факультета МГУ, заведующий кафедрой русского языка, профессор *М.Л. Ремнёва* отметила важность сегодняшнего дня — дня 90-летия со дня рождения Георгия Александровича Хабургаева — для современной лингвистической науки. Вклад Г.А. Хабургаева в развитие исторической русистики и славистики невозможно переоценить. Исследования Г.А. Хабургаева навсегда перевернули представление об истории русского языка: имен-

Ковригина Елена Андреевна — младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

но он первым четко дифференцировал два объекта истории русского языка — живой язык и книжно-литературный. Г.А. Хабургаев обратил внимание историков языка на систему прошедших времен в истории русского языка и других славянских языков и показал необходимость ее дальнейшего изучения. Высокий накал жизненной и научной активности исследователя в 1974 г. подарил русской науке учебное пособие по старославянскому языку, первое с начала XX в. Уважение к языковому факту — определяющая черта Г.А. Хабургаева как лингвиста. Направление движения научной мысли — от языкового явления к идее — всегда выделяло Г.А. Хабургаева среди других исследователей. Те идеи, которые впоследствии воплощались в научных работах разных исследователей, непосредственно или опосредованно связаны с именем Г.А. Хабургаева, осветившим в своих трудах многие вопросы и проблемы исторической русистики и подарившим своим ученикам новые возможности анализа языкового материала. Каждый, кто хоть раз касался научных трудов Г.А. Хабургаева, по праву может считаться его учеником.

Программу чтений открыл С.Ю. Темчин (Институт литовского языка, Вильнюс, Литва), выступивший с докладом «Происхождение глаголицы: новейшие интерпретации», в котором обосновал теорию происхождения глаголицы из византийского очкового письма, применявшегося в магических текстах, и рассмотрел различные типы его реализации. Докладчик отметил, что графический принцип, состоявший в придании буквенным начертаниям округлых петель, имеющих планетарную символику, возник во II в.н.э. в греческой письменности эллинистического Египта, широко распространился в магических текстах латинской, еврейской, арабской, коптской и эфиопской традиций и ассоциировался с именем Соломона (в греческой и эфиопской традициях). Докладчик пришел к выводу, что теория связи глаголицы с очковым письмом объясняет отклонения глаголических начертаний от греческого маюскульного и минускульного письма (дополнительные петли, зеркальные изображение, поворот на 90°), не умаляет заслуг Кирилла Философа, объясняя лишь внешний вид большинства глаголических букв, и не противоречит христианскому учению византийского времени.

В докладе А.М. Кузнецова (Даугавпилсский университет, Даугавпилс, Латвия) «Транслитерация греческих слов в Зографском евангелии и проблемы первоначального состава глаголицы» обсуждается вопрос о первоначальном (доморавском) составе глаголической азбуки на материале Зографского евангелия, а также Киевских листков. В первую очередь автор проанализировал буквы, используемые для транслитерации греческих слов. Докладчик предполагает, что «третье *и* (*ик*)», происхождением обязанное греческому *ипсилону*, сначала должно было выполнять роль буквы *ю* в славянских словах, а свое фонетическое значение на [i] изменило уже в Моравии под влиянием местной латинской традиции. Новая *ижница*, также как и *омега-от*, появляются в Болгарии. Зографское евангелие содержит примеры чтения *ижницы* как [u], в то время как моравское чтение *ипсилона* как [i] отражается в написаниях через *ижей*. В Болгарии же появляется *омега-от*, которая не используется для транслитерации грецизмов, а служит знаком начала слова. По предпо-

ложению А.М. Кузнецова, в доморавский период могла отсутствовать в глаголице и буква *ферт*, которая заменялась *поком*, но в Моравии под влиянием лагинской традиции она была введена в славянскую азбуку. В сохранившихся глаголических памятниках мы находим тексты, уже отредактированные в связи с этими инновациями.

С.М. Толстая (Институт славяноведения РАН, Москва) в докладе «*Лом копийный и скрежетание мечное*: синтаксическая деривация в древнерусском языке и в языке фольклора» рассмотрела древнерусские конструкции типа *лом копийный* и *скрежетание мечное*, встречающиеся в летописях и других текстах в описаниях сражений. Докладчик отметила, что в дальнейшем в истории русского языка такие конструкции с относительными прилагательными не сохранились и были заменены, как и конструкции с притяжательными прилагательными, сочетаниями с Р. п.: *ломание копий, скрежетание мечей*. С.М. Толстая предположила, что они представляют собой трансформацию (номинализацию) предикативных конструкций: *копья ломаются, мечи скрежещут*, при которой различные актанты предиката сохраняют свои функции субъекта, объекта, локатива и т.д. Однако докладчик обнаружила, что в некоторых фольклорных текстах, в частности в текстах севернорусских свадебных причитаний, конструкции, аналогичные древнерусским, сохранились. Например, (слова матери, обращенные к дочери, выходящей замуж): «И будешь *летна мне*, горюше, *водоношичка*, / И будешь *зимня на гумни* да замолотшичка, / И будешь *баенна родителям* истопшичка», что означает: «Будешь летом мне воду носить, будешь зимой на гумне молотить, будешь баню родителям топить» (курсивом выделены унаследованные и трансформированные актанты исходного глагола).

В докладе «Господарь великий Новгород: происхождение названия» Б.А. Успенский (НИУ ВШЭ) проследил историю таких выражений, как *господин Великий Новгород, господарь Великий Новгород* и *господин Псков*, и объяснил их значение и происхождение. Особое внимание докладчик уделил вопросу о происхождении названия «Господарь великий Новгород», известного по источникам 60-х — 70-х годов XV в. (до этого в соответствующем наименовании зафиксирован только «господин Великий Новгород»). Основываясь на данных московских источников, осуждавших такое использование новгородцами титула великого князя, Б.А. Успенский предположил, что это наименование было призвано демонстрировать равное положение Новгорода (Новгородской республики) и монарха. Взаимозаменяемость титула «господарь» и существительного «господарство» в контекстах официального обращения к великому князю позволяет докладчику прийти к следующим выводам: именование «господарь» может восходить не непосредственно к титулу великого князя, а к обращению к нему и представлять собой переосмысление этикетной эпистолярной формы, а соответствующее наименование Пскова объясняется подражанием Новгороду.

А.А. Пичхадзе (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва) в докладе «*ЛЬСТЬ* и производные в древнерусских летописях: семантика и дискурс» на примере словообразовательного гнезда слова *ЛЬСТЬ* показала, как в древнерусских летописях под влиянием

дискурса трансформируется семантика слов, что, в свою очередь, приводит к изменению их функционирования в языке. Дискурс актуализует одни семантические компоненты и отодвигает на второй план другие, несущественные для него. Автор обозначила, что на основе исходного значения 'обман' в религиозных контекстах формируются вторичные значения 'соблазн' и 'ложные взгляды, ересь', а в летописном нарративе — 'интрига, заговор' и 'измена, предательство'. Докладчик отметила, что тема обмана, нарушающего обязательства персонажа по отношению к его контрагенту, принадлежит к числу ключевых для летописи. Кроме того, А.А. Пичхадзе пришла к выводу, что изменения в семантике слова находят грамматическое выражение (в управлении глаголов, в адвербиализации) и проявляются в сочетаемости и словообразовательной продуктивности.

Доклад А.В. Птенцовой (МГУ имени М.В. Ломоносова) «А доумати гадаи о роуской земли: о семантике некоторых ментальных глаголов древнерусского языка» был посвящен анализу семантики трех древнерусских синонимичных глаголов — «доумати», «гадати» и «мыслити». Рассмотрев материал оригинальных памятников XI–XIV вв., докладчик установила, что слова «доумати» и «гадати» в большинстве случаев весьма близки к глаголам речи — в подавляющем большинстве случаев оба глагола указывают на обсуждение какой-либо проблемы и потому обладают валентностью на собеседника (съ + творит. пад.), при этом имеет место их полная семантическая нейтрализация, на базе таких употреблений у обоих глаголов развивается значение 'намереваться'. Кроме того, А.В. Птенцова обозначила, что у каждого из двух глаголов существуют и значения, отсутствующие у второго глагола (у «доумати» с XIV в. фиксируется современное значение 'размышлять', у «гадати» — 'ворожить' и 'предполагать'). Глагол «мыслити», по мнению автора, имеет фокус на ментальном процессе и тем самым заметно отличается от «доумати» и «гадати», но вместе с тем способен на частичную нейтрализацию с ними, указывая на ситуацию обдумывания какой-либо проблемы одним или несколькими лицами.

А.А. Гунцуц (Институт славяноведения РАН — НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Берестяные грамоты и хронология падения редуцированных» проследил, как изменялись представления о временных рамках процесса по мере расширения корпуса берестяных документов. Констатируя, что случаи надежные свидетельства утраты неконечных слабых редуцированных отмечаются в грамотах с конца XI в., докладчик сосредоточился на текстах, в которых отклонения от раннедревнерусского состояния приходится на позиции, где выпадение слабого *ъ* или *ь* повлекло за собой изменения ассимилятивного характера, типа *браще* < *братъце*, *сызветомо* < *съ извьтомъ*. Опережающее отражение в этих грамотах следствий падения редуцированных докладчик предложил объяснять тем, что словоформы, в которых утрата гласного сопровождалась ассимиляцией, легче проникали в медленный, *lento*-вариант произношения, использовавшийся при письме; при этом в быстрой, аллегровой речи писцов соответствующих грамот слабые редуцированные были уже утрачены в целом. Этим можно объяснить и раннее, с начала

XII в., отражение в берестяных грамотах отвердения конечного [м'], а также прогрессивной ассимиляции *съдоров-* > *сторов-*, фиксируемое на фоне последовательного сохранения слабых редуцированных в позициях, где их утрата не повлекла за собой дополнительных следствий.

В докладе «Сослагательное наклонение в переводах Чудовской книжной школы» Т.В. Пентковская (МГУ имени М.В. Ломоносова) рассмотрела связь форм сослагательного наклонения, встречающихся в переводах книжников Чудова монастыря в Москве второй половины XVII в., с формами, кодифицированными в церковнославянских грамматиках. Проанализированные автором примеры показали, что чудовские книжники ориентировались как на парадигмы сослагательного наклонения грамматики Мелетия Смотрицкого, так и на формы грамматики Лаврентия Зизания.

М.Н. Шевелёва (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Модальность или начинательность: о конкурирующих конструкциях в процессе формирования сложного будущего в русском языке» обратилась к рассмотрению вопроса об основных тенденциях в процессе формирования сложного будущего времени в русском языке. Докладчик показала, что в восточнославянской диалектной зоне развитие по пути грамматикализации в будущее получают не модальные конструкции (как в южнославянских языках), а начинательные. Известные в древнерусском конструкции так называемого будущего сложного I с глаголом *хотѣти* имели значение проспектива, развившееся на базе модального значения намерения; изменений в их грамматическом статусе не произошло: они остались проспективом (по говорам) либо утратились. М.Н. Шевелёва заметила, что модальные конструкции *имамь* + инфинитив всегда были церковнославянским и отсутствовали в живом языке. Конструкции с глаголами *почати* / *начати* (позднее к ним добавляется *учати*) на протяжении долгого времени активно использовались для обозначения наступления новой ситуации как в прошлом, так и в будущем, отличаясь от современного употребления не собственно фазовой семантикой. По мнению автора, их основной конкурент — появившаяся с XIII в. конструкция *иму* + инфинитив от глагола *яти* 'схватить' также со значением наступления новой ситуации, но уже только в будущем. В XV–XVI вв. конкурируют начинательные конструкции с глаголами *иму*, *учну* / *почну* / *начну* и *стану*, из которых самой перспективной оказывается *иму*-конструкция, грамматикализовавшаяся в значительной части северо-восточных говоров. Вытеснение *иму* в XVII в. распространившимся из западных говоров *буду* М.Н. Шевелёва связала с большими возможностями *буду*, также обозначающим наступление новой ситуации, но необязательно акцентирующим контраст с моментом речи.

В докладе «Количественные числительные в памятниках деловой письменности XVII века» Е.А. Галинская (МГУ имени М.В. Ломоносова) продемонстрировала некоторые особенности количественных числительных, отраженные в памятниках делового письма первой половины XVII в., происходящих из Новгорода, Пскова, Великих Лук, Твери, Ржева, Вологды, Костромы, Курска и Новосили. Докладчик указала, что в этот период в склонении числительных были зоны без вариатив-

ности (например, устойчивое древнее склонение слова *сорокъ*) и зоны с большой вариативностью (например, сосуществующие формы *двъма*, *двъмъ*, *двумъ*, *дву*, *двъмя* в Д.п. слова *два*). В текстах разных территорий встречается проникновение формы Т.п. в Д.п. (например, *к о^смидеся^т тремя че^твертемъ*, *к три^цц^атя к пя^тмя че^твертямъ*), наблюдаются интересные морфологические и синтаксические особенности «половинного счета» (склонение прежде несклоняемой второй части числительного, сочетание с формами как единственного, так и множественного числа существительных, например, *полут^омя о^бжами*, *в полут^оре пу^чтоши*, *в полупете постоша^х*). Е.А. Галинская отметила ряд локальных особенностей количественных числительных, среди которых стоит упомянуть упрощение *восмь* до *вось*, отраженное в Новосильской отказной книге (например, *на воздеса^т че^ти* в составе числительного «восемьдесят» с ассимилятивным озвончением).

В докладе «Синтаксическая структура церковнославянских текстов XVII века: полипредикативные конструкции» Н.В. Николенкова (МГУ имени М.В. Ломоносова) вспомнила о вкладе Г.А. Хабургаева и его учеников в разработку исторического синтаксиса русского языка. Защищенные более 30 лет назад, эти работы актуальны и сегодня: на древне- и старорусском материале в них рассмотрены характеристики полипредикативных конструкций в деловых и бытовых текстах. Обращаясь к собственным исследованиям на материале церковнославянского переводного сочинения середины XVII в., автор доклада показала, что в это время в книжном языке уже начинается процесс формирования предложения как единицы членения текста. Важную роль в этом сыграло обращение книжников к рекомендациям Грамматики 1648 г.

Е.М. Коницкая (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва) в докладе «Особенности преподавания истории русского языка в Вильнюсском университете» определила место диахронических дисциплин в учебной программе «Русская филология» в Вильнюсском университете, в очередной раз подтвердила их важность и необходимость. Автор доклада показала, с какими трудностями сталкиваются студенты-русисты, определила пути решения этих проблем. Докладчик познакомила слушателей с содержанием учебной программы, выстроенной с учетом знания обучающимися литовского языка. В первые годы особое внимание уделяется знакомству студентов с историей и культурой России и с современным русским языком. С диахроническими дисциплинами по русистике студенты знакомятся в курсе «Развитие русского языка». Докладчик отметила, что содержание этого курса достаточно широкое — это и историческая грамматика русского языка, и история русского литературного языка, и исторический комментарий к фактам русского языка. Е.М. Коницкая определила основную задачу курса: дать студентам необходимый минимум знаний по развитию русского языка, начиная с праславянского периода вплоть до XVI–XVII вв., когда в основных чертах сложилась система русского языка современного типа, — и обобщила выбор основных стратегий обучения.

Чтения завершились обсуждением прозвучавших докладов, обменом мнениями, общей дискуссией по обозначенным докладчиками проблемам.

Хабургаевские чтения показали, что научные идеи, выдвинутые Г.А. Хабургаевым, нашли свое продолжение и развитие в работах современных лингвистов, историков языка, его учеников, воспитанных на его работах.

Elena Kovrigina

**THE CHRONICLES OF THE HABURGAEV READINGS
DEDICATED TO THE 90TH ANNIVERSARY
OF G.A. KHABURGAEVA (1931–1991)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article describes the content of scientific reports read at the international Haburgaev readings dedicated to the 90th anniversary of the birth of the professor of the Russian language department of the philological faculty of the Lomonosov Moscow State University G.A. Haburgaev. The speakers paid the main attention to topical problems and issues of Russian paleoslavistics and historical Russian studies, outlined in the works of G.A. Haburgaev.

Key words: historical Russian studies; glagolitic script; quantitative numbers; birch bark manuscript; teaching the history of the Russian language abroad; polypredicative constructions; difficult future tense.

About the author: *Elena Kovrigina* — Junior Research Fellow, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

Л.А. Трахтенберг

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО
И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
А.А. ГРИГОРЬЕВА. ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Обзор конференции, посвященной А.А. Григорьеву, которая состоялась на кафедре истории русской литературы МГУ 13–14 апреля 2020 г. Обсуждался широкий спектр вопросов биографии, поэтического и критического творчества Григорьева.

Ключевые слова: А.А. Григорьев; биография; поэзия; литературная критика.

13–14 апреля 2020 г. на филологическом факультете МГУ состоялась конференция, посвященная биографии и творческому наследию Аполлона Григорьева — поэта, прозаика, переводчика, критика. Конференцию организовали кафедра истории русской литературы и И.Д. Буткевич-Григорьева.

Во вступительном слове заведующий кафедрой *В.Б. Катаев* охарактеризовал значение Григорьева как замечательного поэта и одного из крупнейших критиков в истории русской литературы, создавшего особое направление — органическую критику. *В.Б. Катаев* рассказал о Григорьеве — выпускнике Московского университета и о том, как на кафедре истории русской литературы МГУ изучается его наследие. *А.И. Журавлева* изучала творчество Григорьева и подготовила издание его критических работ. *А.А. Илюшин* не только исследовал его творчество как ученый, но и испытал воздействие его стихов как поэт. В новой книге *М.С. Макеева* о А.А. Фете освещены биографические связи Григорьева и Фета — соучеников и товарищей.

Б.Ф. Егоров посвятил выступление новым данным о семье Григорьева, установленным благодаря сохранившейся в рукописи статье его внука — Александра Александровича Григорьева. Дед *Ап.А. Григорьева* Иван дослужился до потомственного дворянства, однако его

Трахтенберг Лев Аркадьевич — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: Lev_A_T@inbox.ru).

сын Александр, отец писателя, влюбился в крепостную; внук Аполлон родился вне брака и по закону должен был стать крепостным. Чтобы избежать этого, отец отдал его младенцем в Воспитательный дом. Когда он вырос, отцу удалось записать его законнорожденным и причислить к мещанскому сословию (если бы он был записан дворянином, документы могли проверить). Б.Ф. Егоров также рассказал о работе над первым полным собранием сочинений Ап.А. Григорьева в 10 томах¹.

Темой доклада *Л.Г. Вязмитиновой* стали цыганские мотивы в творчестве Григорьева. Они были рассмотрены в свете антитезы свободы и воли, понятой в историософском и религиозном аспектах. Л.Г. Вязмитинова показала, что эти мотивы ассоциируются с категорией воли, выражающей своеобразие русского национального характера. Национальная идея реализовалась в творчестве Григорьева — как в поэзии, так и в созданном им типе литературной критики, по-прежнему сохраняющей актуальность.

А.В. Марков проанализировал архитектурные образы в творчестве Григорьева. Он дал реальный и историко-литературный комментарий к образам городов, прежде всего Петербурга и Венеции, интерпретируя их в контексте топики романтической поэзии и аллегорической семантики живописи, и показал, что видение архитектуры в поэзии Григорьева выходит за рамки славянофильской символической концептуализации. Образы обретают смысл в контексте антитез: например, противопоставления Петербурга Москве или сопоставления его с Венецией. Индивидуальная реализация этих антитез в творчестве Григорьева обусловлена иным, нежели у старших романтиков, отношением к устойчивым поэтическим мотивам.

Л.А. Трахтенберг рассмотрел лирическую строфику Григорьева и показал, что во многих произведениях она нерегулярна, то есть структура строфы меняется на протяжении текста. Эта тенденция выражается как в чередовании схем рифмовки, так и в изменении ритмической структуры за счет варьирования стопности, а иногда и смены метра; эти два приема могут быть реализованы по отдельности или одновременно. В этой черте проявляется индивидуальное своеобразие стиха Григорьева — следующий шаг по пути эволюции романтической поэзии.

А.Б. Криницын выявил в романах Достоевского пласт реминисценций из поэзии Григорьева; было показано, что прообразом ситуации Раскольникова и Сони Мармеладовой можно считать элегию Григорьева «Часто мне говоришь ты, склоняясь темно-русой головкой...», поэма «Вверх по Волге» отразилась в образе Мити Карамазова, а линия Ставрогина в «Бесах» напоминает о сюжете поэтической драмы «Два эгоизма». Вопрос о воздействии Григорьева на Достоевского — это один из аспектов общей проблемы «Достоевский и романтизм». Достоевского

¹ Т. 1 («Стихотворения. Поэмы. Переводы поэзии») и т. 2 («Оригинальные драмы. Переводы драм в стихах с французского языка»), подготовленные Б.Ф. Егоровым, вышли в свет уже после его кончины. Т. 3, включающий переводы драм Софокла и Шекспира, подготовлен к печати. Работу над изданием, начатую Б.Ф. Егоровым, продолжает А.П. Дмитриев.

сближает с Григорьевым-романтиком интерес к исключительной личности и концептуализация любви как мгновенно наступающей страсти.

И.А. Беляева охарактеризовала критический очерк «Великий трагик», посвященный игре Т. Сальвини в роли Отелло, как пример воздействия, которое оказало на Григорьева творчество Тургенева. Образы Тургенева Григорьев воспринимает как ключ к пониманию собственной личности. Поэтому персонажу очерка Ивану Ивановичу — своему alter ego — Григорьев придает черты сходства с Рудиным и Веретьевым из повести «Загишь», с которыми и сравнивает его. К роману «Рудин» также восходит ключевая проблема очерка — природа трагического, возможного, по Григорьеву, лишь при условии простоты, которую он видит в сценической манере Сальвини.

И.Д. Буткевич-Григорьева посвятила свое выступление истории семьи Григорьевых, сохранению памяти о нем и продолжению потомками его творческих традиций. Очень много сделал для этого ее покойный муж, потомок поэта — музыкант Владимир Юрьевич Григорьев. Она также представила участникам заседания документальный фильм «Аполлон Григорьев — гость из будущего» (режиссер П.П. Степин, с участием Д.П. Бака, М.Ю. Григорьева, А.С. Гутана, Б.Ф. Егорова, Г.В. Зыковой, М.С. Макеева, А.С. Немзера).

В.А. Геронимус интерпретировал максимум Григорьева «Пушкин — наше все» в контексте международных связей русской литературы.

В.Б. Микушевич посвятил доклад своеобразию григорьевского лиризма, охватывающего все творчество Григорьева — не только поэзию, но и критику, часто приобретающего дисгармонические, напряженно-болезненные черты. В «элегии — оде — сатире» «Искусство и правда», посвященной комедии Островского «Бедность не порок», лиризм становится ключом к постижению национального начала.

А.Г. Галактионова рассказала о традициях хорового цыганского исполнительства в России и об их влиянии на творчество Григорьева. Был продемонстрирован видеофильм «Кактус» по одноименному рассказу А.А. Фета, где прозвучали романсы в исполнении докладчицы.

В.Л. Коровин объяснил несправедливую оценку творчества Гоголя, данную Григорьевым в некрологе Т.Г. Шевченко (1861). Григорьев, хотя и не принадлежал к числу гонителей Гоголя, отказал ему (в отличие от Пушкина и Шевченко) в мировом значении. Рассмотрев это суждение в контексте других написанных тогда же работ Григорьева («Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Стихотворения Н. Некрасова»), В.Л. Коровин заключил, что такая оценка стала следствием концепции критика, в которой творческая самобытность писателя предопределяется народным духом — категорией, восходящей к немецкой философии.

Д.П. Ивинский реконструировал историю нереализованного литературного проекта: во 2-м пол. 1859–1860 гг. Григорьев предлагал возобновить журнал «Москвитянин» под своей редакцией, сделав его органом прежнего литературного поколения — пушкинского круга, причастным к которому он считал и себя. Судя по всему, Григорьева не поддержал Вяземский. Д.П. Ивинский объяснил это его несогласием с

концепцией статьи «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859). В ней Григорьев, высоко оценивая комедию Грибоедова, сожалел о том, что уважаемый им Белинский осудил ее под влиянием Вяземского. Для Вяземского же высокая оценка Грибоедова и Белинского была неприемлема.

Конференция собрала широкую аудиторию и вызвала интерес слушателей.

Lev Trakhtenberg

**THE CONFERENCE “THE LIFE, WORKS
AND AESTHETIC VIEWS OF A.A. GRIGORIEV.
PAST AND PRESENT” (MSU, Faculty of Philology)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper presents an overview of the Apollon Grigoriev conference held at Lomonosov Moscow State University on 13–14 April 2020. The presentations concerned the life and works of Grigoriev, a late Romantic poet and one of the leading literary and theatrical critics of the 1840–1860s.

Key words: A.A. Grigoriev; biography; poetry; literary criticism.

About the author: *Lev Trakhtenberg* — Prof. Dr., Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: Lev_A_T@inbox.ru).

О.В. Александрова, М.Л. Ремнёва, И.Э. Стрелец

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2020
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В отчете рассматривается широкий круг вопросов, затронутых участниками «Ломоносовских чтений», которые состоялись на филологическом факультете Московского университета в 2020 г. в формате видеоконференции. На пленарном заседании, в ходе работы двадцати пяти секций выступили сотрудники всех кафедр и лабораторий, а также гости научного форума. Были обсуждены различные аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания языков. Представленный обзор выступлений отражает основные направления научной деятельности сотрудников филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: языкознание; литературоведение; методика преподавания; филологические науки.

Пленарное заседание началось с совместного выступления *А.А. Липгарта* и *Н.Н. Андреевой*, приуроченного к изданию книги «От реализма к экзистенциализму: о воспоминаниях Леонида Григорьевича Андреева о Великой Отечественной войне». Пленарный доклад *М.М. Голубкова* «Братья и сестры в русском доме: к столетию Федора Абрамова» был посвящен образу дома, который является одним из важнейших образов в русской литературе XX в. Интерес аудитории вызвало выступление *В.В. Сорочкиной* о жанровом своеобразии прозы Светланы Алексиевич, спорах о ее творчестве в западной печати после присуждения Нобелевской премии. В докладе *В.Г. Моисеевой* был представлен образ «веселого солдата» Великой Отечественной войны с точки зрения его значения

Александрова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе филологического факультета, зав. кафедрой английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com).

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета, зав. кафедрой русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: m.l.remneva@mail.ru).

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sagitil@mail.ru).

для понимания особенностей художественного мировоззрения Виктора Астафьева. Завершил пленарное заседание *Г.В. Москвин*, рассказав о феномене Лермонтова, его личности и творчестве, определившем уникальную роль в русской литературе в сопоставлении его поэзии с лирикой Пушкина.

После пленарного состоялись секционные заседания и круглые столы кафедр и лабораторий факультета — также в формате видеоконференций. Ниже предлагается обзор проблематики согласно программе «Ломоносовских чтений» 2020 г.

Заседание **кафедры русского языка** было посвящено теме «Динамические процессы в русском языке». *Е.А. Брызгунова* обратилась к анализу связи внутренних законов древнерусского языка XI–XIV вв. и тенденции к аналитизму в современном русском языке, проявляющейся также в моделях вопросительных предложений. *Е.А. Галинская* на материале новгородских рукописей конца XVI в. в сравнении с данными рукописей первой половины XVII в. и диалектологическими материалами конца XIX — середины XX в. проследила судьбу некоторых новгородских диалектных явлений. В частности, было установлено, что реализация *ѣ в [и] постепенно нивелировалась, а различие [а] и [о] в заударных слогах начало появляться в новгородских говорах уже в первой половине XVII в. *С.К. Пожарицкая* проанализировала задачи орфоэпии как дисциплины прикладного характера, цель которой — облегчить процесс коммуникации путем рекомендации оптимального произносительного варианта в ситуации возможного выбора. *О.В. Дедова* подробно остановилась на лексических способах обозначения Интернета в современном русском: помимо основной лексемы используются также дериваты — «Инет», «Нет», «Рунет», кальки «сеть» и др.

Кафедра истории русской литературы открыла секционное заседание докладом *Д.П. Ивинского*, в котором был сделан акцент на недостаточно исследованных контекстах поэм Пушкина «Граф Нулин» и Баратынского «Бал», напечатанных под одной обложкой в 1828 г. и в силу этого соотнесенных друг с другом уже их авторами, что проясняется в сложно организованном литературном пространстве, наиболее значимые сегменты которого связаны с поэзией Жуковского, «Евгением Онегиным» и «Повестями Белкина». В выступлении *В.А. Воропаева* «Славянское “Добротолюбие” и русские писатели (князь В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов, И.В. Киреевский, Н.В. Гоголь)» был рассмотрен вопрос о знакомстве перечисленных авторов с «Добротолюбием» в переводе Прп. Паисия Величковского. В докладе *В.Б. Катаева* на материале из мира театра и кино доказывался тезис о том, что творческое наследие А.П. Чехова обладает всечеловеческой универсальностью и в веке нынешнем. Продолжив чеховскую тему, *П.Н. Долженков* отмечал, что природа в «Ионыче», где можно обнаружить некоторые фрейдистские мотивы, предстает амбивалентной: она обещает «жизнь тихую, прекрасную, вечную» и в то же время угрожает немой тоской небытия.

На кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса в докладе *М.В. Михайловой* на материале прозаического сборника Рады Полищук «Конец прошедшего времени»

(2019)» было отмечено, что категория времени актуализует анализ взаимоотношений людей различных национальностей, проживающих на территории России, заостряет проблему памяти, допускает «совмещение» периодов, где причудливым образом прошлое пронизывает настоящее и определяет будущее героев. Выступление *И.Б. Ничипорова* было посвящено анализу пяти рассказов Романа Сенчина («Немужик», «Ты меня помнишь?», «Долг», «Функции», «Сюжеты»), изданных в 2019 г., в которых показано художественное воплощение пространственных образов, их жанровые особенности, отмечена связь между географически детализированным воссозданием региональных дискурсов и изображением судеб персонажей, поколенческой и социальной мифологии, ритмов современной действительности. В докладе *О.С. Октябрьской* на материале произведений Михалкова, Берестова, Барто, Благиной и др. детских поэтов исследовалась концептосфера «хлеб», ее воплощение в различных смысловых константах на мифопоэтическом, символическом и реалистическом уровне. В выступлении *Д.В. Кротовой* на основе архивных материалов (РГАЛИ) были проанализированы векторы художественного истолкования «камня» как одного из ключевых образов-символов поэтической системы В. Шаламова, который является символическим отражением граней характера лирического героя, моделью мироустройства в диалектике «человеческого» и «античеловеческого» начал шаламовской интерпретации образа камня. *А.В. Назарова* на материале эпистолярного наследия писателей Е.Н. Чирикова и А.М. Федорова, эмигрантов первой волны, рассмотрела экзистенциальные вопросы, связанные с условиями жизни и творчества русских литераторов в иноязычной среде, подробно остановившись на издательских проектах, а также причинах, по которым ряд из них не осуществился, на взаимоотношениях авторов «первого» и «второго» ряда, путях налаживания контакта с иностранной аудиторией.

На кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания в докладе *А.М. Белова* на примере семантических дублетов были представлены новые данные, опровергающие центральные положения вопроса о Законе Вандриеса, установлены некоторые законы рецессии ударения и ряд семантических закономерностей для исключений. *О.А. Волошина* подробно остановилась на творчестве выдающегося отечественного филолога Михаила Викторовича Панова, рассмотрев гармоничное сочетание научного и поэтического в его работах. В выступлении *В.К. Казаряна* «Разграничение аспектуальных и акциональных значений в индоевропейском языке» была предпринята попытка определить лексический аспект, указать способы грамматикализации индоевропейских глагольных корней и переход в категорию грамматического аспекта. *Д.С. Мухортов* рассказал об особенностях коммуникативного поведения англо-американских политиков, сделав акцент на синтаксическом аспекте, и заключил, что при всем многообразии жанрово-регистровых характеристик отбираемых текстов для анализа, в дискурсе политика, как правило, просматривается однообразие репертуара синтаксических средств. Продолжил эту тему *И.Э. Стрелец*, уделив внимание коммуникативному стилю лидеров англоязычных стран, который выявляется

посредством прагмасемантического анализа спонтанной риторики, предусматривающего выявление и подсчет метакоммуникативных предикатов, соотносимых с особенностями языковой личности политика. В выступлении *В.В. Смоленковой* были представлены результаты анализа 52 ораторских речей, сделаны обобщения о принципах функционирования в тексте пяти положений, которые касаются образов предмета речи, оратора, аудитории, оппонента и инстанции аргументации. В докладе *Л.А. Чижовой* сформулировано определение гипертекста как результата дискретного членения текста и выстраивания поликодового вторичного текста его адресатом в целях интерпретации смысла на базе системы отсылок к другим текстам, а также была особо подчеркнута важность приобретения навыков создания гипертекста для поддержания культурных традиций. *О.Н. Шувалова* представила одно из новейших перспективных направлений в развитии современного языкознания — лингвоконструктологию, науку, изучающую различные виды искусственных языков (вымышленных, международных, вспомогательных и др.). Завершил секционное заседание *А.Н. Качалкин*, в докладе которого прозвучала важная констатация для публикующихся исследователей: умело подобранные ключевые слова или словосочетания обеспечивают читателю быстрое понимание главного сущностного содержания высказывания, поскольку рациональный подбор ключевых слов, «вразумительное и сильное» их употребление позволяет говорить о затрагиваемой проблеме со знанием дела, достигая желаемого результата.

На кафедре истории зарубежной литературы выступления докладчиков были посвящены различным вопросам типологии и поэтики литератур Западной Европы и Америки. В выступлении *Н.Т. Пахсарьян* обсуждалась схоженность и расхождения с действительностью художественного пространства в романах Мишеля Уэльбека, который ведет ироническую игру с нарративной идентичностью автора и героя, что характерно для литературы начала XXI в. и используется писателями не ради реального определения своей идентичности, но ради самого процесса игры, запутывающего равно автора и читателя. *И.Ю. Попова* на примере британского романа XXI в. (Г. Свифт, И. МакЮэн, С. Фолкс) продемонстрировала разграничение понятий «постпостмодернизм» и «новый сентиментализм» (“post-ironic”), и если первый делает акцент на смерти постмодернизма, то второй знаменует собой его своеобразное развитие, обращаясь к современности или сюжетам, помещенным в прошлое в пределах живой памяти, заимствуя некоторые постмодернистские приемы. *А.В. Сергеев* обратился к сказочному наследию датского писателя Г.Х. Андерсена, вписав его в общий контекст литературной жизни Скандинавии XIX в., и выявил фольклорные и литературные истоки его сказки, народной по содержанию, но литературной по форме, а также ее критическую рецепцию. Андерсен-романист был представлен в выступлении *Ю.В. Королинской*, предложившей собственное прочтение романа «Быть или не быть» и обратившейся к философским идеям Г.Х. Андерсена о противостоянии механического и органического начал, которые представляют собой не оригинальные размышление писателя, а художественно убедительную интерпретацию идей датского ученого

Г.Х. Эрстеда. *Н.К. Полосина*, опираясь на концепции В.М. Жирмунского (идея романтизма как «мистического реализма») и М.Х. Эйбрамса («естественное сверхъестественное»), рассказала о британском журнале «Джерм» («Росток»), первом медийном свидетельстве творческого сотрудничества художников, поэтов и критиков из круга прерафаэлитов. *С.И. Панюта* выделила основные темы в романе Э. Золя «Добыча», связанные со стихией сказки, отметив, что проявление мотивированного темой и сюжетом сказочного начала становится неким волшебным фоном для «реальной жизни», выведенной в романе. Завершил секционное заседание *В.М. Толмачев*, рассказавший о натурализме Ги де Мопассана, трактуемом как арtnатурализм. Проведя подробный анализ романов «Жизнь» и «Милый друг» в свете этой парадигмы, докладчик указал на то, что первый написан в флорберийском духе и адаптирован под запросы своеобразно эстетизированного натурализма, а второй, сохраняя некоторые черты флорберийского понимания прозы как поэзии, элементы отождествления автора и героя, являет собой золаистское прочтение ключевых тем и обращается к натуралистскому гротеску, сатире.

На кафедре теории литературы открыл заседание *О.А. Клинг*, охарактеризовав влияние теоретико-литературного наследия русского символизма начало XX в., представленного Д.С. Мережковским, А. Белым, Вяч. Ивановым и др., на теоретические воззрения М.М. Бахтина, во многом благодаря которому не прервалась линия отечественного философского литературоведения. *Л.В. Чернец*, обратившись к драматургии А.Н. Островского, отметила своеобразие финальных реплик: в отличие от пьес классицистов (Сумароков, Фонвизин, Княжнин, Судовщиков, Капнист, Крылов и др.), где развязка, как правило, исчерпывала конфликт, и последняя реплика служила «уроком», комедии Островского (по сути — драмы) нередко оставляли «порок» безнаказанным, что вызывало резкую критику «сверху». В сообщении *И.Н. Исаковой* было рассмотрено понятие «благодарное принятие мира», или идиллический модус, в мировой литературе, в значительно большей степени характерный для восточных литератур. Завершил заседание секции *А.А. Холиков*, представивший попытку реконструировать историю создания Д.С. Мережковским «Завета Белинского» (с опорой на газетные хроники Первой мировой войны, текстологический анализ авторской правки на стилистическом, композиционном и содержательном уровнях) от публичной лекции и первых газетных публикаций — к окончательному тексту в одноименной брошюре 1915 г.

На кафедре славянской филологии секционное заседание открылось докладом *Н.Е. Анянцевой*, в котором рассматривались вторичные функции общеславянских и иноязычных по происхождению номинаций продуктов питания, представленных в польских фразеологизмах и паремиях, которым в русском языке могут соответствовать как эквиваленты с наличием названия продукта (ср. w jakimś sosie — под разным соусом), так и не содержащие подобных номинаций (ср. bułka z masłem — плевое дело). *А.С. Новикова* поделилась результатами исследования текста третьей афоно-тырновской редакции Евангелия, представляющей большой интерес для палеославистов, формировавшейся в течение

длительного времени: кодификация происходила на Афоне в первой половине XIV в. и затем в Тырновской литературной школе. *К.В. Лифанов* рассмотрел историю фонем *ä* и *l'* в словацком литературном языке с момента их одновременного введения в 1852 г. до настоящего времени, подчеркнув, что их судьба оказалась различной: первая практически исчезла из фонетической системы, превратившись в элемент орфографии, тогда как вторая закрепилась в ней, но лишь в тех позициях, в которых она обозначается графически. *Е.В. Верижников* в выступлении отметил, что в македонском языке спектр значений форм сум+л-форма, наряду с темпоральным (esse-перфект) и эвиденциальным (указание на косвенный источник информации о действии), включает адмиративное: обозначение эпистемически неожиданной ситуации, лично констатируемой говорящим в момент ее осознания. *А.И. Изотова* посвятил доклад развитию взглядов чешской функциональной стилистики в XX и начале XXI в., уделив особое внимание современным тенденциям исследования и описания материала, отраженным в двухтомном «Новом энциклопедическом словаре чешского языка» (*Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha, 2016) и коллективной монографии «Стилистика устного и письменного чешского языка» (*Stylistika mluvené a psané češtiny*. Praha, 2016). *Е.И. Якушкина* представила анализ результатов анкетирования носителей восточногерцеговинских (области Маняча и Ливаньско-Поле в западной Боснии) и шумадийско-воеводинских говоров (области Раджевина и Подгорина в северо-западной Сербии) по 370 лексическим вопросам, охватывающим базовые тематические группы лексики, подчеркнув, что ряд дифференциальных лексем демонстрирует четкие ареальные противопоставления между говорами западной Боснии и шумадийско-воеводинскими говорами северо-западной Сербии (димьяк — оцак, гулити — љуштити, увор — креста, гра — пасуль, мрква — шангарепа, цеста — пут, тара — разбој, крув — хлеб). *О.О. Лешков* на основании анализа деривационных и сочетаемостных свойств польских лексем, именующих Россию и ее жителей (*Ruś, Rosja, Rus, Rusin, guski, gosyjski, Rosjanin, Moskwa, Moskal*), рассмотрел их семантическую и функциональную эволюцию. *Е.Н. Ковтун*, говоря о фантастике XX–XXI вв., выделила особенности художественного «канона» изображения Мира Посмертия (МП): ряд базовых характеристик интертекста, типы ландшафтов, мотивов, сюжетных, композиционных схем, функциональности образа МП, авторские задачи, которые решаются с помощью вымышленных миров, созданных на основе гипотезы о «том свете». *А.Г. Шешкен* отметила, что в македонском историческом романе важным элементом сюжета, конфликта и характеристики персонажей является фольклор, отразивший сопротивление исламизации и сохранения национальной идентичности в эпоху османского ига. В сообщении *Н.Н. Стариковой* были представлены малоизвестные факты биографии выдающегося словенского поэта и переводчика Тоне Павчека (1928–2011), связанные с его встречами с Анной Ахматовой и Иосифом Бродским зимой 1963 г. В выступлении *Е.В. Сагалович* анализировались ранние произведения сербского писателя Данило Киша: романы «Мансарда» (1962), «Псалом 44» (1962), «Сад, пепел» (1965) и

цикл рассказов «Ранние горести» (1970) — произведения, в которых заложены мотивы, концепты, приемы творческого метода автора (поиск равновесия между поэтическим осмыслением мира и повествованием в прозе). Кафедральное заседание завершилось сообщением *С.Н. Мещерякова*, отметившего соединение элементов романтизма, реализма и символизма в лирике сербского поэта В. Илича, что было обусловлено сменой литературных эпох в Сербии: отказом от романтизма и переходом к модерну.

На кафедре русского устного народного творчества *С.В. Алтатов* рассмотрел историю бытования и пути эволюции известной детской игры в «левитацию»: прямое упоминание игрового феномена А. Солженицыным в автобиографической поэме «Дороженька», цитирование заглавного топоса в текстах Б. Садовского и В. Маяковского указывает на активное бытование российской версии игры уже в начале XX в. *В.А. Ковника* «Традиционные и новые версии и функции “Сна Богородицы”» был посвящен рассмотрению жанровых версий реализации заговорного сюжета из апокрифа в русской традиции XIX–XXI вв. В выступлении *А.А. Родионовой* исследовался феномен возникновения и распространения средокрестных песен в Верхнем и Среднем Поволжье, уникальность их образно-поэтического наполнения, что дает основание говорить об их особом месте в весенней календарно-обрядовой поэзии.

Секционное заседание кафедры классической филологии открылось докладом *Е.В. Антонец*, в котором были рассмотрены особенности структуры периода, характерного для исторической прозы Тита Ливия. В сообщении *С.А. Степанцова* предложено новое объяснение трудного для интерпретации места из IV Пифийской оды Пиндара (ст. 109–110), где френы (мыслительный орган) Пелия названы белыми (leukai): на основании понимания семантики слова leukos как «светлый, прозрачный, легкий» «белые френы» могут быть истолкованы как «неразумные френы», «слабый ум». В выступлении *Я.Л. Забудской* прослежено развитие семантики образа богинь мщения Эриний в литературе от Гомера к Плутарху, где набор семантических оттенков ἐρινὺς оказывается довольно широким (древняя функция судьбы и родительского проклятия, идея возмездия, безумие и более общее значение несчастья), а также в вазописи, сюжеты которой связаны с литературной интерпретацией, отличаясь от нее в силу смены характера нарратива, репрезентируя трагедию и трагическое происхождение сюжета. Завершил заседание *И.С. Тимофеев*, затронув одну из проблем эпикурейской философии — делимости души, проведя сопоставление определений души, сохранившиеся в текстах Эпикура и в греческой философской доксографии, а также технику их перевода на латинский язык в поэме Лукреция «О природе вещей».

На кафедре византийской и новогреческой филологии *М.В. Бибиков* представил результаты палеографического и кодикологического анализа рукописных кодексов Русского монастыря св. Пантелеимона, указав, что нововыявленные рукописные памятники содержат греческие переводы древнерусских житий, а текстологические методики исследования приводят к выводу о русском происхождении текстов, ставших вехой на пути создания фундаментального корпуса «Афониады» Иакова Неаски-

тиота. В выступлении *К.А. Климовой*, построенном на материале ареальной этнолингвистической диалектологии, отмечалось, что мифология в традиционной культуре Новой Греции включает, с одной стороны, группу центральных персонажей (нереиды, мойры, каликандзары и пр.), обладающих развернутыми характеристиками, часто упоминаемых в мифологическом контексте, а с другой — второстепенных персонажей (Бубулас, Пейфарга, каламодонтес и т.д.), сведения о которых более скудны. В сообщении *Т.И. Самойленко* были представлены результаты авторского перевода древнерусского «Девгениева деяния» на греческий язык с учетом использования лексического материала, фразеологии, имен, элементов синтаксиса и морфологии, характерных для акритского эпоса. Как отметил *Д.Е. Афиногенов*, анализируя произведения патриарха Фотия (IX в.) с точки зрения проблемы самоидентификации подданных Римской империи, апостол Павел мог быть одновременно иудеем, гражданином Тарса и римским гражданином, о чем свидетельствуют существенные следы полисного сознания в византийском менталитете. В выступлении *Ю.Б. Мантовой*, посвященном риторической организации ямбов Ионна Цеца «На воспитание детей», была показана специфика данного формата, который состоит в наличии риторического комментария, где разбираются характеристики текста с точки зрения античной теории риторической аргументации и стиля, широко распространенной в Византии. *И.В. Тресорукова* представила исследование, в ходе которого были выявлены предикативные и непредикативные структуры, включающиеся во все категории фразеологических единиц и свидетельствующие о том, что вербализация ирреальности времени и пространства выражается через нереальные явления, представленные факторами, которые репрезентируются через различные коды культуры и отражают антропоцентричность греческой фразеологии.

На кафедре общей теории словесности в докладе *Т.Д. Венедиктовой* был отмечен «кризис роста» в сравнительном литературоведении, указывалась необходимость отвечать на вызов глобализации к поиску новых методологических альянсов, поскольку фокусировка на произведениях, которые наделены повышенным потенциалом транскультурной подвижности, приглашает к использованию методов когнитивной поэтики, а сложившаяся демаркация культурных/семиотических полей и кодов открывается, таким образом, пересмотру. *А.А. Зубов* обратился к вопросу о соотношении когнитивной жанрологии и исторической поэтики литературных жанров, особо подчеркнув, что под влиянием когнитивистики многие достижения в области жанрологии, предложенные ранее отечественной формальной школой, М.М. Бахтиным и его последователями, а также американской школой нового историзма, в настоящее время активно переосмысляются. Совместный доклад *В.В. Красных* и стажера филологического факультета *Чжоу Дичэнь*, выполненный на материале рассказа В. Токаревой «Рубль шестьдесят — не деньги», был посвящен рассмотрению восходящих к архетипическим представлениям «глубинных метафор», особенности которых необходимо учитывать в практике перевода и преподавания РКИ. В сообщении *П.Ю. Рыбиной* анализировался британско-российский анимационный цикл “Shakespeare:

The Animated Tales» (Союзмультфильм / Кристмас Филмз / S4C / BBC Wales, 1992–1994) с точки зрения влияния советских киноадаптаций шекспировского материала на аудиовизуальные решения и присвоения шекспировских сюжетов отечественными режиссёрами-аниматорами, а также предложены инструменты анализа взаимосвязей поэтики и производства при адаптации классики. В докладе *Д. О. Немец-Игнашевой* акцент был сделан на второй части романа Л. Улицкой, где в нарративе отсутствуют маркеры времени и пространства, используются приемы реконструкции когнитивных нарушений, индивидуальная проблема главной героини перерастает в обобщающую метафору потери культурной памяти; предположительно, генеалогия этой метафоры восходит к статье советского генетика В. П. Эфроимсона «Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека)» (1971).

На кафедре английского языкознания в сообщении *И. В. Гусевой* был сделан акцент на функции артикля, обсуждались категории объективности и субъективности, предметности и уровни предметности. В докладе *О. Д. Вишняковой* затронута проблема антропонимических прозвищ (АП), функционирующих в англоязычном политическом дискурсе в качестве динамических индикаторов общественных настроений, инструментов воздействия на объект именованного, выразителей оценки на основе соотнесения с базовыми культурными кодами и традициями; в свою очередь, лингвокреативный потенциал АП может использоваться как самими политическими деятелями (например, прозвища Хиллари Клинтон в выступлениях Дональда Трампа во время предвыборной борьбы), так и другими представителями англоязычного социума, выражающими различные оценочные суждения в адрес политических фигур (например, прозвища Кондолизы Райс: от негативно окрашенного и социокультурно обусловленного “Brown Sugar” — до восторженного “Black Flower in the White House”). *А. А. Шаранкова* представила результаты анализа публикаций британской прессы в 2016–2020 гг., Интернет-опросов и блогов, в которых авторы обращаются к мифу о короле Артуре на фоне политического кризиса в Великобритании (Brexit), что позволило обнаружить основные когнитивные механизмы, среди которых — интеграция ментальных пространств, аксиологическая переоценка и достраивание. В выступлении *Д. С. Мухортова* освещался вопрос о целесообразности изучения конфликтогенов как коммуникативных единиц, порождающих агональную функцию политического дискурса; особо было отмечено, что данная лексика, являясь способом самопрезентации политика, становится средством анализа медиакультуры конкретной нации. В сообщении *И. Э. Стрельца* обобщен опыт преподавания английского языка как второго иностранного магистрантам из КНР в рамках программы «Русский язык и культура в современном мире», показаны некоторые методические приемы индивидуальной, групповой, парной работы в аудитории, приведены примеры типовых лексико-грамматических упражнений, дискуссионных вопросов по изучаемой теме, ролевых игр, а также продемонстрированы фрагменты творческих заданий, выполненных студентами на занятиях. В докладе *М. Э. Конурбаева* «Понимание от первого лица: стилистика, герменев-

тика и феноменология (разграничение подходов)» было отмечено, что рассказчик или писатель начинает с конструирования схематичной картины своего высказывания, структурирования системы символов, о которых он говорит, предполагая дальнейшее развитие и исход.

На кафедре германской и кельтской филологии заседание открылось выступлением *Е.Р. Сквайрс* о недостаточности и неоднозначности синтаксической организации Устава общины немецких купцов Ганзы в Новгороде XIII–XIV в., что можно объяснить не столько ошибками писцов или несовершенством синтаксической техники, сколько традициями и стойкой особенностью языка этих правовых текстов. В докладе *Т.Л. Шенявской* отмечалось, что в эпоху, когда официальным языком церкви была латынь, переводы Священного Писания на скандинавские языки не предназначались для богослужения, что создавало благоприятную почву для появления переводов, выявляющих скрытые от непосвященных смыслы. Примером этому служит текст Молитвы Господней в «Древненорвежской книге проповедей», имеющий важные точки пересечения со стихотворным переложением молитвы на английский, выполненный Адрианом IV, который до вступления на папский престол сыграл важную роль в становлении норвежской церкви. В сообщении *Е.В. Кравченко* «Динамика эпической темы в “Беовульф”» (на примере обозначений моря) был сделан вывод о том, что тему морского путешествия в данном произведении движет синонимическая система моря и глаголы перемещения в пространстве в их взаимодействии. В выступлении *Э.Б. Крыловой* о семантике датской модальной частицы *nok* указывалось, что мнения лингвистов относительно оценки ее прагматической семантики расходятся, однако комплексный анализ особенностей ее функционирования в различных структурах и контекстах высказываний позволяют доказать, что прагмасемантическим инвариантом данной частицы является гипотетическое умозаключение говорящего о достоверности содержания высказывания. *Е.Л. Жильцова* рассмотрела ряд шведских и русских лексем, объединенных общностью происхождения, близостью звучания и написания, но имеющих разные оттенки значения, далеко не всегда являясь полными эквивалентами друг друга, что необходимо учитывать при переводе, а также при составлении словарей. В докладе *Е.М. Чекалиной* обсуждались два русских перевода, написанных на шведском языке стихотворений Эдит Седергран, сделанных Н.Н. Толстой (2001) и Н.Г. Озеровой (2016): в первом сохранена максимально возможная близость к шведскому оригиналу, а во втором — широко использован лингвостилистический потенциал русского языка, включая категорию вида и словообразовательные модели с уменьшительно-ласкательной семантикой. В сообщении *И.В. Матвициной* о шведских словах в латиноязычных средневековых грамотах постулировалось, что данные слова — свидетели ситуации двуязычия, при которой до 1350 г. (принятия закона Магнуса Эрикссона), языком устного общения был шведский, а письменным языком — латынь. Завершилось секционное заседание выступлением *Е.В. Терешко*, в ходе которого была представлена классификация нидерландских фразео-

логизмов по их синтаксической роли и семантической функции с примерами устойчивых словосочетаний по каждому пункту.

На кафедре **французского языкознания** работу секции открыло сообщение *А.С. Рыбаковой* о двойственности методологических основ Единых европейских стандартов по иностранным языкам, среди которых выделены принципы коммуникативного подхода и грамматико-переводной метод обучения. *Е.Э. Бабаева* на основе анализа ранних европейских филологических источников реконструировала эпистемологические корни понятия антонимии, сделав акцент на его определении и месте среди других системных связей между словами. Доклад *В.М. Амеличевой* «Об употреблении предлога *sur* с географическими названиями» сфокусировал внимание слушателей на конструкциях типа ‘*J’habite sur Paris*’, где указанный предлог употребляется с названиями городов и регионов, когда территория рассматривается как двухмерное пространство с размытыми границами, на котором одушевленный субъект передвигается или совершает активную деятельность; несовпадение этого употребления *sur* по значению с предлогом *à* гарантирует его дальнейшее закрепление в языке. *Е.И. Курбанова-Ильютко* представила различные типы социолингвистических анкетирований, традиционно используемые в полевых исследованиях региональных вариантов французского языка, особо остановившись на результатах собственных исследований, проведенных в Валь д’Аосте (2015–2020 гг.). *А.Б. Сергеева* на лексическом, морфологическом и словообразовательном уровнях предложила обсудить новые особенности номинации — тенденцию, определяющую современную речевую манеру: стремление к абстрактному и уклончивому способу обозначения, размытость и обобщенность значения определяющих моду единиц, а также неоднозначность их интерпретации. В сообщении *М.И. Олевской* говорилось о специфических ошибках во французском произношении при *liaison* и *enchaînement*, особенно в группах «существительное в единственном числе + прилагательное», раскрывался механизм подобных ошибок, предлагалась методика их исправления. В выступлении *Е.Л. Пастернак* «Реформаторский пуризм в научной переписке Вольтера» в лингвистическом ключе были рассмотрены взгляды философа на стилистическое разнообразие, синтаксис и этимологию языка. *Е.М. Белавина* посвятила доклад переводческой проблеме многозначности на примере поэтического курса Бориса Пастернака: в самых известных и запомнившихся строках его переводов из Верлена обнаруживаются неоднозначные контексты, а субъективная особенность идиолекта Пастернака функционирует в переводе как мнемотехнический прием. Завершила заседание секции *Е.В. Клюева*, представив краткий анализ эссе «Франсуа Виллон» (1913) и некоторых стихотворений О. Мандельштама, обозначив особое значение французского поэта XV в. для творчества и жизни Мандельштама, с которым русский поэт ощущал «кровное» родство.

На кафедре **немецкого языкознания** заседание началось с выступления *И.А. Гапоновой* о лингвистической функции обозначения цвета в немецкой прозе XX в. (Ф. Кафка, Т. Манн, Г. Гессе, В. Борхерт, Г. Белль, П. Хандке), что придает тексту определенную тональность (мрачность —

жизнерадостность), метафоричность, символичность, а также может служить важной составляющей композиции произведения. *А.В. Пильгуй* представила анализ образного ряда и тематики произведений *С. Цвейга* из первого поэтического сборника «Серебряные струны», которые носят яркий любовный характер, тонко передают эмоциональное состояние лирического героя, обращаются к теме звука и музыки, используя множество звуковых метафор и сравнений, а также к концепту времен года. *Л.Ю. Уварова* на материале стихотворных произведений немецких поэтов XX в. рассмотрела сущностные характеристики метафорического восприятия мира, особенности авторской метафоры, заключенные в ее неоднозначности, многоплановости, совмещении несовместимого. Завершилась работа секции сообщением *Т.А. Ленковой* о развитии дизайна в креолизованных медиатекстах, проанализировавшей причины и этапы процесса, обусловленного тенденцией к визуализации во многих сферах жизни современного общества, на материале журнала “Der Spiegel”.

На кафедре романского языкознания обсуждение открылось выступлением *А.В. Аксеновой* об особенностях первого перевода пьесы «Ахилл на Скиросе» (“Achille in Sciro”, 1736) П. Метастазियो на румынский язык (1797), которые обусловлены использованием валашского диалекта, распространенного на территории исторической области Мунтения в современной Румынии. В докладе *М.А. Косарик* «Проблематика истории языка в эпоху Возрождения» подвергалось сомнению устоявшееся представление в романской лингвистической традиции об отсутствии исторического взгляда на язык до появления сравнительно-исторического языкознания, поскольку анализ французских, итальянских, испанских и португальских филологических сочинений XVI–XVII вв. показывает, что в практике описания романских языков и демонстрации в рамках апологии их близости к латыни исторический подход к языку складывается в ренессансной лингвистике. В сообщении *Е.А. Семеновой* «Формальные и функциональные особенности сослагательного наклонения в румынском и итальянском языках» говорилось о значении сослагательного наклонения в независимых предложениях, в которых ключевым пунктом является человек и его субъективное восприятие действительности. *О.Ю. Школьникова* рассмотрела систему колоритивов в русском и итальянском языках с точки зрения возможности перевода, случаи расхождения семантики обозначений оттенков синего и красного цвета, обратившись к примерам из итальянских переводов романа *Е. Замятина* «Мы», где цвет выполняет смыслообразующую функцию. В конце заседания прозвучал доклад *М.С. Соколовой* «Варианты перевода модальной рамки, дающей оценку по параметру ‘количество’», в котором обосновывалось утверждение, что в определенных контекстах количественный параметр может выполнять функцию оценки, и говорящий руководствуется своими представлениями о норме и о мере, о некотором сформировавшемся в общественном сознании эталоне, поскольку в нормативной картине мира большое количество признается желательным, а малое — нежелательным.

На кафедре иберо-романского языкознания открылась секция докладом *Ю.Л. Оболенской*, в котором анализировались переводы восьми

интермедий М. де Сервантеса и отрывка из «Истории испанской литературы» фон Шака об испанском театре, выполненных А.Н. Островским в 1870-х годах. В сообщении *М.С. Снетковой* было отмечено, что норма современного галисийского языка формировалась во многом в рамках полемики между двумя направлениями: автономизмом (представленным Галисийской академией языка и ратовавшим за выработку самостоятельной нормы галисийского языка) и реинтеграционизмом (который выступал за ее сближение с португальской нормой). В выступлении *А.В. Бакановой* об особенностях каталанских бытовых сказок подчеркивалось, что для них характерно отсутствие четкой сюжетной организации, простой язык повествования, дидактическая функция многих формульных элементов, житейское содержание с местным бытовым колоритом (*rondalles humanes*), сюжеты о ловком воре или мастере, об уме или глупости, о бедняках, солдатах, хитрых женах, церковнослужителях и других персонажах, оказывающихся в комических ситуациях. В сообщении *К.В. Кичигина* о социолингвистической ситуации в Перуанской Амазонии отмечалось богатое разнообразие индейских языков, их взаимодействие с испанским, что приводит к образованию новых региональных разновидностей речи с особыми характеристиками — по сравнению с нормативным испанским языком Перу. В заключении выступила *А.А. Невокшанова*, о понятийном объеме термина «национальный вариант» в отечественной испанистике, особенностях употребления соответствующих испанских терминов, языковой норме в соотношении с разными формами испанской речи.

На кафедре финно-угорской филологии *Е.З. Шакирова* посвятила выступление русским переводам автобиографического романа венгерского писателя Имре Кертеса «Без судьбы», повествующего о трагедии Холокоста, сопоставив две версии романа, выполненные известными российскими переводчиками: Юрием Павловичем Гусевым (р. 1939) и Шимоном (Симоном) Перецовичем Маркишем (1931—2003), которые использовали разные подходы для передачи поэтических и смысловых особенностей произведения. В докладе *Н.С. Братчиковой* анализировались структурные особенности и языковые средства выразительности новостных веб-текстов, размещенных на сайте финского интернет-издания YLE, что позволило выявить языковые механизмы их воздействия на аудиторию, особенности их конструирования, определить национально-специфические лексические средства выразительности. В сообщении *А.П. Гуськовой* была предпринята попытка провести анализ транспозиции как закономерного явления в системах частей речи венгерского и русского языков, установить причины перехода слов из одного лексико-грамматического класса в другой, а также отграничить явления переходности в системе частей речи от смежных языковых явлений.

На кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного прозвучал доклад *Е.Л. Бархударовой* о разработке основ преподавания иностранцам русской фонетики в исторической ретроспективе и в контексте задач современной лингводидактики, в котором особое внимание было уделено необходимости сопостави-

тельного изучения позиционных закономерностей фонетики родного и изучаемого языков, что открывает новые возможности для создания и совершенствования курсов русской звучащей речи, адресованных иноязычной аудитории. *О.В. Зубова* рассказала о трудностях освоения англоязычными учащимися лексических дериватов глагола «думать», а также об их классификации, разработанной на основании близости семантики русских и соотносимых с ними английских лексем, которая позволяет учитывать степень сложности их усвоения, прогнозировать ошибки, корректировать их релевантным способом. В сообщении *О.Ю. Дементьевой* были продемонстрированы различия между системой локативных значений в русском, тюркских и иранских языках, а также представлена характеристика средств выражения пространственных отношений в русском языке с акцентом на противопоставлении значений конкретной и общей сопространственности, что является специфически славянским, в связи с чем употребление предлогов «в» и «на» со значением общей сопространственности семантически не мотивировано и объясняет сложности при изучении РКИ). В выступлении *Т.Е. Чаплыгиной* о способах передачи субъективных смыслов в русском языке отмечалось, что в иностранной аудитории вызывают трудность русские конструкции, где лексика предложения не поддерживает субъективные смыслы, и где сочетаются несколько модальных частиц, усложняя алгоритмы выбора и комбинирования частиц в речи; особое внимание было уделено интонационному оформлению предложений при передаче эмоционального содержания высказывания.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета в сообщении *Н.В. Баландиной* на материале романа Е. Гришкова «Рубашка» демонстрировались принципы лингвостилистического анализа текста, помогающие раскрыть внутренний мир главного героя, а также проследить этапы освоения изначально чуждого для него окружающего пространства. *М.М. Верейтинова* рассказала об особенностях терминологической лексики в современном подъязыке педиатрии, рассмотрев различия между понятиями «медицинская терминология» и «медицинская лексика», особо остановившись на способах терминообразования. *А.В. Величко* сфокусировала внимание аудитории на проблематике разработки учебных программ по русскому языку для разных контингентов, подчеркнув, что необходимо учитывать не только уровень практического владения языком, но и образовательный статус учащегося. *А.А. Жукова* обратилась к вопросу об изучении альтернативной поэзии XXI в., художественным рецепциям и языковым особенностям российского рэпа, среди основных тем и аспектов которых были выделены религиозно-философские искания лирического героя А.В. Завьялова и А.А. Позднухова, русская идея и др. В докладе *Л.В. Красильниковой* о чистоте научного стиля была дана оценка степени влияния сервиса «Главред» на работу современных копирайтеров, уточнена сама возможность применять предлагаемую правку к научным текстам. В выступлении *О.В. Чагиной* рассматривались языковые уровни изучения аббревиатур на уроках РКИ (фонетический, грамматический, стилистический) с опорой на лингвострановедческий аспект, а также

анализировались возможные ошибки учащихся в произношении, словообразовании, словоизменении.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов в докладе *В.В. Добровольской* подчеркивалось, что для повышения эффективности процесса обучения РКИ является включение его эмоциональной составляющей в число постоянно планируемых и целенаправленно действующих факторов, что должно реализовываться при подготовке конкретного курса, отборе языкового и информативного материала, планировании комментария преподавателем, активизации его в речи студентов, а также при учете их индивидуально-психологических особенностей, необходимости осознания ими собственной активной роли в учебном процессе. *А.А. Прокубовский* продемонстрировал приемы освоения на занятиях по РКИ прогностических конструкций со словом «смысл» («в прямом/переносном смысле», «в широком/узком смысле», «в высоком/низменном смысле» и др.), с помощью которых можно ликвидировать двусмысленность на разных уровнях языка, разграничить значения многозначного слова. *Т.А. Слабодкина* посвятила выступление приемам структурирования заданий в рамках социокультурного аспекта при обучении РКИ студентов естественнонаучных специальностей и способам повышения их мотивации к изучению данного материала, представив в качестве примера проектную работу, объединяющую различные направления культуры.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов в докладе *Л.П. Клобуковой* сквозь призму научного наследия академика В.Г. Костомарова были рассмотрены проблемы языкового вкуса как неотъемлемого атрибута любой языковой личности в контексте обучения РКИ, а также обоснован тезис о влиянии на коллективный языковой вкус публичного речевого поведения журналистов, известных писателей, артистов и др. медийных персон. Выступление *Н.В. Баско* посвящено универбации — образованию слов путем формально-семантической компрессии словосочетаний с использованием различных суффиксов: -к(а) (удаленка — удалённая работа, вторичка — вторичное жильё), -ик/-ник (цифровик — цифровой фотоаппарат, мобильник — мобильный телефон), — ух(а) (косуха — косая куртка) и др., проанализированы особенности функционирования, структура, семантика, стилевая характеристика подобных лексем, потенциал универбации как одного из самых продуктивных способов словообразования в русском языке XXI в. для пополнения словарного состава новыми номинациями в различных типах дискурса. В сообщении *О.В. Макаровой* о семантике неологизмов молодежного сленга, подготовленном на материале подкастов, приложений, каналов и сайтов, названных старшеклассниками и студентами Москвы и Подмосковья в ходе опроса как часто посещаемые, было отмечено, что молодежный сленг представляет богатый материал для анализа языковой личности современного подростка, подверженного влиянию стремительного темпа жизни, развития компьютерных технологий, появления в языке безэквивалентной лексики, новых дефиниций, смыслов, заимствований. *Л.Н. Норейко* продемонстрировала новый взгляд на способы

ознакомления иностранной аудитории с грамматической категорией видов глагола, предложив графическое представление данного аспекта русской грамматики, введя в методический оборот понятия «точки отсчета» говорящего в момент обозначения того или иного действия в разные временные периоды. В выступлении *М.В. Фокиной* критерий «грубых нарушений фонетико-интонационных норм на нефонематическом уровне», содержащийся в методических указаниях ТРКИ по определению уровня навыков говорения иностранным студентом на уровнях А1–В1, был подвергнут сомнению и предпринята попытка соотнести данный критерий с общепринятыми классификациями отрицательного материала, определить его значимость в системе оценки результатов тестирования.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики доклад *П.В. Гращенкова* был посвящен описанию системы автоматической транскрипции «Трифон», разработанной при участии сотрудников и студентов ОТиПЛ. Особое внимание было обращено на системы автоматической транскрипции, которые традиционно применяются в прикладных проектах по распознаванию и синтезу речи, отмечено, что при их создании необходимо решать проблемы предобработки текста (напр., перевод цифр в буквы, огласовку аббревиатур), правильно выбирать последовательность применяемых фонологических правил, определять необходимую «точность» анализа (аллофон-звук-...), учитывать контекст и влияние соседних словоформ, если фонетически они составляют единое целое. В выступлении *Ю.В. Николаевой* сопоставлялись референциальные средства, с одной стороны, и жестикация, сопровождающая речь — с другой. Было отмечено, что жесты, сопровождающие рассказ, могут быть выполнены от лица персонажа (С-VPT, character viewpoint) или от лица стороннего наблюдателя (О-VPT, observer viewpoint), а при изложении последовательности событий жесты также могут выстраиваться в цепочки («подхват»), на вербальном уровне этому явлению соответствуют редуцированные референциальные средства (как правило, личные местоимения или нулевая анафора), причем, как показывает анализ корпусных данных, у непосредственного зрителя эти цепочки будут организованы иначе, чем у того, кто пересказывает этот же сюжет с чужих слов. В докладе *О.В. Федоровой* описаны исследования движения глаз человека в реальном общении в нелабораторных условиях (во время прогулки или приготовления сэндвичей) и бимодальной коммуникации, отмечено особо, что последние десятилетия в психолингвистике наблюдается бурный рост разнообразных экспериментальных исследований с использованием метода регистрации движений глаз — айтрекинга (глазодвигательного поведения человека при чтении, рассматривании картин или сайтов в интернете, при разрешении синтаксической или дискурсивной неоднозначности); причем о распределении зрительного внимания человека в повседневном общении известно намного меньше.

На заседании секции лаборатории «Русская литература в современном мире» в сообщении *Т.Н. Беловой* о преломлении толстовской традиции изображения войны в романе «Алый знак доблести» С. Крейна, восхитавшегося и самой личностью Л. Толстого, и его произведениями,

отмечалось, что обращение американского автора к теме Гражданской войны в США было вызвано желанием изобразить поведение человека в экстремальной ситуации — на грани жизни и смерти, когда юный герой Г. Флеминг, напичканный книжными представлениями о войне, пытается побороть парализующий страх и боязнь оказаться трусом. *А.В. Злочевская* посвятила выступление анализу романа В. Набокова «Отчаяние», в котором автор впервые опробовал новый для себя тип персонажа — антигероя и антихудожника, что предопределило принцип сотворения его образа: в основу положен нарратив *Ich-Erzählung* и алгоритм последовательного тотального отрицания и выталкивания из реальности (тема зеркала, мотив страха Германа перед отражением). В докладе *Е.А. Певак* «Русская проза о Первой мировой войне: жанровое своеобразие» говорилось о том, что для отечественной военной прозы начала XX в., наряду с разнообразием форм и приемов, характерно «однотемье» и достаточно поверхностный подход к изображению событий, что особенно заметно при сопоставлении как с малыми жанрами, так и с романами-эпопеями, появляющимися уже в советский период. Сообщение *О.В. Розинской* сфокусировало внимание аудитории на истории русской культурной эмиграции в межвоенной Польше, напомнив не известные современному читателю имена, творческая индивидуальность которых оформилась уже вне Родины (Б. Евреинов, С. Кулаковский, В. Фишер, Е. Вебер-Хирьякова и др.), — разные по своим творческим почеркам и возможностям, объединенные ощущением оторванности от родной земли, кризиса цивилизации, исторического катаклизма. *М.М. Громова* рассказала о словенской реалистической прозе для детей, издававшейся в 1961–1985 гг. «Детской литературой» на русском языке в переводах Ирины Макаровской, Ольги Кутасовой, Леонида Яхнина. Было отмечено, что прервавшаяся традиция возобновляется только в 2021 г.: готовятся к выходу две современные повести Винко Медерндорфера.

Секционное заседание **лаборатории фонетики и речевой коммуникации** открыл *С.А. Крейчи* докладом «Особенности консонантизма как индивидуальные различительные признаки речи». Автор подчеркнул, что установление личности говорящего по голосу и речи является одной из задач судебной экспертизы, где вещественными доказательствами выступают зафиксированные разговоры фигурантов уголовного дела. Традиционно в фонографическом исследовании используется спектральная структура произносимых звуков, средняя частота основного тона голоса и диапазон ее изменения, средняя звуковая длительность, характеризующая темп речи говорящего, а также дополнительные признаки голоса и речи (хриплость, сиплость, картавость, шепелявость), а отклонения от произносительной нормы проявляются при артикуляции согласных звуков, различающихся по месту образования, активному органу и внутриклассовым признакам (глухость/звонкость, твердость/мягкость), и их сочетаний. В результате представленного исследования установлено, что характер произнесения консонант зависит от иноязычных и диалектных явлений в речи говорящего, повлиявших на формирование его артикуляторной системы, а также от анатомическо-

го строения его артикуляторных органов (языка, губ, зубов), которое приводит к отличиям в произношении, и является дополнительным индивидуальным признаком при установлении личности говорящего по голосу и речи. Заседание продолжила *Ф.О. Байрамова*, представив обзор отдельных направлений судебной экспертизы фонограмм (СЭФ): судебной фоноскопической, фонографической экспертизы, объекты которой расширяются, а объем и задачи исследования меняются благодаря большей доступности устройств, позволяющих фиксировать видео- и аудиозаписи разной длительности. В выступлении были обозначены аспекты исследования звукозаписей, описаны моменты размывания фонетической нормы и их влияние на работу эксперта-лингвиста СЭФ, отдельно рассмотрен вопрос о возможности идентификации говорящего не на русском языке в методическом плане, показана существующая практика судебно-экспертных учреждений и потенциальные варианты ее развития. В сообщении *В.П. Некрыловой* были представлены результаты фонетического эксперимента, проведенного в июле–августе 2019 г., в рамках которого рассматривалась интенсивность гласных, анализировалась интерферированная речь двенадцати носителей русского языка, проживающих в Турции. Полученные в результате исследования данные указывают на признаки деформации ритмической структуры слова в русском языке, находящемся под влиянием турецкого, где интенсивность является одним из сопутствующих коррелятов словесного ударения. *Н.И. Миронова* рассмотрела поликодовые тексты нативной рекламы на тему «Здоровье», виды отношений между вербальным и визуальным аспектом, а также новый их вид: восполнение, замещение отсутствующей вербальной информации — визуальной, поскольку изображение какого-либо объекта (в основном, повседневного продукта питания) замещает не названное в вербальной части текста лекарственное средство. Было отмечено, что основная манипулятивная тактика подобных анонсов — обман, стартовое рекламное сообщение является ложным, поскольку в основной части, к которой можно перейти простым «кликом» или по ссылке «Подробнее...», в качестве лекарственного средства предлагается уже не неопределенный продукт, а конкретная биодобавка. В докладе *О.Е. Фроловой* «Психологические термины как инструмент описания внутреннего состояния человека в бытовой речи» указывалось, что в современном русском языке наблюдается тенденция к детерминологизации лексики, принадлежащей психологии, психиатрии и психоанализу, что можно охарактеризовать как дефицит средств выражения и стремление к более точному описанию внутренней жизни человека. Были рассмотрены следующие единицы: адреналин, гештальт, галлюцинация, депрессия, драйв, истерия, комплекс, кретинизм, мания, маразм, паранойя, психоз, психопатия, садизм, стресс, ступор, фобия, шизофрения, шок. Показатели детерминологизации: словообразование; проникновение дериватов термина в жаргон и сленг; увеличение частотности. Заседание секции завершилось выступлением *Ю.А. Шахмайкиной*, представившей классификацию вопросов, которые задают современные интервьюеры своим собеседникам, а также рассмотревшей конкретные ситуации на примерах из интервью, проведенных Ю. Дудем.

Таким образом, в ходе «Ломоносовских чтений» 2020 г. на филологическом факультете Московского университета прозвучало более 100 содержательных сообщений и докладов, посвященных актуальным вопросам языкознания, литературоведения, методики преподавания филологических дисциплин.

Olga Aleksandrova, Marina Remneva, Ilya Strelets

**THE 2020 LOMONOSOV READINGS
AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper aims to show the scope of research conducted at the Faculty of Philology through outlining the Lomonosov Readings Conference in 2020 at the Faculty of Philology, Moscow University. The event included online sessions on a range of linguistic, literary, and didactic topics and embraced the whole faculty.

Key words: philology; linguistics; literary studies; instruction methods.

About the authors: *Olga Aleksandrova* — Prof. Dr., Deputy Dean for Science, Head of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com); *Marina Remneva* — Prof. Dr., President of the Faculty of Philology, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: m.l.remneva@mail.ru); *Ilya Strelets* — PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sagitil@mail.ru).

ПАМЯТИ...

Е.В. Клюева, В.М. Амеличева

ИРИНА НИКОЛАЕВНА КУЗНЕЦОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье описывается жизненный и творческий путь крупного ученого-романиста, выдающегося специалиста по лексической интерференции, многолетней заведующей кафедрой французского языкознания филологического факультета МГУ И.Н. Кузнецовой, скончавшейся 9 марта 2021 г.

Ключевые слова: Ирина Николаевна Кузнецова; французский язык; французское языкознание; заведующий кафедрой.

9 марта 2021 г. в Москве на 78-м году жизни скончалась ученый-романист, зав. кафедрой французского языкознания филологического факультета, профессор, доктор филологических наук Ирина Николаевна Кузнецова.

И.Н. Кузнецова (Мельникова) родилась 19 августа 1943 г. в Москве. После окончания средней школы № 31 в 1960 г. она поступила на романо-германское отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончила с отличием в 1965 г. Ирину Николаевну сразу оставили на кафедре французского языка, где она начала работать в качестве преподавателя, навсегда связав с факультетом и кафедрой профессиональную и научную деятельность.

В студенческие годы, а затем и в аспирантуре (1973–1976), учителями и наставниками И.Н. Кузнецовой были ведущие преподаватели кафедры, известные лингвисты и лексикографы Е.Ф. Гринева, З.Н. Козлова, Э.А. Халифман. На формирование ее научных взглядов в значительной степени оказал влияние академик Ю.С. Степанов, под руководством которого И.Н. Кузнецовой была успешно защищена в 1965 г. новаторская по тому времени дипломная работа «Избыточность и недостаточность во французском языке». Ю.С. Степанов способствовал дальнейшей научно-исследовательской работе И.Н. Кузнецовой в области паронимии французского языка, которая была продолжена под

Клюева Елена Викторовна — доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tilkapes@gmail.com).

Амеличева Варвара Максимовна — доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: varvara.amelicheva@gmail.com).

руководством чл.-корр. Академии наук Р.А. Будагова и при поддержке профессора С.Н. Кузнецова. Результатом этой работы явились публикации и защита в 1977 г. кандидатской диссертации на тему «Паронимия в современном французском языке». В 1998 г. И.Н. Кузнецова защитила докторскую диссертацию «Теория лексической интерференции». Обе диссертации посвящены лексической интерференции, т.е. языковому смешению внутри французского языка и при контакте французского языка с русским, проявляющемуся либо как ошибка, либо как художественный прием. Кроме того, И.Н. Кузнецова (первоначально в соавторстве с Э.А. Халифман) разработала курс по сопоставительной грамматике французского и русского языков, ориентированный на русско- и франкоязычных студентов [Кузнецова, 1981; 2002].

Эти два аспекта учебно-научной деятельности И.Н. Кузнецовой лежат в основе научной и практической деятельности кафедры, которой она заведовала с 1991 г. Под руководством И.Н. Кузнецовой были успешно защищены многочисленные курсовые и дипломные сочинения, магистерские и кандидатские диссертации, подготавливались высококвалифицированные кадры. С 2002 г. совместно с коллективом преподавателей кафедры И.Н. Кузнецова создала новый учебный курс «Теория французского языка», впоследствии руководила разработкой бакалаврских и магистерских программ, НИРов.

В 2002 г. И.Н. Кузнецова была утверждена в должности профессора. Являлась зам. председателя диссертационного совета (романские языки, филологические науки), была председателем ГАКа и ГЭКа в МГЛУ, ПСТГУ, ОГУ.

Научная деятельность И.Н. Кузнецовой была неотделима от педагогической. Талантливый преподаватель И.Н. Кузнецова вела практические занятия по французскому языку, читала лекции и спецкурсы, руководила диссертациями, курсовыми и дипломными сочинениями студентов и магистров. Словом и делом способствовала становлению и развитию кафедры романской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Помимо методической и организаторской работы занималась налаживанием международных связей, научным и педагогическим сотрудничеством, а также обменом студентами и преподавателями между Московским университетом и престижными гуманитарными университетами Франции и Швейцарии. Под ее руководством кафедра крепнет и развивается как в научном отношении, так и с точки зрения методики преподавания; защищаются кандидатские и докторские диссертации, работает профессионально сильный коллектив и поддерживается творческая доброжелательная атмосфера.

Авторитетный ученый И.Н. Кузнецова постоянно принимала участие в конференциях, семинарах, научных программах по романскому языкознанию в России (Смоленск, Орел) и за рубежом (в Швейцарии, Франции, Италии).

Ирина Николаевна Кузнецова была не только крупным ученым, создавшим свое направление в науке, умудренным опытом руководи-

телем кафедры, замечательным педагогом, умевшим ярко и доступно рассказать о сложном, но и настоящим другом, верным, чутким, щедрым. В человеческих отношениях ее отличала высокая порядочность и внимание ко всем ее подопечным: студентам, коллегам, друзьям. Она была всецело предана своему делу, кафедре, факультету. Жизнерадостный, светлый, красивый человек, она любила жизнь и людей, идущих рядом, была и будет любима нами всегда.

Светлая память!

Основные публикации И.Н. Кузнецовой

1. Опыт описания грамматической избыточности и недостаточности во французском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1967. № 2.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Главы 20, 21, 22, 23 / Пер. на русск. язык. М.: Прогресс, 1974.
3. О паронимии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1976. № 1.
4. *Халифман Э.А., Кузнецова И.Н., Козлова З.Н.* Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1981.
5. О лексической интерференции в одном и разных языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1990. № 1.
6. Пособие по французской лексикологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
7. *Grammaire contrastive du français et du russe.* М.: Издательский дом «Стратегия», 2002.
8. Основные функциональные характеристики французского артикля в теоретической и прикладной грамматике // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: Издательство «Ленанд», 2006.
9. Паронимическая неология во французском языке // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 7. Т. 2. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2008.
10. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М.: Изд-во «Нестор Академик», 2009 (версии на русском и французском языках).
11. Временные характеристики французского глагола в сопоставлении с русским // *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi slavo-romanzi.* Milano: Università Cattolica del Sacro Cuore, 2010.
12. Лексическая интерференция как проявление асимметрии языкового знака // Филологические науки. 2010. № 3.
13. *Кузнецова И.Н., Курбанова К.И.* Эмфатическое и тема-рематическое членение фразы во французском языке в сопоставлении с русским языком // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6.
14. Лексическая интерференция в семиотическом и функциональном аспектах (на материале французского и русского языков) // Ученые записки Орловского государственного университета, 2018, № 3.

15. Теория и практика лексической интерференции (на материале французского и русского языков). М.: Изд-во «Нестор Академик», 2021.

Elena Klyueva, Varvara Amelicheva

IRINA KUZNETSOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper pays tribute to the late Romance philologist, long-time head of the Department of French Philology at the Faculty of Philology, Moscow University, Dr. Irina Kuznetsova and celebrates her life and academic career.

Key words: Irina Nikolaevna Kuznetsova; French language; French Philology; head of the Department.

About the authors: *Elena Klyueva* — Associate Professor, Department of French Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tilkapes@gmail.com); *Varvara Amelicheva* — Associate Professor, Department of French Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: varvara.amelicheva@gmail.com).

References

1. Opyt opisaniya grammaticheskoy izbytochnosti i nedostatochnosti vo frantsuzskom yazyke // Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya Filologiya, 1967, № 2.
2. Benveniste E. *Linguistique générale*. Chapitres 20, 21, 22, 23. Traduction en russe. M.: Progress, 1974.
3. O paronimii. Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya Filologiya, 1976, № 1.
4. Khalifman E.A., Kuznetsova I.N., Kozlova Z.N. *Posobie po sopostavitel'nomu izucheniyu grammatiki frantsuzskogo i russkogo yazykov*. M.: Vysshaya shkola, 1981.
5. O leksicheskoy interferentsii v odnom i raznykh yazukakh. Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya Filologiya, 1990, № 1.
6. *Posobie po frantsuzskoy leksikologii*. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1991.
7. *Grammaire contrastive du français et du russe*. M.: Izdatel'skiy dom Strategiya, 2002.
8. Osnovnyye funktsional'nyye kharakteristiki frantsuzskogo artiklya v teoreticheskoy i prikladnoy grammatike. In: *Yazyk i deystvitel'nost'*. Sbornik nauchnykh trudov pamyati V.G. Gaka. M.: Lenand, 2006.
9. Paronimicheskaya neologiya vo frantsuzskom yazyke. In: *Ritorika ↔ Lingvistika*. Vyp. 7. T. 2. Smolensk: Izdatelstvo SmolGU, 2008.

10. *Sopostavitel'naya grammatika frantsuzskogo i russkogo yazykov*. M.: Nestor Academic, 2009 (versions in Russian and French).
11. Vidovremennyye kharakteristiki frantsuzskogo glagola v sopostavlenii s russkim. In: *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Milano: Università Cattolica del Sacro Cuore, 2010.
12. Leksichaskaya interferentsiya kak proyavlenie asimmetrii yazykovogo znaka. *Filologicheskyye nauki*, 2010, № 3.
13. Kuznetsova I.N., Kurbanova K.I. Emfaticheskoe i tema-rematicheskoe chlenenie frazy vo frantsuzskom yazyke v sopostavlenii s russkim yazykom. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya Filologiya*, 2014, № 6.
14. Leksicheskaya interferentsiya v semioticheskom i funktsionalnom aspektakh (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov). *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, № 3.
15. *Teoriya i praktika leksicheskoy interferentsii (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)*. M.: Nestor Academic, 2021.

С.В. Князев

СОФИЯ КОНСТАНТИНОВНА ПОЖАРИЦКАЯ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2*

Ушла из жизни София Константиновна Пожарицкая (22.02.1932–18.05.2021), выдающийся ученый и университетский преподаватель, многие годы читавшая на филологическом факультете МГУ лекционные курсы русской фонетики и диалектологии, по материалам которых ею были созданы широко используемые в университетах страны учебники «Современный русский язык. Фонетика» и «Русская диалектология». Она была авторитетнейшим специалистом в области диалектологии, фонетики и орфоэпии русского языка, внесшим большой вклад в изучение этих разделов русистики.

Ключевые слова: русистика; диалектология; фонетика; орфоэпия.

Кафедра русского языка с глубоким прискорбием сообщает, что на 90-м году жизни скончалась София Константиновна Пожарицкая (22.02.1932–18.05.2021), выдающийся диалектолог, фонетист и педагог, на протяжении почти пятидесяти лет преподававшая на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, автор многочисленных работ по фонетике, морфологии, синтаксису и семантике русских говоров, фонетике и орфоэпии литературного языка, ряда учебников и пособий.

София Константиновна Пожарицкая, она же Галя Куханова, закончила отделение русского языка, логики и психологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1954 г. В 1954–1957 гг. она училась в аспирантуре Института языкознания Академии наук СССР, и ее научный руководитель, Рубен Иванович Аванесов, стал для нее не только учителем, но и близким человеком, с которым она дружила до последних дней его жизни. Осенью 1959 г. вышли первые научные публикации Софии Константиновны [Вопросы, 2009: № 10, 11]¹, а в 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Типы

Князев Сергей Владимирович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (e-mail: svknia@gmail.com).

¹ В 2009 г. в ознаменование 50-летия научной деятельности С.К. Пожарицкой был издан сборник работ ее учеников; ссылки на ее работы, опубликованные до 2009 г., в данном тексте даются по этому изданию с указанием номера публикации в списке научных трудов С.К. Пожарицкой [Вопросы, 2009: 350–358, № 1–106].

предударного вокализма после мягких согласных севернорусских говоров» [Вопросы, 2009: № 12, 16].

В начале семидесятых годов, когда в Институте русского языка началась кампания по изгнанию инакомыслящих — в частности, тех, кто ставил подписи под письмами в защиту диссидентов, — София Константиновна оказалась, по ее собственным словам, «в хорошей компании»: ее уволили вслед за Ю.Д. Апресяном и М.В. Пановым, вместе с Н.А. Еськовой и Л.Н. Булатовой. Как это нередко бывает, несчастье обернулось удачей: после разных перипетий в 1974 г. София Константиновна стала сотрудником филологического факультета МГУ. К научной деятельности прибавилась методическая и преподавательская — и редкий выпускник отделения русского языка и литературы не прошел ее глубокую, содержательную, строгую научную школу, неизменно сохраняя чувство глубокого уважения и совершенного доверия, которое испытывает ученик к настоящему учителю.

София Константиновна блестяще читала общие курсы по русской фонетике и диалектологии, спецкурсы по разговорной речи, графике, орфографии и орфоэпии; ее колоссальный преподавательский опыт и умение строго и полно, но при этом максимально понятно и просто изложить все необходимое нашел отражение в учебниках [Вопросы, 2009: № № 1–9], по которым сейчас учатся студенты во всех ведущих вузах страны. Год за годом, издание за изданием С.К. Пожарицкая совершенствовала свои работы, перерабатывала их и дополняла новым материалом, никогда полностью не удовлетворяясь достигнутым и не позволяя этого своим соавторам.

Областью особого интереса в литературной фонетике для С.К. Пожарицкой служили черты живой разговорной речи [Вопросы, 2009: № 50] и проблемы орфоэпии (а также отражение звукового состава слова в орфографии и пути ее реформирования [Вопросы, 2009: № 0]). Будучи ориентированной вовне — на людей, их взгляды, нужды и потребности, она придерживалась и никогда не стеснялась отстаивать не вполне стандартную (как и практически во всем!), но, как всегда, тщательно аргументированную [Вопросы, 2009: № 46] точку зрения, согласно которой предметом орфоэпии являются не все возможные произносительные варианты, а только те, которые осознаются рядовыми носителями языка и вызывают у них вопросы к профессионалам.

Огромный вклад в развитие личности и настоящего профессионализма студентов всегда вносило общение с Софией Константиновной в диалектологических экспедициях. Именно данные, собранные в этих многочисленных поездках непосредственно в процессе живого и в высшей степени заинтересованного со стороны СК общения (не столько лингвистическими особенностями идиолекта, сколько личностью собеседника, всегда вызывавшей искреннее уважение и восхищение СК), были основной отправной точкой ее работ по русской диалектологии (никогда не от теории, только от материала!). Ее диалектологические интересы были весьма разнообразными, а решения и тут отнюдь не стандартными, но

всегда основанными на тщательном анализе богатейшего диалектного материала, которым София Константиновна очень любила безвозмездно делиться со всеми заинтересованными исследователями. Наряду с безударным вокализмом это и диалектная фонетическая транскрипция [Вопросы, 2009: № 20], и лингвогеографическое членение (в первую очередь — место в нем архангельских говоров) [Вопросы, 2009: № 42, 44], и функции частиц в высказывании (в частности — в качестве непросодического средства сигнала фразовой границы) [Вопросы, 2009: № 34], и семантика и форма творительного падежа (особенно — беспредложного, при помощи которого в архангельских говорах передается множество разнообразных значений) [Вопросы, 2009: № 39, 41, 45, 47], и итеративные глаголы как средство выражения особой грамматической категории — «заверительного статуса» [Вопросы, 2009: № 27], и, пожалуй, самое любимое в последние годы — «русский плюсквамперфект» [Вопросы, 2009: № 28, 35; Pozharitskaya, 2014; Pozharitskaya, 2015; Пожарицкая, 2015]. Проанализировав колоссальный по объему материал живой диалектной речи (большая часть которого была собрана ей самой), С.К. Пожарицкая пришла к выводу, что для форм типа *был пришел, была сгорела* и т.п. указание на то, что ситуация (или ее результат) имела место раньше некоторой другой ситуации в прошлом, в говорах стало факультативным, а в качестве основного теперь выступает значение замкнутости действия в прошлом и неактуальности его результата для настоящего, не указывая при этом на «давность» события; в свою очередь, форма среднего рода *было* вытесняет согласованные формы *был, была, были* и перестает быть элементом сложной глагольной формы, развивая функцию детерминанта прошедшего времени и выполняя функцию фразовой частицы или автономного бытийного предиката. Наконец, *был (была, было, были)* может быть и полностью десемантизован, но при этом сохраняется в «языковой памяти» носителей языка и воспроизводится в их речи в качестве привычного компонента текста. Подобную роль могут играть и другие формы глагола *быть* — *бы, бывает, будет* [Вопросы, 2009: № 51; Пожарицкая, 2012].

София Константиновна всегда была темпераментным, ярким, вызывающим острый интерес, во всех смыслах красивым человеком, которого все коллеги и студенты неизменно были очень рады встречать на факультете. Удивительная молодость восприятия науки, людей и жизни вообще, независимость и внутренняя свобода, прямота и искренность, энергия и любовь к деятельности — редкий набор качеств, определяющий Софию Константиновну Пожарицкую, учителя, ученого и человека, который всегда будет жить в нашей благодарной памяти, в сердцах всех ее коллег и учеников.

Список литературы

1. Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М., 2009. 360 с.

2. *Пожарицкая С.К.* От глагола к служебному слову. Пути грамматикализации // *The Russian Verb. Oslo Studies in Language. Vol. 4.* Oslo, 2012. С. 71–96.
3. *Пожарицкая С.К.* Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // *Исследования по славянской диалектологии.* Т. 17. М., 2015. С. 373–403.
4. *Pozharitskaya S.K.* On the Areal Distribution of the Participial Forms in Russian Dialects // *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer.* Bergen, 2014. С. 109–129.
5. *Pozharitskaya S.K.* Constructions with the Verb *byt'* (*byl, byla, bylo, byli*) in one Northern Russian Dialect: on the Story of the Pluperfect // *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer.* Bergen, 2015. С. 216–244.

Sergey Knyazev

SOFIA POZHARITSKAYA

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019*

Sofia Pozharitskaya (22.02.1932–18.05.2021) has passed away. She was an outstanding linguist and specialist in Russian phonetics and dialectology, she worked at the department of Russian Language, Moscow University's Faculty of Philology for 47 years.

Key words: Russian Language studies; phonetics; dialectology.

About the author: *Sergey Knyazev* — leading scientific researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (e-mail: svknia@gmail.com).

References

1. *Voprosy russkogo yazykoznaniya: XIII. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee* [Issues in Russian linguistics: XIII. Phonetics and grammar: past, present, future]. Moscow, MGU, 2009.
2. Pozharitskaya S.K. Ot glagola k sluzhebnomu slovu [From a verb to a modal word]. In: *The Russian Verb. Oslo Studies in Language. Vol. 4.* Oslo, 2012, pp. 71–96.
3. Pozharitskaya S.K. *Slavyanskiy pluskvamperfekt i ego evolyutsiya v nekotorykh severnorusskikh govorakh* [Slavic plusquamperfect and its evolution in some

- northern Russian dialects]. In: *Issledovaniya po slavyanskoy dialectologii* [Studies in Russian dialectology]. Vol. 17. Moscow, 2015, pp. 373–403.
4. Pozharitskaya S.K. *On the Areal Distribution of the Participial Forms in Russian Dialects*. In: *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects* / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer, Bergen, 2014, pp. 109–129.
 5. Pozharitskaya S.K. *Constructions with the Verb byt' (byl, byla, bylo, byli) in one Northern Russian Dialect: on the Story of the Pluperfect*. In: *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects* / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer, Bergen, 2015, pp. 216–244.